

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского

Том 15 (54). № 1
История

Симферополь
2002

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Том 15 (54). - №1:
Серия «История»

Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2002 г.
Журнал основан в 1918 г.

ISSN 1606-3715

Свидетельство о регистрации – серия КМ № 534
от 23 ноября 1999 года

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. - главный редактор
Бержанский В. Н. - заместитель главного редактора
Ена В. Г. - ответственный секретарь

Редакционный совет серии «История»

Айбабин А. И., доктор исторических наук, профессор

Буров Г. М., доктор исторических наук, профессор

Петрова Э. Б., доктор исторических наук, профессор

Слинкин М. Ф., доктор исторических наук, профессор

Урсу Д. П., доктор исторических наук, профессор

Юрченко С. В., доктор политических наук (редактор отдела)

© Таврический национальный университет, 2002 г.

Подписано в печать 20.12.2002. Формат 70x100 ¹/₁₆
7,8 усл. п. л. 8,4 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ № 267.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
ул. Ялтинская, 4, г. Симферополь, 95007

"Учение записки Таврического национального университета ім. В. І. Вернадського"

Науковий журнал. Том 15(54). №1. Серія "Історія".

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2002
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007

УДК 947.7 :(977.9 =947.22)

Ганкевич В. Ю.

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ИЛЬЯСА БОРАГАНСКОГО

Богатые культурные связи России и Крыма всегда вызывали неподдельный интерес. Многие государственные и политические деятели, представители культуры и искусства бывали на Крымском полуострове и оставили о нем восторженные воспоминания.

Российскую культуру и науку всегда интересовали вопросы, связанные с многонациональной историей Крыма. Наиболее интересным, а иногда и трагическим было прошлое крымскотатарского народа.

Достаточно динамично развивались русско-крымскотатарские связи в XIX – начале XX в., когда Крым был частью Таврической губернии и входил в состав Российской империи. Именно в эту эпоху жили и творили выдающиеся сыны крымскотатарского народа, искренне полагавшие, что будущее мусульман возможно в союзе с русским народом. Среди них необходимо отметить целую плеяду просветителей Исмаила Гаспринского (1851 – 1914), Исмаила Муфтий-заде (1841 – 1917), Абдурешита Медиева (1880 – 1912). Среди них особняком находится фигура Ильяса Бораганского.

Его уникальность заключается в том, что он, будучи, горячим крымским патриотом, долгое время прожил в России. Там он искренне служил своему народу, делу сближения с русской наукой и культурой.

Ильяс мурза Бораганский родился 22 апреля 1852 г. в старинной дворянской семье [4, с. 52.]. Гордясь своей принадлежностью к крымскотатарскому народу, любя свой родной город, он на многих официальных документах подписывался не иначе как «бахчисарайский дворянин». Возможно, это оказывало ему моральную помощь в нелегкой жизни за пределами Крыма. На родине он получил обычное для крымскотатарских детей того времени образование. Проучившись в приходском мектебе и одном из местных медресе, И.Бораганский уехал совершенствовать свои знания в Стамбул. Там он учился с 1866 по 1874 год, где, очевидно, оттачивал свой каллиграфический талант и приобрел навыки мастерства. Обладая недожинными способностями в сложном деле каллиграфии восточно-мусульманских языков в конце 80-х годов XIX века, он был приглашен в Санкт–Петербург. И.Бораганский поселился в пригородной деревне Вилково по Новомихайловской улице. Однако в столице его квалифицированные способности не нашли должного применения и не пользовались «большим приложением», что повергло И.Бораганского в большую нужду.

25 августа 1893 года он обратился в Санкт–Петербургский Комитет внутренней цензуры. И.Бораганский ходатайствовал перед чиновниками этой структуры и

добивался разрешения переиздать старинное сочинение по классическому исламу. Литографируя эту книгу, он мог бы применить свои способности. Ходатай просил разрешения перепечатать изданный в Бомбее авторитетный мусульманский источник, автором которого был живший еще в XIV веке Эгитайху-Валий-Эбдин-Магомет-Бен-Абдуллах Тебризи. Книга называлась «Мишкат эль Масабах» и содержала в себе исключительно авторитетное собрание хадисов.

Приводя ряд убедительных доводов в пользу разрешения публикации этого сочинения, И.Бораганский акцентировал внимание аппарата Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры на том, что оно, в свое время, было переведено на английский язык и издано на территории Британской империи. Несколько позже книга была допущена к беспрепятственному распространению на арабском языке. А это косвенно свидетельствовало даже об определенном признании этого произведения английской колониальной администрацией, что должно было послужить своеобразным примером для российских цензурных чиновников. С другой стороны, запрет, могущий быть наложенным на это сочинение, способен ощутимо ударить не только по международному престижу Российской империи, но и нанести существенный материальный урон отечественным полиграфистам. Отсутствие этого издания на российском книжном рынке порождало нездоровый ажиотаж вокруг ее бомбейского тиража. Зная об огромном авторитете средневекового арабского богослова и о невозможности приобрести его сочинение у себя на родине, многие муллы, улемы и мудеррисы были готовы заплатить баснословные деньги и приобрести эту ценную книгу, изданную в Индии. Предвидя могущие возникнуть проблемы с цензурой по вопросу «о теории джихада», имеющей место в произведении Тебризи, И.Бораганский предупреждал ответственных чиновников Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры о совершенной невозможности делать какие-либо купюры. По его мнению, изъятие даже незначительной части книги, ставшей классической в исламской религиозно-правовой традиции способно дискредитировать все издание в глазах всего мусульманского духовенства. А для того, чтобы литографирование этой книги было все же разрешено, И.Бораганский возложил на себя ряд добровольных ограничений. Среди них наиболее существенными стали установление тиража в количестве 1000 экземпляров и отнюдь не дороговизна розничной стоимости книги [1, л. 162 – 163].

Прошение И.Бораганского попало в руки известного русского востоковеда профессора Василия Дмитриевича Смирнова, возглавлявшего в то время цензуру литературы, издававшуюся или поступающую в Россию «на восточных языках». Профессор-цензор написал вполне благожелательный отзыв-рецензию, которой было трудно от него ожидать. И ходатайствовавший И.Бораганский и цензурирующий его предполагаемое издание В.Д.Смирнов знали, что по установленным правилам, вся информация о джихаде должна быть вычеркнута [1, s. 16]. Однако цензор посчитал, что в данном случае имеются условия для исключения. Он обратил внимание своего начальства на ряд существенных, по его мнению, доводов, которые позволили бы без вреда «пользе государственной» разрешить публикацию книги Тебризи в России. В.Д.Смирнов полагал, что предполагаемое к изданию И.Бораганским сочинение средневекового автора

считается у мусульман страны не только как старинное. Оно являлось в том числе и почитаемым «за очень авторитетное и чуть не священное и, так сказать классическое в мусульманских школах, чего уже не отвратить никакими цензурными ограничениями». С точки зрения цензурного ведомства Российской империи, главное достоинство этой книги заключалось в том, что она по своему языку, объему и по отрывочности изложения «малодоступна» непосвященному «заурядному» читателю. Не скрывал своей радости цензор и от того, «что г. Бораганский еще сам добровольно напрашивается на ограничение своего издания одною тысячею экземпляров» [1, л. 165]. Соответствующая высокая цена тоже существенно сокращала число потенциальных покупателей.

Все это вкупе, по мнению В.Д.Смирнова, могло стать «прекрасным прецедентом» для Санкт-Петербургского Комитета внутренней цензуры на тот случай, если объявится еще какой либо желающий издать сочинение Тебризи. В подобном случае профессор-цензор рекомендовал указывать на уже опубликованное издание с целым ворохом разнообразных ограничений. Это должно было бы охладить пыл предполагаемых издателей в будущем.

В.Д.Смирнов отчетливо понимал, на какой материальный риск шел И.Бораганский, литографируя такую большую по объему книгу. Отдавая дань каллиграфическому таланту просителя, цензор понимал, что только большая нужда заставила И.Бораганского пойти на такие жесткие условия, на которые «едва ли кто отважится из теперешних мусульманских издателей».

Профессор В.Д.Смирнов даже может показаться ходатайствует о помощи в разрешении напечатать это сочинение полностью и без купюр, отмечая, что впавший в нужду искусный каллиграф с незаурядным талантом все равно оставался не у дел. Однако подобное «благородство поступка» полностью смазывается требованием взять с И.Бораганского подписку в том, что проситель обязывался литографировать книгу Тебризи в количестве не более 1000 экземпляров (кроме тех, которые представлялись в Санкт-Петербургский Комитет внутренней цензуры), а продавать в розницу по цене не ниже восьми рублей. На эти заведомо тяжелые условия И.Бораганский согласился и 15 сентября 1893 года подписал требуемую расписку [1, л. 176]. Пройдя все необходимые формальности, он немедленно приступил к работе.

И.Бораганский был полностью удовлетворен тем, что получил реальную возможность применить свои способности и поправить материальное положение. Чиновники же цензурного ведомства, слабо верившие в успех задуманного крымскотатарским просветителем предприятия, были довольны тем, что избавились от щекотливого вопроса с английским прецедентом, одновременно создав собственный казуистический, не позволявший классическому исламскому сочинению распространиться по регионам империи, населенным мусульманскими народами.

Пристально следивший за развитием «дела Бораганского» И.Гаспринский через несколько лет писал, что его земляк отличался не только добрым нравом, честностью и каллиграфическим талантом, но и настойчивостью, и трудолюбием. Как только И.Бораганский получил разрешение на открытие в Санкт-Петербурге собственной типографии, то он «отдался этому делу всей душой». И.Гаспринский знал и о том, что И.Бораганский не имея достаточно средств, «не мог развернуть свое дело как следует,

хотя напечатанием объемистой книги «Мишкат» на арабском языке, доказал всю силу своего искусства и старания» [3, 1318, 14 реби-эввеля.— № 23].

Вскоре И.Бораганский получил разрешение на содержание собственной типографии, очевидно приобретенной на средства, полученные в результате литографирования труда Тебризи. Он открыл свое издательство в 1894 году [10, с. 216.]. Оно расположилось на Петербургской стороне по Большому проспекту, 66. (Позже она была переведена на Васильевский остров по среднему проспекту 1/10) [4, с. 52].

В этой типографии ему удалось напечатать труд религиозно-догматического характера Фахреддина Абдураман ибн Али Анур Кави под названием «Бад-уль-эmani» («Начало спасения»). Тираж и этой книги быстро разошелся.

В начале 1895 года И.Гаспринский получил новую книгу, изданную в типографии И.Бораганского. Она называлась «Теджвид», то есть учебное пособие для этноконфессиональных учебных заведений мусульман. С ее помощью учащиеся могли научиться правильно читать коранические суры.

Тем не менее, И.Гаспринский отмечал, что все старания И.Бораганского встречали массу препятствий. Прежде всего, они носили материальный характер. Бахчисарайский коллега писал в своей газете «Терджиман», что все усилия владельца Санкт-Петербургской типографии не дали возможности поставить как следует дело собственного издательства. Солидаризируясь с И.Бораганским, И.Гаспринский через свой еженедельник обратился к соотечественникам и единоверцам с призывом. Он полагал, что дело И.Бораганского «могут и должны поддержать мусульмане провинции, так как весьма желательно, чтобы раз открытая в столице мусульманская типография не только существовала, но и расширялась». Ниже автор статьи, помещенной в газете «Терджиман» продолжал: «его типография есть нечто полезное и необходимое для мусульманского общества и должно поддержать его и просить Бораганского продолжать начатое дело, не покладая рук». Конкретно указывая пути реального содействия этому благородному делу, в газете отмечалось, что каждый из мусульман может явиться на помощь в различной форме. Среди них наиболее эффективным было бы обращение к И.Бораганскому с многочисленными полиграфическими заказами. Говоря о возможностях его типографии, газета «Терджиман» обращала внимание потенциальных заказчиков на те факты, что она может печатать большие и малые книги, карточки, счета, объявления и многое другое. Но, что важно, типография обладала теми мощностями, которые позволяли печатать по-русски, по-турецки, по-арабски и по-персидски. На этом акцентировалось внимание в первую очередь книготорговцев, коммерсантов и вообще людей богатых, «печатающих книги ради дела просвещения». Говоря об открывающихся перспективах для тюрко-мусульман России, газета И.Гаспринского подчеркивала, что ученые Санкт-Петербургского университета «и другие русские люди старались дать работу Бораганскому и поддержать его полезное дело». К сожалению, «все это были большие и случайные поддержки» [3, 1318, 14 реби-эввеля.— № 23].

Сам И.Бораганский не сидел, сложа руки. Он интенсивно искал пути для продолжения своего благородного и высокогуманного дела. Через несколько лет

после литографирования книги Тебризи он принял решение вновь обратиться в Санкт-Петербургский Комитет внутренней цензуры [11, s. 18].

Как ни старался В.Д.Смирнов создать в 1893 году максимально неблагоприятные условия для И.Бораганского, но уже через пять лет сам цензор попал в собственные сети. Созданный профессором-цензором искусный прецедент сработал против него же. За разрешением переиздать книгу мусульманского классика Тебризи обратился не кто иной, как сам И.Бораганский.

На этот раз он решился просить переиздать «Мишкат» уже типографским способом. А для окупаемости этого проекта на этот раз было необходимо увеличить тираж в пять раз, по сравнению с прошлым, когда нужно было впервые литографировать это сочинение. С подобным прошением И.Бораганский официально обратился в Санкт-Петербургский Комитет внутренней цензуры 6 февраля 1898 года. В этом документе крымскотатарский издатель ходатайствовал, несколько расширив арсенал собственных доводов и аргументов в пользу разрешения публикации книги исламского классика, на которую «есть спрос как у мусульман, так равно и у европейских ученых, занимающихся мусульманским правом». На этот раз И.Бораганский напомнил цензорам и о том, что представляемое им к изданию сочинение по своему характеру и духу подходит к известному классическому сочинению по мусульманской юриспруденции «Гидая», русский перевод с которого недавно издан в Ташкенте, а равно к сокращенному изложению начал исламского права «Мухтасару-ль Викая». Оно беспрепятственно было разрешено цензурой к напечатанию, «а предполагаемое мною, — писал он ниже, — к изданию сочинение на арабском языке и превосходит оба предыдущие сочинения своим значительным объемом, делающим это сочинение доступным одним лишь специалистам» [2, л. 9 – 9 (об.)], а не всем заурядным читателям даже «среди самых мусульман». В отношении последнего И.Бораганский несколько лукавил, понимая, что эта книга попадет, прежде всего, в крупнейшие и наиболее авторитетные мусульманские учебные заведения. Да и книга на арабском языке, конечно, распространялась бы, в первую очередь, среди исламского духовенства — шейхов, кадиев, улемов, мудерисов и мулл, имевших непререкаемый авторитет и огромное влияние на массы простых «заурядных» мусульман. Все же остальное понимали в Санкт-Петербургском Комитете внутренней цензуры не хуже И.Бораганского. Его прошение вновь попало в руки профессора В.Д.Смирнова. На этот раз тон цензора совершенно изменился. Для спасения «чести мундира» он стал даже оправдывать свое предыдущее решение. Признавая, что статья о джихаде «неприятна для всех мусульман», но она будто теряется в массе «стереотипных» рассуждений, повторений «старинных законоведов и традиционалистов магометанских», а значит теперь весь «этот вздор совершенно утратил, — по его мнению, — всякое практическое значение и повторяется магометанскими учеными по рутинной привычке». Понятно, что, вернувшись к исходному разрешению в 1893 году для профессора В.Д.Смирнова теперь не оставалось иного выхода как оправдывать собственное разрешение. Зная о таких последствиях, происшедших по собственной оплошности, он бы вычеркнул «вздор» и для него он бы не утратил «всякое практическое значение»... Но времена ушедшие никто не в силах вернуть. Профессор В.Д.Смирнов вновь посчитал «возможным

разрешить г.Бораганскому издание вышеупомянутого сочинения в желаемом количестве экземпляров» [2, л. 13].

Такие курьезные события предшествовали открытию И.Бораганским мусульманской типографии в Санкт-Петербурге и сопровождали первые годы ее существования.

В том же 1898 году И.Бораганский был «назначен лектором турецкого языка» в Санкт-Петербургском императорском университете. На этом посту он сменил некоего Ш.Абдураман эфенди [3, 1316, 23 джемаазиль-эввель.— № 38]. Он пробыл на этой должности ровно десять лет, занимая его с 20 августа 1898 по 20 августа 1908 года. И.Бораганский уволился из факультета восточных языков по причине «болезненного состояния» [4, с. 52].

В самом конце XIX века в типографии И.Бораганского была напечатана книга «Ненекеджан ханым дюрбе». Ее издателем выступил еще один крымчанин – Осман Нури Акъчокъракълы. В следующем 1900 году тот же О.Акъчокъракълы перевел на крымскотатарский язык и напечатал в той же типографии басни И.А.Крылова. И.Гаспринский, заметивший это незаурядное событие в крымскотатарской культуре, писал в своей газете, что О.Акъчокъракълы «прекрасно, изящно издал книжку переводов. Спасибо ему. Эту книжку каждый прочтет с удовольствием» [3, 1318, 8 джемази эль сани.— № 34].

Кстати, И.Гаспринский написал и большую статью об истории издательства И.Бораганского, опубликовав ее в конце июня 1900 года. В ней выдающийся крымскотатарский просветитель и гуманист выражал надежду на то, что невзгоды первых лет существования издательства не сломят И.Бораганского. В той статье отмечалось: «Вместе с тем, мы надеемся, что Бораганский терпеливо будет продолжать свое полезное дело на дальней стороне, не падет духом и рано или поздно заслужит благодарность мусульман» [3, 1318, 14 реби эввеля.— № 23].

За свою историю предприятие «бахчисарайского дворянина» И.Бораганского выпустило в свет массу качественных и полезных изданий. Среди них необходимо отметить капитальный труд профессора В.Д.Смирнова «Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках, труд академика А.Н.Самойловича «Собрание стихотворений императора Бабура» (ч.1) – ставший одной из последних книг издательства. В типографии И.Бораганского было напечатано и известное произведение Д.Н.Мамина-Сибиряка в переводе на крымскотатарский язык Дж.Меинова. Там же были изданы и стихотворения великого казахского поэта Абая Кунанбаева, подготовленные к печати П.М.Мелиоранским. В своей типографии И.Бораганский опубликовал и цикл восточных сказок выдающегося татарского просветителя Каюма Насырова. Продолжал издавать И.Бораганский и литературу правоведческого характера. Известно, что в его типографии был опубликован труд П.В.Антаки под названием «Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву», предназначенный для ханифитского мазхаба.

Опираясь на подсчеты ученого из Казани А.Г.Каримуллина, можно утверждать, что издательство И.Бораганского за период с 1894 по 1910 выпустило в свет 128 книг разного жанра и направления общим тиражом в почти полмиллиона экземпляров [8, с. 96, 179. Цит. по: 9, с. 49, 50].

Уже в 1919 году, когда к революционному Петрограду подошли войска генерала Юденича, в составе оборонявшихся частей красной армии активно участвовала башкирская конная дивизия. Политотдел этого подразделения печатал собственную газету на башкирском языке под названием «Салават». Она имела и оригинальный логотип, который звучал следующим образом: «От башкирских храбрецов, воевавших против самодержавия». И.Бораганский непосредственно помогал башкирам в деле организации этого периодического издания, отдавая весь свой богатый опыт и незаурядный талант родственному народу. Первый номер газеты «Салават» увидел свет 21 сентября 1919 года. Очевидно, тяжелые годы гражданской войны сделали недолговечным это уникальное издание. Оно просуществовало непродолжительное время и закрылось уже в мае 1920 года.

В 1920 году И.Бораганский отправился в Стерлитамак для организации там книгопечатания [4, с. 52]. Далее следы И.Бораганского теряются. Известные исследователи крымскотатарской литературы Р.Фазыл и С.Нагаев в своем труде, посвященном ее истории, утверждают, что выдающийся просветитель умер в Уфе в 1942 году [10, с. 218.].

Подвижническая деятельность И.Бораганского является яркой страницей в истории развития культуры крымскотатарского и многих других тюркоязычных народов России. Своим талантом он представлял высокохудожественную культуру родного народа [7, с. 28]. Его работа на ниве просвещения, по сути, является наглядным примером взаимообогащения русской и крымскотатарской духовности, подлинным примером интернационализма и гуманизма. Начатое в предельно неблагоприятных условиях дело создания мусульманской типографии И.Бораганского возвестило о себе в полный голос качественными с полиграфической и общекультурной точки зрения изданиями. Он издал большое количество учебной, религиозной, научно-востоковедческой, художественной, переводной литературы, что характеризует его как национального просветителя не только крымских татар, но и как деятеля культуры других тюрко-мусульманских народов России[6, 64]. Его книги несли просвещение в массы тюркских народов. И.Бораганский многие годы посвятил пропаганде благородных принципов просвещения, что ставит его в один ряд с плеядой тюркских издателей-просветителей мусульман Российской империи, среди которых необходимо отметить Гасана Меликова Задарби, Исмаила Гаспринского, Джеляла и Сеита Унси-заде.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (Санкт–Петербург). Ф. 777. Оп. 4. 1893. Д. 8.
2. Российский государственный исторический архив (Санкт–Петербург). Ф. 777. Оп. 5. 1898. Д. 1.
3. «Терджиман» – крымскотатарская газета, издававшаяся в Бахчисарае с 1883 по 1918 г.
4. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. Второе, переработанное, подготовил А.Н.Кононов.– М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.– 300 с.
5. Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. Татарская периодическая печать начала XX века: Библиографический указатель.– Казань: Милли китап, 2000.– 316 с.
6. Ганкевич В.Ю. Бораганский Ильяс// Деятели крымскотатарской культуры (1921 – 1944 гг.): Библиографический словарь.– Симферополь: Доля, 1999.– С. 63 – 65.

7. Ганкевич В.Ю. Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа ХІХ – ХХ ст.)/ Автореферат докт дисс.– Київ: Інститут сходознавства ім. А.Кримського Національної академії наук України, 2000.– 35 с.
8. Каримуллин А. Г. Татарская книга в пореформенный период.– Казань: Татарское книжное изд-во, 1983.– 319 с.
9. Керим И.А.-о. ХІХ асырнынъ сонъу ве ХХ асырнынъ башында кырымтатар бедий сезюнинъ эврими.– Симферополь, 1998.– 184 с.
10. Фазыл Р., Нагаев С. Кырымтатар эдебиятыннынъ тарихы.Къыска бир назар.– Симферополь, 2001.– 640 с.
11. Gankeviç V.Yu. Bahçesarayli Bir Asilzadenin Sankt Petersburg'daki// Emel.– Yil: 11+38= 49.– Sayi: 222, eylül–ekim.– S. 14 – 21.

УДК 94 (477.7) «1803/1917» : 35.083.1

Дмитриев В. В.

ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ ЮГА УКРАИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В исторической науке практически отсутствуют исследования, связанные с детальным изучением проблемы градоначальств юга Украины в XIX - начале XX вв., хотя и наблюдается все возрастающий интерес к изучению истории местных органов государственного управления, что позволяет глубже осмыслить особенности политического и социально-экономического развития Украины в XIX - начале XX вв.

В статье систематизируются биографические сведения и анализируется служебная деятельность градоначальников юга Украины. Данное исследование основано на материалах формулярных списков, Адрес-календарей, Памятных книг градоначальств, эпистолярных источниках, а также ряде других документов сохранившихся до наших дней.

Градоначальники являлись должностными лицами, которые возглавляли город, выделенный в самостоятельную административную единицу, вследствие его особого экономического положения [1, с.371-372].

Нами подсчитано, что за 114-летний период существования на территории Украины 7 градоначальств (Одесского, Феодосийского, Керчь-Еникальского, Измаильского, Севастопольского, Николаевского, Ялтинского), обязанности градоначальников исполняли 77 человек.

Согласно произведенным нами на основе формулярных списков подсчетов большая часть градоначальников являлись военными. Это, как правило, капитаны I ранга или полковники, получившие при переходе в ведомство Министерства внутренних дел чин контр-адмирала или генерал-майора. Меньшая часть градоначальников – чиновники, которые до производства в должность градоначальника служили в Министерстве внутренних дел. Среди чиновников была категория лиц, сделавших себе карьеру в армии, затем вышедших в отставку и продолживших свою деятельность как чиновники гражданских ведомств.

Из числа военных градоначальников было 56 человек, что составляет 72,7%. Из них по военному ведомству: генералов от инфантерии – 2 (III класс «Табели о рангах»), генерал-лейтенантов – 7 (III), генерал-майоров – 19 (IV), генерал-адъютантов – 1 (IV), полковников – 7 (VI), подполковников – 7 (VII). По морскому ведомству: вице – адмиралов – 7 (III), контр-адмиралов – 11 (IV), капитанов I ранга – 1 (VI).

Гражданских градоначальников было 21 человек или 27, 2 %. Из них: тайных советников – 5 (III), действительных статских советников – 12 (IV), статских советников – 4 (V).

Можно сделать вывод, что большинство градоначальников – 43 человека (55,8 %) относились к чинам IV класса; 19 (24,6 %) принадлежали к чинам III класса; 8 (10,3 %) – к чинам VI класса; 4 (5,1 %) – к чинам V класса; 2 (2,5%) – к чинам II класса.

С 1803 по 1856 гг. на должность градоначальника назначались люди из различных ведомств, как гражданского, так и военно-морского. Но с 1856 г., в соответствии с указами от 17 июля и 13 октября, во всех градоначальствах (кроме Одессы), расположенные на побережье Черного и Азовского морей, должность градоначальника предоставлялась лишь адмиралам [2, л.1]. Это положение действовало без изменений до 1909 г. [3, л.9-30].

Объяснить подобного рода распоряжение можно тем, что градоначальства, расположенные на берегах морей, кроме торговой функции, имели важное стратегическое значение для государства. На территории таких градоначальств находились стратегически важные объекты, военно-морские сооружения (крепости), располагались военные корабли. Для лучшего управления такими градоначальствами, по мнению правительства, подходили люди, имевшие опыт службы, разбиравшиеся в тонкостях морского дела, знакомые с инфраструктурой флота.

Среди градоначальств юга Российской империи Одесса занимала особое положение, так как торговая функция в этом градоначальстве превалировала над его стратегическим значением. Одесса, которая занимала ведущее место в торговле Российской империи, нуждалась в администраторе, имевшем не только опыт службы на флоте, а и способном руководить сложным городским хозяйством. Военным, получившим должность Одесского градоначальника, сложно было руководить подведомственной им территорией, так как они не обладали необходимыми знаниями в области городского управления, лучше с этой задачей справлялись гражданские чиновники, имеющие солидный опыт административной работы. Поэтому неудивительно, что большинство чиновников гражданского ведомства назначалось, именно, в Одессу.

Вопрос о том, из какого ведомства следует назначать людей на должность градоначальника, долгое время оставался дискуссионным. В правительстве существовало несколько точек зрения по этому поводу.

Так, управляющий Морским министерством в марте 1856 г., обратился к министру внутренних дел с ходатайством о назначении на должность градоначальников в приморские города Черного и Азовского морей адмиралов и морских офицеров. Аргументировал он свое предложение тем, что главной обязанностью градоначальника в приморских городах является поддержание в полном порядке коммерческого судоходства.

С подобным предложением к императору Александру II обратился Великий князь Константин Николаевич. В качестве довода он приводил мысль о том, что градоначальники из морских офицеров могут значительно усилить портовую деятельность городов Черного и Азовского морей, особенно после учреждения там Пароходного общества (РОПиТ). Люди из морского ведомства (офицеры,

адмиралы) имеющие специальные знания в морском деле, могут давать советы по разным вопросам (погрузки, разгрузки), содержать в порядке порты и суда.

С противоположным мнением в МВД и к императору в октябре 1856 г. обратился генерал-губернатор Новороссийского края А.Г. Строганов. Генерал-губернатор считал, что кроме дел, связанных с судоходством, на градоначальника возлагаются не менее важные гражданские функции, с которыми с трудностями справляются большинство градоначальников, прослуживших всю свою жизнь на флоте. Но император поддержал первое предложение [2, л.1-16].

Тем не менее, полемика, по поводу назначения на должность градоначальников в приморские города, в высших правительственных кругах долгое время не прекращалась. Прошло время, изменилось политическое и экономическое положение Российской империи и правительство (особенно МВД) убедилось в полной неподготовленности морских чинов к занятию гражданских должностей такого характера. Поэтому в 1907 г. вновь поднимается вопрос об отмене указа о назначении на должность градоначальников в города Севастополь и Керчь-Еникале лиц, исключительно, морского ведомства.

Несмотря на возражения со стороны лиц морского ведомства (вице-адмирала Бирилева – бывшего морского министра, генерал-адъютанта Дикова – занимающего пост морского министра в то время), сторонникам мнения об отмене существующего положения (вице-адмиралу Скрыдлову – бывший главный командир флота и портов Черного моря, министру внутренних дел Столыпину) удалось убедить своих оппонентов в несостоятельности их аргументов.

Должность градоначальника обязывала к знанию законов, связанных с административным управлением, поэтому ее могли занимать те лица, которые прошли надлежащую административную подготовку, путем продолжительной службы в гражданском ведомстве. Именно такие градоначальники пользовались авторитетом и могли принести ощутимую пользу государству. Возможно, такой вывод удалось сделать правительству, сравнив скромные успехи Керчи-Еникальского и Севастопольского градоначальств с результатами деятельности градоначальников Одессы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону.

Тем не менее, добиться отмены положения про назначение морских офицеров на должность градоначальников сразу для двух градоначальств не удалось, поскольку в Севастополе, который являлся базой Черноморского флота, все преимущества имело морское ведомство. Но удалось достичь отмены ограничения на назначение на должность градоначальников для Керчь-Еникальского градоначальства. Изменение к закону начало действовать только с 1909 г. [3, л.1-8].

Плохая ориентация в вопросах управления градоначальством становилась главной причиной непродолжительной службы многих градоначальников из числа военных. Однако были случаи, когда через непродолжительное время сменялись на посту градоначальника и люди, имеющие опыт управления административными центрами.

Если, проанализировать продолжительность службы градоначальников, можно увидеть такую картину:

Около 1 года занимали свою должность - 22 человека (28, 5 %);

от 2 до 5 лет – 36 человек (46,7 %);
от 5 до 10 лет – 13 человек (16,8 %);
свыше 10 лет – 5 человек (6,4 %).

Можно сделать вывод, что количество градоначальников прослуживших год – 28,5 % и тех, кто занимал свою должность свыше 5 лет – 23,2 % приблизительно равно. В основном большинство градоначальников занимали свою должность от 2 до 5 лет – 46,7 %.

Непродолжительность службы градоначальников, особенно в первой половине XIX в. (из 24 градоначальников до 2 лет занимали свою должность 14 человек (58,3 %)), можно пояснить также тем, что должность градоначальника и губернатора для одаренных людей имела мало перспектив. Свидетельством тому служит отрывок из письма А.И. Казначеева (с 1828 по 1829 гг. занимал должность Феодосийского градоначальника, с 1829 по 1837 гг. одновременно был Таврическим губернатором и Феодосийским градоначальником, затем с 1848 по 1854 г. – Одесским градоначальником) к графу Закревскому (министр внутренних дел с 1828 г.):

«Губернаторская должность в России, к сожалению, находится в жалком состоянии. Эта должность похожа, в крайнем случае, на должность полкового командира, благоразумные все от нее отказываются, лезут в петля лишь богатые честолюбцы, да нечестные бедняки. Должность губернатора не имеет ни довольного весу, ни способов оказывать общую пользу» [4, с.197 - 199].

Денежное содержание градоначальника состояло из жалованья, столовых, квартирных денег. Уровень имущественного положения градоначальников был в целом ниже губернаторского (10 тыс. руб. в год).

Во второй половине XIX – начале XX вв. среди градоначальников наиболее обеспеченными являлись Одесские градоначальники, получавшие в среднем 10 тыс. рублей в год. Градоначальники же Севастополя, Николаева, Керчь-Еникале получали в среднем 6 - 7 тыс. рублей в год. Для чиновничества такого уровня это было небольшой суммой, если учитывать, что данная должность обязывала ко многим расходам. Так, например, положение градоначальника, как представителя высшей власти на местах, обязывала его к участию в местных благотворительных учреждениях, помощи бедным. Кроме того, жизнь в приморских городах, особенно в Крыму, была очень дорогой и в этом отношении мало, чем отличалась от столичной.

Для того, чтобы поднять уровень материального положения и престиж градоначальников юга империи, МВД разработало проект новых более высоких окладов. Но воплотить в жизнь его не удалось из-за начавшейся 1-ой мировой войны [5, л.9-10].

Если данные о продолжительности службы на посту градоначальника мы почерпнули из Адрес-календарей, то другие ведомости о градоначальниках и их биографии были взяты нами из формулярных списков.

Формулярные списки сохранились у 60 из 77 градоначальников. Согласно ним, можно сделать вывод, что большинство градоначальников было по своему происхождению дворянами – 54 (90 %), в том числе 10 титулованных (1 герцог, 2 князя, 5 графов, 2 барона), 3 – обер-офицерские дети, 1 – сын купца.

По вероисповеданию большинство градоначальников были православными – 52 человека (86,6 %); лютеранами – 6 (10 %), католиками – 2 (3,3%). Лютеранами были, как правило, выходцы из Прибалтийских губерний, потомки немецких колонистов Причерноморья, католиками – два выходца из Франции.

Если говорить об имущественном положении градоначальников, то необходимо отметить, что большая часть из них не имела земельной собственности, в отличие от губернаторов. Лишь 10 градоначальников имело земельную собственность во время прохождения ими службы. Размеры земельных наделов находились в пределах 100 - 1700 десятин. Как правило, земля переходила им в собственность от родителей. Что касается другого вида недвижимости – жилищной, то большинство градоначальников ее не имело, поскольку, находясь на военной службе, постоянно меняли место жительства. Дом для жилья градоначальника и его семьи арендовался за счет казны.

Возрастных ограничений при назначении градоначальников на должность не существовало. Большинство из них были в возрасте от 30 до 55 лет:

- от 30 до 35 лет – 4 человека;
- от 36 лет до 40 – 5 человек;
- от 41 до 45 лет – 11 человек;
- от 46 до 50 лет – 11 человек;
- от 51 до 55 лет – 15 человек;
- от 56 до 60 лет – 4 человека;
- свыше 60 лет – 8 человек.

Интересно проследить из каких регионов Российской империи происходят градоначальники. Нам известно про родину 40 из 77 градоначальников. Так, из губерний, что находились на территории современной Украины – 13 градоначальников. Из губерний, расположенных вблизи Балтийского моря – 13 (Финляндии – 1, Псковской губернии – 3, Прибалтики – 4, Санкт-Петербургской губернии и самого Санкт-Петербурга – 5). Из губерний центральной части России были родом 8 градоначальников, из Беларуси – 3. За пределами Российской империи родились – 3 градоначальников.

Если проанализировать полученные цифры можно сделать вывод, что преимущественно градоначальниками становились выходцы с территории Украины и местностей, расположенных возле Балтийского моря. Объяснить данное обстоятельство можно, зная, что половина градоначальников из военных чинов (25 человек), были связаны со службою на море. Близость Черного, Азовского и Балтийского морей, наличие военно-морских учебных заведений (Санкт-Петербург, Николаев, Севастополь) повлияли на судьбу данных людей. Во-вторых, ряд градоначальников, что родились на Украине, большую часть жизни прослужили на ее территории или те, которые служили за ее пределами стремились вернуться на родину, поближе к родственникам, чтобы в дальнейшем тут же и уйти в отставку.

Большая часть градоначальников – 44 человека (73 %), имели высшее или среднее военное образование, закончили морской кадетский корпус, офицерский класс, морское или военное училище.

Высшее гражданское образование в университетах (в основном юридическое), получило 9 градоначальников. Окончили Московский университет – 4

градоначальника. Харьковский – 2, Александровский – 1, Петербургский – 1, Иностраный – 1. Если в первой половине XIX в. на должность градоначальника могли быть назначены люди, имевшие домашнее образование и сделавшие карьеру в военных компаниях, то во второй половине XIX – начале XX вв., таких случаев уже не было.

Среди градоначальников было много известных людей своего времени, которые прославились в военных походах и сражениях. были и такие, что снискали себе славу на гражданской службе, еще до назначения в должность градоначальника.

29 градоначальников принимали участие и отличились в военных сражениях и походах. Среди них особенно следует отметить: А.Ф. Ланжерона, С.А. Тучкова, А.В. Богдановича, А.И. Казначеева, П.А. Перелешина. А.И. Никонова, М.Н. Кумани, А.П. Спицына.

Как гражданские деятели прославились в области науки следующие:

С.М. Броневский (Феодосийский градоначальник) – занимался исследованием Кавказа в географическом и этнографическом отношении и написал «Географические и исторические известия о Кавказе» [6, с.362-363]. Увлекался археологическими раскопками. Его стараниями в Феодосии был открыт музей древностей [7, с.58].

И.А. Стемповский (Керчь-Еникальский градоначальник) – известен как археолог, что издал «Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евсинского между Тирасом и Борисфеном ...» (1826 г.), «Известия о древностях, найденных в Одессе в течение лета 1826 г.» (1827 г.) и другие. Им был поднят вопрос об устройстве двух археологических музеев в Одессе в 1825 г. и Керчи в 1826 г. [8, с.379].

А.И. Левшин (Одесский градоначальник) – во время службы в Коллегии иностранных дел, в Азиатском департаменте написал два труда историко-этнографического плана с применением архивных материалов. «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» (1823 г.) «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832 г.) [9, с.159-160; 10, с.30].

Среди градоначальников, которые еще до назначения на эту должность, прославились, как выдающиеся гражданские деятели был и А.И. Казначеев, в дальнейшем Феодосийский и Одесский градоначальник. После назначения М.С. Воронцова Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором, Казначеев был правителем канцелярии при графе и отличился при формировании нового управления краем, за что был награжден орденом Святого Владимира III степени [11, л.169].

В кругу градоначальников были люди с передовыми для своего времени взглядами. Так, например, С.А. Тучков, в последующем Измаильский градоначальник, был лично знаком с А.Н. Радищевым. Вместе с ним входил в 1790 г. в «Общество друзей словесных наук». После ареста Радищева и конфискации его книги «Путешествие из Петербурга в Москву» императрица Екатерина II помиловала молодого офицера – Сергея Тучкова, учитывая, проявленный им героизм в Шведской войне [12, с.1128].

Были лично знакомы и поддерживали дружеские отношения с известным поэтом А.С. Пушкиным градоначальники С.А. Тучков, С.М. Броневский, А.И. Казначеев.

Будущий Керчь-Еникальский и Одесский градоначальник П.А. Антонович в молодые студенческие годы был причастен к Сунгуровскому тайному обществу. В 1833 г. за это был сослан на Кавказ рядовым в Апшеронский пехотный полк [13, с.228].

Можно составить некоторое представление о степени подготовленности вновь назначаемых градоначальников к выполнению своих обязанностей. Как известно из 60 градоначальников только 9 имели высшее университетское образование.

Из 60 градоначальников опыт административной деятельности имело всего 15 человек (25 %). Из них в Одесском градоначальстве служило 11 градоначальников, в Феодосийском - 2, в Севастопольском и Керчь-Еникальском по одному. Работало до назначения, в других градоначальствах на должности градоначальника или его заместителя – 8 человек. На должности губернаторов или вице-губернаторов – 6 человек, военных губернаторов – 3 человека.

При этом именно на Одессу приходилось большинство опытных администраторов. Так как, по количеству населения Одесса занимала третье место в империи, а по торговым и промышленным оборотам одно из первых, такой многонациональный город со сложной инфраструктурой мог управляться только человеком с определенным опытом и запасом знаний.

Большинство градоначальников до назначения на эту должность не имели опыта административной работы. Хотя, впрочем, не только опыт, но и личные качества градоначальников, уровень их образованности определяли будущее развитие подведомственных им территорий.

Так, Одесский градоначальник Ришелье до назначения на эту должность не имел опыта административной работы, но благодаря, его образованности, инициативе, личным качествам произошел стремительный экономический подъем этого градоначальства.

Должность градоначальника стала для многих, проявивших себя с положительной стороны, важным этапом их будущей успешной карьеры, и в дальнейшем они занимали различные государственные должности: работали в министерствах, назначались сенаторами, становились губернаторами и градоначальниками в других губерниях и градоначальствах.

Список литературы

1. Градоначальник // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. – 7-е изд. – СПб., 1910. – Т.16. – С.371-372.
2. О назначении в должность градоначальников и городничих в приморских городах Черного и Азовских морей адмиралов и морских офицеров // ГАОО, ф.1, оп.194, д.143. – 30 л.
3. Дело об изменении действительного порядка назначения на должность градоначальников городов Севастополя и Керчь-Еникале // РГИА, ф.1405, оп.531, д.144. – 14 л.
4. Из переписки А.И. Казначеева с графом А.А. Закревским // Русский архив. – М., 1900. – Кн.2. – №6. – С.197 – 199.
5. Дело об установлении новых штатов управления Севастопольского градоначальства и канцелярии Николаевского градоначальства // РГИА, ф.1409, оп.6, д.1456. – 27 л.

6. Броневский Семен Михайлович // Русский биографический словарь. – СПб., 1908. – Бетакур – Бякстер. – С.362 – 363.
7. Павлова И.К. Семен Михайлович Броневский // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев. – Симферополь, 1994. №1. – С.56 – 63.
8. Стемповский Иван Александрович // Русский биографический словарь. – СПб., 1909. – Смелов – Суворин. – С.261 – 262.
9. Левшин Алексей Ираклиевич // Русский биографический словарь. – СПб., 1914. – Лабзина-Ляшенко. – С.159 – 160.
10. Памяти юбилея А.И. Левшина 8 апреля 1868 г. – СПб., 1868. – 36 с.
11. Формулярный список Одесского градоначальника Казначеева А.И. // ГАОО, ф.2, оп.1, д.442а. – 179 л.
12. Тучков Сергей Алексеевич // Вся Одесса 1794 – 1994 гг.: Антология. Словарь. – М.: «ДимOFF и К», 1997. – С.1168.
13. Антонович Платон Александрович // Русский биографический словарь. – СПб., 1900. – Т.2. – С.228.

Приложения

Градоначальники Одессы:

- 1803 – 1815 – генерал-лейтенант, герцог Арман Эммануил де Ришелье
1815 – 1820 – генерал от артиллерии, граф Александр Григорьевич Строганов
1820 – 1822 – действительный статский советник Николай Яковлевич Трегубов
1822 – 1825 – генерал-майор Александр Дмитриевич Гурьев
1825 – 1826 – генерал-майор Павел Иванович Нейдгарт
1826 – 1828 – тайный советник, граф Федор Петрович Паллен
1828 – 1831 – генерал-майор Андрей Васильевич Богдановский
1831 – 1837 – действительный статский советник Алексей Ираклиевич Левшин
1837 – 1840 – генерал-майор, граф Александр Петрович Толстой
1840 – 1848 – генерал-лейтенант Дмитрий Дмитриевич Ахлестышев
1848 – 1854 – тайный советник Александр Иванович Казначеев
1854 – 1856 – генерал-лейтенант Николай Иванович Крузенштерн
1856 – 1857 – генерал-майор Федор Давидович Алопеус
1857 – 1861 – действительный статский советник, барон Павел Федорович

Местмахер

- 1861 – 1863 – генерал-майор Платон Александрович Антонович
1863 – 1865 – действительный статский советник Иван Иосифович Велио
1865 – 1868 – действительный статский советник Михаил Николаевич

Шидловский

- 1868 – 1876 – тайный советник Николай Иванович Бухарин
1876 – 1878 – генерал-майор, граф Василий Васильевич Левашев
1878 – 1880 – генерал-майор Александр Константинович Гейнц
1880 – действительный статский советник Карл Германович Кноп
1880 – 1882 – генерал-лейтенант Сергей Николаевич Гудим-Левкович
1882 – 1885 – тайный советник Павел Павлович Коссаговский
1885 – 1897 – генерал-лейтенант Павел Александрович Зеленой
1898 – 1903 – генерал-майор, граф Павел Павлович Шувалов
1903 – генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Арсеньев
1903 – 1905 – действительный статский советник Дмитрий Борисович Нейдгарт
1905 – 1907 – генерал-майор Апполон Гаврилович Григорьев

ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ ЮГА УКРАИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

- 1907 – генерал-лейтенант Василий Дементьевич Новицкий
1907 – 1911 – генерал-майор Иван Николаевич Толмачев
1911 – 1915 – действительный статский советник Иван Васильевич Сосновский

Градоначальники Феодосии

- 1804 – 1807 – генерал от инфантерии Андрей Семенович Феньш
1808 – 1810 – контр-адмирал Александр Федорович Клокачев
1810 – 1816 – статский советник Семен Михайлович Броневский
1816 – 1818 – действительный статский советник Степан Андреевич Санковский
1819 – 1820 – тайный советник Федор Иванович Энгель
1820 – 1825 – статский советник Николай Иванович Перовский
1826 – 1828 – действительный статский советник Андрей Васильевич Богдановский
1828 – 1829 – тайный советник Александр Иванович Казначеев

Градоначальники Измаила:

- 1830 – 1835 – генерал-лейтенант Сергей Алексеевич Тучков

Градоначальники Керчь-Еникале

- 1821 – 1823 – полковник Ефим Иванович Фон-Ден
1823 – 1825 – действительный статский советник Андрей Васильевич Богдановский
1825 – 1828 – полковник Александр Никитович Синельников
1828 – 1829 – статский советник Филипп Филиппович Вигель
1829 – 1832 – полковник Иван Алексеевич Стемпковский
1833 – 1850 – полковник, князь Захар Семенович Херхеулидзе
1850 – 1851 – коитр-адмирал Алексей Петрович Лазарев
1851 – 1854 – генерал-майор, князь Дмитрий Иванович Гагарин
1855 – 1857 – подполковник Платон Александрович Антонович
1857 – 1875 – вице-адмирал Александр Петрович Спицын
1875 – 1882 – генерал-майор Николай Петрович Вейс
1882 – 1885 – вице-адмирал Николай Карлович Вейс
1885 – 1896 – генерал-лейтенант Митрофан Егорович Колтовский
1897 – 1906 – генерал-майор Модест Дмитриевич Клокачев
1906 – 1909 – контр-адмирал Александр Федорович Стемман
1909 – 1914 – полковник Евгений Константинович Климович
1914 – 1915 – полковник Александр Георгиевич Загрязский
1915 – 1917 – полковник Владимир Александрович Марков

Градоначальники Севастополя

- 1873 – 1876 – генерал-адъютант Павел Александрович Перелешин
1876 – 1882 – вице-адмирал Андрей Иванович Никонов
1882 – 1885 – вице-адмирал Иван Григорьевич Руднев

- 1885 – 1889 – контр-адмирал Михаил Николаевич Кумани
- 1891 – 1896 – контр-адмирал Иван Михайлович Лавров
- 1896 – 1899 – контр-адмирал Константин Ростиславович Вальронд
- 1899 – 1902 – вице-адмирал Евгений Петрович Феодосьев
- 1902 – 1905 – контр-адмирал Александр Макарович Спицкий
- 1905 – 1906 – капитан 1 ранга Евгений Петрович Рогуля
- 1906 – 1909 – генерал-майор Владимир Александрович фон Мореншильдт
- 1909 – 1913 – генерал-майор Сергей Карлович Кульстрем
- 1913 – 1917 – контр-адмирал Сергей Иванович Бурлей

Градоначальники Николаева

- 1900 – 1902 – контр-адмирал Карл Михайлович Тикоцкий
- 1902 – 1904 – контр-адмирал Оскар Адольфович Энквист
- 1904 – 1906 – вице-адмирал Апполинарий Сергеевич Загорянский-Кисель
- 1906 – 1909 – контр-адмирал Василий Максимович Зацаренный
- 1909 – 1916 – контр-адмирал Александр Иванович Мязговский
- 1916 – 1917 – вице-адмирал Андрей Георгиевич Покровский

Градоначальники Ялты

- 1914 – 1916 – генерал-майор Иван Антонович Думбадзе
- 1916 – 1917 – генерал-майор Александр Иванович Спиридович

УДК 94 (73 + 560) "1945 / 2001"

Ирхин А.А.

США И РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Современное положение Турции позволяет её назвать региональной державой. Турция является лидером на Ближнем и Среднем Востоке, и служит опорным пунктом для американской внешней политики. Государство стабилизирует регион Черного моря, контролирует доступ из него в Средиземное, уравнивает Россию на Кавказе, всё ещё остаётся сдерживающим фактором от мусульманского фундаментализма и служит южным якорем НАТО[1,с.63].

Американский историк Дэнкварт Ростоу пишет о том, что: Турецкая Республика широко приветствуется как опора стабильности на Ближнем и Среднем Востоке, известном своей нестабильностью. В то время как большинство стран Азии и Африки мучительно переоценивают свои отношения с Европой и Северной Америкой, Турция выделяется как единственная страна» которая полностью принята в дипломатическую семью европейских наций[2,с.43-74].

В биполярном мире Турецкая Республика была последовательным союзником своего заокеанского «партнёра», и после геополитических изменений 90-х годов значение Турции для Соединенных Штатов не уменьшилось. Укрепление турецких позиций на Кавказе и на других территориях, народы которых говорят на тюркских языках, происходит под эгидой США, так как эти регионы стали одними из центральных в интересах последней. После распада Советского Союза развалилась система безопасности «Восточного блока» и экспансия США приобрела наступательную, более открытую форму.

Целью этой статьи является исследование механизма подчинения одного государства, общество которого имеет другую культуру и принадлежит к другой цивилизации. государству, являющемуся мировым лидером и единственной сверхдержавой в мире. В данной публикации речь будет идти, о вестернизации одного из ключевых элементов общества - армии.

Географическое положение позволяет назвать Турецкую Республику мостом между Европой и Азией, Азией и Африкой. Такое положение делает Турцию преградой на пути стремления России в южное океаническое пространство, что соответствует интересам Западного мира. Естественно, чтобы такое «сдерживание» было возможным, Турция должна обладать значительной военной мощью.

Анализ истоков регионального лидерства по нескольким направлениям - экономическому, технологическому, военному и культурному показывает, что Турция является безусловным лидером лишь в одном показателе - развитии

вооружённых сил. Турецкая армия на протяжении истории государства была всегда многочисленной, хотя внутренние экономические ресурсы почти всегда делали это проблемным.

Запад, по ряду причин, остаётся заинтересованным в существовании крупных дееспособных турецких вооружённых сил. Во-первых, Турция на протяжении нескольких столетий является «пробкой», закрывающей Россию в Чёрном море. «Восточный вопрос» во взаимоотношениях между Россией и Западом на протяжении последних 400 лет выливался в прямые военные столкновения и сейчас положение режима проливов может служить фактором давления на Россию и другие Черноморские государства со стороны Запада и Турции. Поэтому, Запад на протяжении, последних столетий модернизирует турецкую армию, и фактически финансируя её существование. Во-вторых, концентрация на Среднем и Ближнем Востоке значительных запасов нефти, и их разработка американскими нефтяными монополиями требуют стабильности в регионе. Ближневосточная нефть находится под контролем американских и западноевропейских компаний, интересы которых защищает Североатлантический альянс. На территории современной Турции находится крупнейший нефтяной порт - бывшая сирийская территория - Искендурун (Хатай), безопасная работа которого стратегически важна для обеспечения экономик стран Запада. В свою очередь компании обеспечивают нефтепродуктами армии и флот стран НАТО, находящиеся в этом регионе. Построена система добычи и транспортировки нефти, частью которой является Турция, и опять просматривается военный уклон такого сотрудничества.

Обладая уникальным географическим положением, государство сталкивается с проблемой ограниченности собственных ресурсов. Отсутствие месторождений нефти и неразвитость тяжёлой индустрии, а, следовательно, и собственного ВПК, делают ее сильно зависимой от импорта вооружений. Поэтому лидерство в регионе может быть сохранено только в тесном взаимодействии с Западом. Дееспособность турецкой армии находится в сильнейшей зависимости от государств НАТО, так как вооружение, используемое Турцией преимущественно американского и немецкого производства. Более 80% турецкого вооружения сделано в США. На конец 90-х годов Анкара получила от Соединённых Штатов более 12 миллиардов долларов прямой и косвенной военной помощи за последние десять лет, и на последующие двадцать пять лет, Турция планирует потратить 150 миллиардов для модернизации устаревающего американского оружия[3,р 20]. В-третьих, военно-техническая поддержка Турции Соединёнными Штатами является необходимым условием обеспечения безопасности Израиля. Турцией Израиль планируется как основная сторона, которая будет участвовать в модернизации. Уже подписано ряд соглашений по модернизации американских самолетов Ф-4 и Ф-5 и оснащением их современной электроникой. По утверждению турецкого ученого-международника Хасана Кони: «...современная Турция опасается двух с половиной войн - внутри с курдами, с внешней стороны с Сирией и Грецией. Поэтому Турция в своей внешней политике в регионе, в формировании которой участвуют и высшие чины вооружённых сил, ориентируется на Израиль, с которым сотрудничество идёт с отчётливым военным уклоном»[4,с.28-30].

В феврале 1996 года Турция и Израиль подписали военное соглашение. В Соединенных Штатах видят это соглашение как прогрессивный шаг в установлении стабильности в регионе и укреплении военной мощи двух союзных государств, однако усматривают возможные издержки. Первая состоит в том, что массивное наращивание военной мощи Турции ослабит американский контроль, так как Израиль готов продавать самую современную технику. Вторая – израильско-турецкое сотрудничество в военной области спровоцирует новый этап в гонке вооружений между Турцией и Грецией, и поставят под вопрос решение мирным путём кипрской проблемы. Третья – усиление военного потенциала Турецкой республики даст определённый толчок в разрешении своих внутренних проблем недемократическим путём, что и делается и в настоящее время, и что формально неприемлемо для Запада.

Турецкая армия является самой стабильней частью турецкого социума, насчитывает в современном её виде; 630 тысяч человек и модернизированный мощный флаг [5,с.257]. Армия Турции играет еще одну очень важную роль. Государство компенсирует своим союзникам по блоку НАТО, существенный недостаток стратегии воздушной войны, которой придерживаются западные генералы, предоставляя свой пехотный корпус в их распоряжение. После второй мировой войны Турция заплатила жизнями своих солдат в Корею, за вступление в НАТО, В настоящее время Турецкая армия "пробивает" государству путь в ЕЭС, воюя в Афганистане в составе 5-тысячного национального корпуса.

Существует ряд политических последствий такого положения армии в Турции. Так, за последние пятьдесят лет в Турции произошло три государственных переворота, инициаторами которых были военные. Турецкая армия имеет конституционное право вмешиваться в политическую жизнь и поддерживать тем самым настоящий государственный строй. Армия является проводником западных демократических ценностей в традиционное турецкое общество.

Чтобы содержать такие многочисленные вооруженные силы, государство должно иметь стабильно высокий уровень ВВП, однако на данный момент этот показатель всего в 2,5 раза больше украинского, а в начале 90-х годов был немного более его [5,с.257]. Существует и ряд внутривнутриполитических проблем, который ставит государство перед необходимостью содержать такие многочисленные вооруженные силы.

Национальная проблема – наиболее актуальная, создающая угрозу существования Турции в современных ее границах. Поэтому национализм принят как основное направление во внутренней политике республиканской Турции. Единая этническая лингвистическая политика, принятая еще в 1923 году должна была стереть различия между турецкими и нетурецкими народами, населяющими республику и создать в будущем однородное национальное общество. Однако такая политика открытого подавления национальных меньшинств, на сегодняшний день, спровоцировала курдское партизанское движение, когда вооруженные силы применяются внутри страны для поддержания ее целостности в установленных границах. Армия в этом случае взяла на себя полицейские функции и отчасти стала армией внутреннего пользования. Но курды не единственная нетурецкая нация.

Армяне, греки, евреи, грузины, черкесы, арабы, татары - все эти национальности не имеют прав на развитие собственного языка и культуры- Такая политика была призвана сохранить турецкое государство в его современных границах.

Вторая внутренняя политическая проблема, в разрешении которой участвуют вооруженные силы - политизация ислама и поддержание принципа лаицизма, то есть светскости Турецкой Республики и отделения церкви от государства. Это положение во внутренней политике играет важное значение, так как изменение «статус кво» может послужить переориентацией и идейным обоснованием поворота во внешней политике Турции к арабским и другим мусульманским государствам в регионе, что недопустимо для американской внешней политики, особенно на современном этапе развития международных отношений. Турецкие исламские политические партии часто демонстрируют симпатию к желанию арабских стран изменить традиционную прозападную внешнюю политику Турции в сторону исламского мира[6,р.6].

Таким образом, интересы государств Запада, внешнеполитическое окружение, внутренние сепаратистские тенденции, а также небезосновательные претензии Турции на роль регионального лидера ставят государство в условия необходимости содержать современную превосходную армию.

Турецкая армия - это движущая сила государства. Объективно армия любой страны -это одна из консервативных частей общества. Однако когда государство находится в ситуации экономической, технологической, политической отсталости и пытается быть лидером, оно делает ставку на развитие вооруженных сил. Когда в «котел» развития армии и военно-промышленного комплекса кидаются лучшие умы, значительные затраты и ресурсы, тогда в военном отношении сильное государство может позволить себе активную внешнюю политику, в том числе и с позиции силы, частично прикрывая тем самым свою отсталость в других сферах.

Успехами вестернизации Турция обязана именно вооруженным силам. Модернизация началась не с реформ Ататюрка, а гораздо раньше, в 17 столетии, когда Порта под нажимом России и в силу внутренних сепаратистских тенденций начала терять свои территории. Султаны Османской империи вынуждены были искать противовес северному соседу, и находили его в лице Англии, Франции, Пруссии. Европейские государства модернизировали армию и флот Турции, и проникли на ее обширные рынки. Вооруженные силы стали первым объектом вестернизации, через которые реформы проникали в общество. Реформы Кемаля Ататюрка были наиболее резким продолжением европеизации государства, однако в условиях жесткой диктатуры они были возможны и необходимы, так как стоял вопрос выживания турецкого государства после первой мировой войны.

Реформирование было отнюдь не безболезненным, но оно опиралось на безоговорочную поддержку вооруженных сил. С армии, таким образом, началась европеизация турецкого государства, и армия защищает эти принципы от внутренних и внешних сил в современной Турции. Активное участие армии в политической жизни государства является не случайным. С одной стороны, оно обусловлено рядом общих для стран Востока закономерностей их исторического и экономического развития, с другой - истоки этого следует искать в особенностях

развития самой Турции, в процессах, происходивших не только в период новейшей, но и новой истории. Краткий обзор истории Турции показывает, что армия всегда занимала особое место в системе управления государством. Именно военные - учащиеся военно-медицинского училища в Стамбуле создали в 1889 году тайную организацию, которая ставила своей целью борьбу против абсолютистского режима Абдул Хамида II, и которую считают зародышем партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»)[7,с.72]. Ведущую роль играли военные офицеры в распространении идей младотурецкой революции в 1908 году. Кемаль Ататюрк и его ближайший сподвижник Исмет Инёню были действующими генералами султанской армии и стали основателями Турецкой республики.

В 1960, 1971, 1980 годах произошли государственные перевороты, которые были осуществлены руками военных. Истоки столь явно выраженной политической активности армии следует искать в истории развития вооруженных сил, изменении социальной базы офицерского корпуса, что связано с модернизацией армии в Османской империи. Реформы, проводившиеся в 19 веке, серьёзно изменили структуру, организацию, вооружение, структуру получения образования офицерскими кадрами. Для подготовки офицеров были приглашены западные военные инструкторы, расширено преподавание математики, введено изучение западных языков. Серьезная реорганизация пехоты, кавалерии, артиллерии, флота, требовала повышения подготовки офицерского корпуса, Таким образом, офицеры султанской армии получали прекрасное образование под влиянием своих западных преподавателей, усваивали идеи европейских мыслителей. Осознание европейских наций, как наций, которые добились качественно лучшего развития армии и экономики, подводило турецких офицеров к мысли о модернизации своего государства.

Процесс модернизации и профессионализации армии, её увеличение, привело к тому, что офицерская карьера перестала быть уделом лишь аристократов. К концу 19 века офицерский корпус в значительной части стал состоять из представителей городской и мелкой сельской буржуазии, низших категорий османской бюрократии и других слоев турецкого общества. Для представителей этих слоев карьера офицера являлась единственно доступным способом получить хорошее образование, не имея ни знатного происхождения, ни денег, ни протекции. И в настоящее время служба в армии и приобретение офицерского звания - это в Турции единственная возможность добиться успеха в общественной жизни. Кроме того, это путь для получения общего образования и приобщения к современной цивилизации[8,с.92-105].

Республиканская армия Турции переняла лучшие традиции от султанской и социальный её состав не изменился.

Вступив во вторую Мировую войну в завершающей ее фазе - 23 февраля 1945 года, Турция обеспечила себе участие в американских программах помощи: «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла». Перед американцами стояла задача разработать такую систему помощи, которая:

- Ускорит вхождение Турции в антикоммунистический военный блок.

• Стабилизирует внутреннее положение, тем самым предотвратит большевизацию общества, развитие национального самосознания нетурецких народов, проживающих в Турции.

• В результате помощи государство должно стать опорным пунктом и мощным флангом американской военно-политической системы.

• Турецкая Республика должна оставаться сдерживающим фактором для СССР, не только в военно-морском, но и в идеологическом плане.

• Максимально интегрирует Турцию в Европейскую экономическую систему.

По замыслу Вашингтона, экономическая помощь по «плану Маршалла» должна была дополнить военную, оказываемую Турции по «доктрине Трумэна» Соединенными Штатами с 1947 года. «Соглашение об экономическом сотрудничестве» между США и Турцией было подписано 4 июля 1948 года и ратифицировано меджлисом 8 июля.

Если «Доктрина Трумэна» рассматривала Турцию и Грецию как некий особый регион, отдельный от Западной Европы, то с принятием «плана Маршалла» Турция включилась почти во все американские военные, экономические и культурные программы для Западной Европы, чего собственно и добивалась турецкая и американская элита.

Экономическая помощь, предоставляемая Турции, была рассчитана, прежде всего, на интеграцию в Европейский рынок и фактически была направлена на деиндустриализацию республики. В частности, Турции рекомендовалось: реорганизация и развитие сельскохозяйственного производства, увеличение экспорта сельскохозяйственных продуктов, увеличение добычи угля, разработка и эксплуатация других минеральных ресурсов, развитие ряда других отраслей промышленного производства, улучшение транспортной системы, развитие программы кредитов. Турецкий экономист Д. Авджиоглу писал: «Если в период Ататюрка целью было стать индустриальной страной, то цель плана Маршалла, состояла в обратной трансформации её в сельскохозяйственное государство»[9,с.104].

Наиболее полным выражением американских рецептов решения турецких экономических проблем нашли в докладе, предоставленном в 1949 году группой американских экономистов во главе с М.Торнбергом, посетившей Турцию по инициативе деловых кругов США. В нем, в частности, говорилось: «Первым предварительным условием предоставления помощи является пересмотр экономических задач и функций правительства в этом развитии. Американские советники требовали принятия Турцией новых законов об иностранных частных капиталовложениях, поощрения турецкого частного бизнеса, отказа от амбициозной, преждевременной программы крупномасштабной индустриализации».

Таким образом, Соединенные Штаты предоставляли экономическую помощь, лишая возможности развивать тяжёлую индустрию, с другой стороны между государствами было заключено ряд соглашений военного характера. По этим соглашениям Турции предоставлялось американское вооружение, техника, американские инструкторы начали обучать турецких офицеров, а часть из них стали

постоянно обучаться в США. Первым прямым соглашением военно-политического характера с США было соглашение от 23 февраля 1945 года о пользовании американским законом о ленд лизе. В нем отмечалось, что безопасность Турецкой Республики гарантируется Соединенными Штатами. Правительства США и Турции обязывались обеспечить друг друга всеми имеющимися в их распоряжении материалами, услугами и сведениями. Соединенные Штаты имели право пользоваться: аэродромами, портами и дорогами, создавать на территории любые объекты, в том числе и военные.

27 февраля 1946 года в Каире между Турцией и США были подписаны, а 8 мая утверждены меджлисом два соглашения о предоставлении Турции кредита для закупки американского вооружения. Однако один из пунктов соглашения предусматривал (по соглашению от 23 февраля 1945 г.), изъятие этого вооружения, если этого потребуют национальные интересы Америки.

12 июля 1947 года в результате переговоров между министром иностранных дел Турции и послом США в Анкаре, было подписано соглашение об оказании помощи по «доктрине Трумэна». По этому соглашению турецкое правительство обязалось использовать предоставляемую военную помощь лишь в определенных Соединенными Штатами целях. Без разрешения США Турция не имела права изменять цели и предназначение помощи [10, с.28]. Это положение ставило в зависимость турецкую армию и, в общем, Турцию от США и ущемляло ее суверенитет. Соглашение носило общий характер. Количество, цели и сроки американской помощи должны были определяться каждый раз новыми соглашениями, но на тех условиях, которые оговаривались в этом соглашении. В 1964 году во время Кипрского кризиса этот пункт был использован в качестве давления Соединенных Штатов на Турцию.

Таким образом, после второй мировой войны в Турции была создана модернизированная современная многочисленная армия. Технически полностью зависящая от западных поставок, а собственная промышленность перешла на ремонт и обслуживание техники. Этим были созданы условия для подчинения и объективной зависимости армии Турции от Соединенных Штатов.

В самих Соединенных Штатах вопросы помощи и внешней политики, в отношении Турецкой Республики были одним из центральных вопросов. Так между сенатором Вайли и государственным секретарем Даллесом, состоялся диалог в американском сенате в 1957 году.

Вайли :Правда ли, что содержание одного турецкого солдата обходится в 300 долларов в год?

Даллес: Да, в этих пределах.

Вайли: А правда, что один американский солдат обходится нам более чем в 6000 долларов?

Даллес: Да.

Вайли: В таком случае держать на войне турка с экономической точки зрения выгодно [11, р.456].

Выражаясь словами американского генерала Арнольда; «каждый доллар, затраченный на Турцию, обеспечивает безопасность США на три доллара».

Во время обсуждения в 1953 году в американском конгрессе вопроса о военной помощи Турции, некоторые конгрессмены выражали сомнение в целесообразности предоставления безвозмездной помощи. Представитель администрации разъяснил, что Турция содержит армию, намного превышающую её экономические возможности, но сокращение этой армии не соответствует американским национальным интересам.

В 50-е годы в Турции социальное положение военных сильно ухудшилось, что явилось одной из причин государственного переворота 1960 года. После государственного переворота в армии были повышены зарплаты и введены ряд льгот. Очередной выход армии на политическую арену заставил считаться крупный капитал с военными. По инициативе турецких предпринимателей было создано акционерное общество «Общество армейской взаимопомощи», первоначальный капитал которого быстро возрастал, а сфера его деятельности охватил как военные, так и гражданские сферы: гражданское строительство, туристический комплекс [12, с.26-29].

Кипрские кризисы показали некоторые противоречия между США и Турцией, последняя начала искать другую точку опоры внутри НАТО, однако существенных перемен во внешней политике двух государств не могло произойти, и эти трения можно расценивать как «внутрисемейные».

В 80-х годах начинается новый этап в развитии турецкого ВПК. Турция приступает к собственному производству вооружений по технологиям стран НАТО. Однако структура производства оружия построена таким образом, что интегрирует турецкие заводы в американские монополии по этому виду производства. В 1988 году фирма «Аселсан» приступила к производству ракет типа «Стингер». Под Анкарой построен завод, который собирает американские истребители Ф-16. Одновременно Турция стала поставщиком отдельных деталей для заводов стран НАТО. Такое развитие ВПК Турции имеет очевидные последствия.

- В 80х годах началось некоторое сокращение вооружений США и СССР по взаимным договоренностям. Производство некоторых видов вооружения в Турции компенсировали возможные утраты мощи США, и укрепило этот фланг.

- Военная машина Турции в результате производства отдельных деталей еще больше привязывается к странам НАТО, и, в основном, к американскому ВПК.

- Через Турцию американское и западноевропейское вооружение имеет более широкую возможность проникнуть на восточные мусульманские рынки.

Таким образом, турецкая армия, являясь самой многочисленной в регионе, вооруженная американским и западноевропейским оружием - надежный союзник Соединенных Штатов в защите национальных интересов Америки в регионе, является самой стабильной частью турецкого социума, одним из проводников западных демократических ценностей в традиционное турецкое исламское общество, в значительной мере определяет внутреннюю и внешнюю политику государства.

Исходя из вышеизложенного, следует, что подчинение одного общества другому, осуществляется, через контроль, не над всем социумом (это сулит большие издержки), а над одним из его ключевых элементов - армией, внутренними

США И РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

силовыми структурами, финансовой или энергетической системой. Для распространения своего влияния на все общество в Турции Соединенные Штаты сосредоточились на воздействии прежде всего на вооружённые силы Турецкой Республики.

Список литературы

1. Бжезинский. Великая шахматная доска.. - М: "Международные отношения"., 1999.-256 с.
2. Поцхверия Б.М. Политика Турции в арабских странах. В книге Международные отношения на ближнем и среднем востоке после второй мировой войны 40-50 годы. Москва. «Наука». 1974. – 198 с.
3. Washburn Jennifer. Power bloc // Progressive, Dec98, Vol. 62, h20,4p,1bw. Item Number: 1317630.
4. Мишуков Иван. Зона перехвата.//Новое время. - Июль 1998.-С.28-30.
5. Дергачёв. Геополитика.- К.:ВИРА-Р, 2000.- 448 с.
6. Who runs Turkey ? Giting threat of Islam? Turk army gets bolder // The Christian Science Monitor. - May 09,1997.- P.6.
7. Данилов В. И. О некоторых исторических предпосылках политических устремлений турецкого офицерства в современной Турции.// В книге Проблемы истории Турции. Москва. 1978.- С.69-78.
8. Родионов А.А. Записки посла СССР в Турции в 1974-1983 гг.//Новая и Новейшая история.-2000.- №6.-С.92-105.
9. Расизаде. План Маршалла в Турции //Народы Азии и Африки. - М,1983.-№3.-С.103-107
10. Ахундов И.А. Неоколониализм и Турция.- Баку,1990.-138 с.
11. Congressional Records, 85 Congress, 1st Session, Part1.Jen-Febr.1957.
12. Старченков Г. Турция. Военный бизнес //Азия и Африка сегодня. - М,1989.-№7-С.26-29.

УДК 011/016: 908 (477.75)

А. А. Непомнящий

КРЫМОВЕДЕНИЕ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЮЛИАНА КУЛАКОВСКОГО: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Среди украинских историков «одним из самых усердных и энергичных ученых, занимавшихся исследованием юга» [1, с. 14], являлся Юлиан Андреевич Кулаковский (1855-1919). Он внес значительный вклад в изучение археологии Крыма, его средневековой истории и расширения источниковой базы исторических исследований. По меткому выражению Б. В. Варнеке, «Кулаковский принес все богатство своей эрудиции, усовершенствованное методами классической филологии на служение родной стране и сделал так много в области археологии, исторической географии и этнографии Южной России, так усердно и счастливо расчистил пути для дальнейшего исследования, что всякий будущий работник в этой области найдет существенное подспорье для своих работ в трудах Ю. А.» [2, с. 16].

Выходец из семьи священника, Ю. А. Кулаковский рано потерял родителей. Однако судьба распорядилась так, что на жизненном пути ему встретились незаурядные наставники. Так, во время обучения в Виленской гимназии, среди его педагогов был известный в будущем византист В. Г. Васильевский. Как сирота и отличный ученик юноша был принят в только что открывшийся в Москве Лицей цесаревича Николая, который окончил в 1873 г. с Золотой медалью [3, л. 9]. Значительное влияние на окончательный выбор им дальнейшей специальности оказали занятия «главного учителя» (директора) лицея – П. М. Леонтьева, одного из основателей крымоведческой биобиблиографии. Пользуясь правом, предоставляемым студентам лицея, Юлиан Андреевич в течение трех лет окончил классическое отделение историко-филологического факультета Московского университета, получив степень кандидата в области классической филологии.

После окончания вуза Ю. А. Кулаковский в течение года занимал должность тьютора в лицее цесаревича Николая. Но уже с января 1878 г. до осени 1880 г. для совершенствования образования он был командирован в Берлин, Бонн и Тюбинген, где совершенствует свое образование, принимая участие в семинарах по римской эпиграфике [4, л. 3]. Вернувшись в Россию, молодой ученый сдал в Московском университете магистерский экзамен. С осени 1881 г. по приглашению университета Св. Владимира он занял там должность преподавателя [5, л. 3 об.-4]. После защиты в феврале 1883 г. на историко-филологическом факультете Московского университета магистерской диссертации с апреля этого же года он стал штатным доцентом университета Св. Владимира. Уже через год (1.X.1884 г.) – утвержден

экстраординарным профессором этого учебного заведения по кафедре римской словесности.

Юлиан Кулаковский

истории архитектуры и градостроительства А. А. Пучковым [7]. К сожалению, данное пособие построено не по хронологическому принципу, а по разделам: «монографии и монографические статьи», «рецензии», «персоналии», «переводы». Пропущен ряд крымоведческих публикаций историка [8; 9; 10]. Выявить их нам удалось при изучении переписки Юлиана Андреевича с местными краеведами и просмотре de visu ежегодных «Отчетов» Археологической комиссии.

Крымоведческий аспект творчества ученого лишь единожды стал объектом обзора в некрологе Юлиана Андреевича, подготовленном председателем Таврической ученой архивной комиссии Арсением Ивановичем Маркевичем [11]. Этот очерк, как и аналогичная работа об Ю. А. Кулаковском А. Н. Деревницкого [12], остались неизвестными современным исследователям творчества ученого [7, с. 50].

Первые публикации историка, затрагивавшие отдельные аспекты исторического краеведения Крыма – область античной эпиграфики – стали появляться в начале 1880-х годов. На страницах киевских «Университетских известий» под рубрикой «Новости эпиграфической литературы» он сделал ряд обзоров новинок западноевропейских изданий древних надписей из Северного Причерноморья [13].

Библиография научного наследия ученого, доведенная в 1910 г., впервые была опубликована в сборнике «Serta Byzysthenica» (1911 г.), выпущенном в честь 30-летнего юбилея его деятельности в университете Св. Владимира [6]. В приведенный в хронологической последовательности выхода трудов список вошли лишь наиболее значимые работы Юлиана Андреевича. В нем есть ряд неточностей, замеченные уже современниками [2]. Б. В. Варнеке в 1907 г. опубликовал списки статей Ю. А. Кулаковского, напечатанных в «Университетских известиях» и «Журнале Министерства народного просвещения» [2, с. 22-23]. Наиболее обстоятельный «Указатель трудов Ю. А. Кулаковского» был подготовлен к 80-летию со дня смерти ученого в Государственном научно-исследовательском институте теории и

Осенью 1888 г. в С.-Петербургском университете Ю. А. Кулаковский защитил диссертацию на степень доктора римской словесности. С 24 октября этого же года он состоял ординарным профессором университета в Киеве. С этого времени наблюдается резкое перемещение ракурса научных интересов историка с общих вопросов древнеримской истории и филологии на слабо изученных аспектах археологии и эпиграфики Северного Причерноморья.

С начала 1890-х годов ученый приступил к археологическим исследованиям в Керчи. Сохранился его рукописный отчет о произведенных раскопках в Керчи, датированный 1890 годом [14, л. 55-65]. Сокращенный вариант этой работы был опубликован в следующем году [15]. Изыскания велись по поручению Археологической комиссии, в которую Ю. А. Кулаковский обратился с письмом, где выразил желание принять участие в изучении юга [16, л. 2]. Сохранились интересные свидетельства об археологических разысканиях Ю. А. Кулаковского в Керчи в 1891 г. — дневниковые записи путешествовавшего по Крыму в августе 1891 г. историка искусства и археолога Д. В. Айдалова, выявленные нами в его личном фонде в С.-Петербургском филиале архива Российской Академии Наук [17, л. 7-8]. Дмитрий Власьевич подробно описал свое посещение Керчи, встречу с Ю. А. Кулаковским, ход его исследований и первые результаты работ. Эта информация значительно уточняет утверждение, что Юлиан Андреевич начал археологические исследования в Крыму только в 1894 г. [18, с. 25].

Основное внимание Юлиан Андреевич сосредоточил на изучении открытой им христианской катакомбы 491 года, описание которой он опубликовал в «Материалах по археологии России». Материал содержит обзор результатов раскопок автора в августе 1890 г. на склоне горы Митридат, где ему удалось открыть катакомбу, представляющую собой единственный пример погребальной пещеры с определенной хронологической датой. В фонде «Императорская Археологическая комиссия» рукописного архива Института истории материальной культуры РАН сохранились документы, подтверждающие интерес историка к этому памятнику еще с 1885 года [19]. Опубликованные данные стали обобщающим трудом, включавшим не только результаты практических исследований, но и обзор наработок, сделанных другими археологами. Значительную методическую помощь Ю. А. Кулаковскому при подготовке данной работы оказал В. Г. Тизенгаузен [14, л. 53]. Данная монографическая публикация получила высокую оценку специалистов в области древней археологии Крыма [20].

Выдающееся значение сделанных Ю. А. Кулаковским открытий подчеркивал ведущий отечественный историк, занимавшийся изучением Боспора — М. И. Ростовцев. Его интерпретация находок дошла до нас благодаря сохранившейся переписке Михаила Ивановича с директором Керченского музея древностей В. В. Шкорпиллом [21, л. 7-8]. Роль открытого памятника как источника для истории раннесредневекового Крыма отметил профессор С.-Петербургского университета Н. И. Веселовский [22, л. 14]. Следует отметить, что переписка Ю. А. Кулаковского с Н. И. Веселовским, сохранившаяся в личном фонде Н. И. Веселовского в Российском гос. архиве литературы и искусства и до сих пор никем не исследованная, содержит огромное количество археологических

комментариев, описаний раскопок, расшифровок эпиграфических находок [23, л. 1-35]. Письма представляют несомненный интерес для характеристики хода археологического исследования полуострова и роли в его изучении ведущих отечественных ученых.

Описанию керченских катакомб Юлиан Андреевич посвятил и ряд других публикаций. В частности, знакомство ученого с путешественными записками М. Ремезова [24], которые концентрировали ряд фактологических ошибок, побудили его к публикации популярного очерка «Археологические заметки по вопросу о катакомбах в Керчи». В доступной форме историк изложил описание этих памятников. К этой же проблеме он возвращается в статье «О керченских катакомбах с фресками» [8]. Эта работа не вошла в опубликованные библиографические указатели трудов Ю. А. Кулаковского [6; 7]. Обзор своих археологических разысканий в Керчи ученый поместил в отдельном выпуске «Материалов по археологии России», издаваемых Археологической комиссией [25].

С докладом «О керченских катакомбах с фресками» Ю. А. Кулаковский выступил на IX Археологическом съезде в Вильно. Крымская тематика являлась доминирующей и в его выступлениях на последующих всероссийских съездах историков. Так, в трудах X Археологического съезда, проходившего в Риге, зафиксировано его сообщение «О раскопках крымских курганов». Как отдельные крымоведческие публикации историка можно рассматривать и опубликованные отчеты Ю. А. Кулаковского об его исследованиях в Керчи [9; 10]. Отчеты за 1894 и 1896 гг. не отражены в библиографических пособиях о творчестве археолога [6; 7], а в библиографическом описании отчета за 1895 год [26] допущены неточности [7, с. 33]. В фонде «Императорская Археологическая комиссия» ИИМК РАН РА сохранились подготовленные Ю. А. Кулаковским в рукописи описания работ в Керчи, которые содержат планы катакомб и их характеристики [27, л. 36 об.-38, 44-45]. Выявлены также копии его писем в Керченскую городскую думу, в которых ученый бил тревогу по поводу отсутствия в городе мероприятий по охране памятников и требовал от городских властей выделить средства для охраны ряда бесценных археологических сооружений в Керчи [27, л. 41-43, 46-47].

Корпус публикаций историка, выполненных в виде рецензий на работы ведущих отечественных и европейских антиковедов, посвящен вопросам древней эпиграфики Северного Причерноморья. Объектом ученого анализа для Ю. А. Кулаковского стал, прежде всего, наиболее фундаментальный труд по данной проблеме, опубликованный в эту эпоху: «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini» В. В. Латышева. Давая высокую оценку этому изданию, рецензент справедливо отметил, что «Понять и оценить количество труда, который был положен на одну работу установления текста обильного эпиграфического материала... могут лишь люди сами не чуждые этого рода занятий» [28, с. 177]. На страницах «Филологического обозрения» обстоятельному анализу с точки зрения развития классической филологии были подвергнуты все наиболее значимые из появившихся исследований, посвященные древним и средневековым эпиграфическим памятникам Крыма: И. Стржиговского, Н. В. Покровского, В. В. Латышева, С. Рейнаха, Шурера и многих других. В этих работах ученый

показывал взаимосвязь исторических и филологических исследований. Он утверждал, что «история как частое входит в обширное понятие филологии; дух которой – исследование и уразумение памятника. Углубление анализа, изощрение метода исследования, живое и развивающееся знание памятника прошлого – вот что такое филология» [29, с. 59].

Объектом специальных исследований Ю. А. Кулаковского постепенно становились отдельные сюжеты прошлого полуострова и источниковедения истории края. В «Заметках по истории и топографии Крыма» (1896) он остановился на вопросе о времени начала использования целебных свойств крымских грязей, взяв в качестве источника «*Histora Naturalis*» Плиния. На основе письма испанского министра Иосафа к хазарскому кагану Ибн-Хаздату рассмотрен вопрос о времени и причинах появления пещерных городов в Таврике. При этом автор обнаружил хорошее знание разногласий историографии вопроса (А. Л. Бертье-Делагард, А. Я. Гаркави). На основе фрагментов «Жития Иоанна Готского» Ю. А. Кулаковский попытался установить появление средневековых поселений Южного берега Крыма – Гурзуфа и Карасана.

Характерной особенностью исторических исследований Ю. А. Кулаковского является обильное привлечение в них эпиграфического материала. В статье «К истории Боспора Киммерийского в конце VI века» [30] он сравнил известные в науке трактовки надписи «Евпатерия» и предложил свою версию изъяснения этого топонима. Отдельное исследование филолог посвятил объяснению происхождения топонима «Керчь» [31].

Предметом скрупулезного изучения историка стала история распространения христианства в средневековой Таврике. Если в работах «Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата?» (1897), «Христианство у алан» (1898), «Еще к вопросу о Вичине» (1898) рассматривался весь северо-причерноморский регион и крымские сюжеты упоминались, как бы вскользь, то в исследовании «К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке» [32] на основе сохранившихся литературных памятников досконально разработаны дискуссионные аспекты истории средневекового Крыма. Вариант рукописи этой работы, озаглавленный «Новые данные по истории Готской епархии в Крыму» выявлен нами в личном фонде историка в Центральном гос. историческом архиве Украины в г. Киеве [33, л. 1-7]. Его можно приблизительно датировать серединой 1890-х годов. Текст рукописи отличается от опубликованной версии материала. «Аланское послание» епископа Федора – интересный литературный памятник той же эпохи – Ю. А. Кулаковский поместил со своими комментариями и предисловием на страницах «Записок одесского общества истории и древностей».

Выводы Ю. А. Кулаковского, по-новому высветившие некоторые вопросы истории средневековой Таврики, вызвали оживленную дискуссию в историографии того времени. Первым оппонентом для киевского историка являлся Д. И. Иловайский, который по-своему трактовал ряд исторических событий [34].

Летом 1897 г. Ю. А. Кулаковский занимался археологическими исследованиями в Старом Крыму. Их результаты были отражены сразу же в нескольких публикациях. На страницах «Записок» Русского археологического общества он

поместил статью «Новые данные по истории Старого Крыма» (1899), в которой охарактеризованы обследованные им археологические памятники и сделана попытка воссоздать историю города. На страницах «Чтений» Исторического общества Нестора Летописца, в отчете о своей научной командировке в Старый Крым, Юлиан Андреевич будировал вопрос о необходимости сохранения уникальных археологических памятников этого района. Знакома читателей с обнаруженными им палеографическими находками он сетовал, что «Памятники древней славы и величия города находятся в настоящее время в самом жалком состоянии» [35, с. 104].

Представляют несомненный интерес выявленные в личном фонде историка рукописи записок Юлиана Андреевича (большая часть записей – черновые) о ходе его археологических исследований в различных районах Крыма (не датирована) [36]. Их можно рассматривать как отдельные крымоведческие работы ученого.

Во время своих исследований в Крыму Юлиан Андреевич активно сотрудничал с ведущей местной краеведческой организацией – Таврической ученой архивной комиссией, в которой видел «единственный центр, куда могли бы стекаться разного рода важные сведения, которые ускользают от наезжающих на время в Крым исследователей» [11, с. 338]. Хотя в «Известиях» и в протоколах заседаний Комиссии не выявлено его публикаций и сообщений, свидетельством его непосредственных контактов с крымскими краеведами являются сделанные ими обзоры результатов раскопок киевского археолога. (Например, доклад А. О. Кашпара «О раскопке курганов в деревне Тавель Симферопольского уезда, произведенных Кулаковским» на заседании 8 октября 1897 г.).

Совместно с крымскими историками Ю. А. Кулаковский занимался подготовкой справочно-энциклопедической работы о крымских древностях. Еще в конце 1894 г. историк обратил внимание Археологической комиссии на важность разработки и издания специальной «Археологической» карты Крыма, создание которой он взял на себя [18, с. 25]. Материалы собирались в течение 1895-1912 гг. Проект поддерживали Академия наук и Археологическая комиссия. Однако финансирование было даже не недостаточное, а остаточное [37, л. 1]. Активную помощь в этой работе Юлиану Андреевичу оказывал Арсений Иванович Маркевич, о чем свидетельствует их переписка [38, л. 1, 6]. Археологическая карта была совместно подготовлена двумя учеными, но не издана. Выявить ее в архивных фондах не удалось. Сохранилась лишь рукопись, «Объяснительная записка к археологической карте Крыма» (не датирована), подготовленная Ю. А. Кулаковским, где представлена общая характеристика археологических эпох и описание выявленных памятников [39, л. 1-71].

Другое весьма важное источниковедческое издание – «Карта Европейской Сарматии по Птолею» – Юлиан Андреевич приурочил к XI (Киевскому) Археологическому съезду [40]. Скрупулезные разыскания автора были направлены на приведение в известность для широкого круга лиц данных, заключенных в карте Птолея. Работа вызвала дискуссию на страницах «Филологического обозрения» и «Исторического вестника» [41]. Отдельное пояснение к работе было опубликовано им в «Чтениях» Исторического общества Нестора Летописца (1899). На съезде

ученый выступил с докладом о своих археологических разысканиях в Юго-Западном и Центральном Крыму (в долинах рек Бельбек и Салгир) и с сообщением об истории Керчи в XI-XII веках, построенном на археологических данных.

Наиболее крупной из крымоведческих публикаций ученого стал краткий исторический очерк «Прошлое Тавриды», первое издание которого вышло в свет в 1906 году. Изложение событий начинается от начала появления греческих поселений на черноморском побережье. Раскрыта политическая история основных античных центров Крыма. При этом автор знакомил читателей и с результатами собственных археологических исследований в Крыму. Наиболее подробно освещены хорошо знакомые историку раннесредневековый период и распространение христианства в Крыму. Особый интерес для истории изучения Крыма представляет появившееся в 1914 г. второе издание этой книги, в котором было помещено приложение: «Общий обзор изучения крымских древностей со времени присоединения Крыма к Российской Державе». Перечень исследований начинается с сочинений Г. Одерико и заканчивается последними разработками по археологии Крыма (А. Л. Бертъе-Делагард, А. В. Орешников, С. П. Шестаков, П. С. Уварова). Этот, один из немногих историко-библиографических обзоров крымоведческих исследований, являлся для современников определенным справочным пособием в дебрях краеведческих публикаций тех лет. В обстоятельной рецензии, посвященной этой книге, А. С. Башкиров дал высокую оценку работе, заметив, что «очерк превосходно выполнил свое назначение» [42, с. 395].

Статистика крымоведческих публикаций Ю. А. Кулаковского свидетельствует, что книга «Прошлое Тавриды» стала чуть ли не последней его работой в этой области. Она подвела итог всех его разысканий в области исторического краеведения Крыма, стала обобщением и, к сожалению, точкой... Научные интересы Юлиана Андреевича в это время переходят к другим вопросам европейской античности и средневековья. Подтверждение этим выводам мы находим в письме Ю. А. Кулаковского к А. Л. Бертъе-Делагарду: 3 мая 1913 г. он сообщал: «...когда я писал «Прошлое Тавриды», я как бы прощался с Крымом и в дальнейшие годы лишь издали следил, как другие обогащали музеи предметами из раскопок и углублялись в изучении» полуострова [43].

Свидетельством признания авторитета ученого как крымоведа являются его публикации в ряде энциклопедических изданий. Так, в «Словаре общедоступных сведений по всем отраслям знаний» С. Н. Южакова им был опубликован обстоятельный очерк «Боспор», где изложены хрестоматийные сведения по истории этого культурного центра. Очерк по истории Керчи Ю. А. Кулаковского был опубликован и в «Православной богословской энциклопедии» (1908 г.). Заслуженным итогом его научной деятельности стало избрание ученого 29 декабря 1906 г. членом-корреспондентом Академии наук по разряду классической филологии и археологии историко-филологического отделения [7, с. 22].

Для дополнения характеристики крымоведческой деятельности Ю. А. Кулаковского важное значение имеет введение в научный оборот материалов его научного общения с местными краеведами. Так, в переписке с директором Керченского музея древностей К. Е. Думбергом (1892-1894) историки

комментируют сводный список открытых вещей, который готовился для представления в Археологическую комиссию, советуется о совместных действиях по организации охраны памятников [44, л. 24-30]. Карл Евгеньевич постоянно информировал киевского коллегу о новых эпиграфических памятниках, открытых на боспорской земле [45, л. 9-11]. В письмах Ю. А. Кулаковского к А. Л. Бертье-Делагарду – характеристики работ этого ученого [46]. Отдельные разъяснения по средневековой истории Крыма Ю. А. Кулаковский давал И. А. Линниченко [47, л. 1-2]. Постоянными были и его консультации по датировке археологических памятников Крыма с профессором Новороссийского университета Э. Р. Штерном [48, л. 1-4]. Юлиан Андреевич плодотворно сотрудничал с председателем ТУАК Арс. И. Маркевичем, был одним из его корреспондентов при составлении библиографического указателя литературы о Таврической губернии.

Политические перипетии 1917-1918 гг. тяжело отразились на здоровье ученого. По выражению Арс. И. Маркевича, «крушение родины сломало его физические и душевные силы и он очутился под ее развалинами» [11, с. 340]. Подтверждением этих слов является сохранившаяся переписка Ю. А. Кулаковского с московским историком-крымоведом, археологом А. В. Орешниковым. В письме, написанном в конце 1917 г., Юлиан Андреевич достаточно резко высказался о политической ситуации в Киеве [49, л. 195-196]. Ю. А. Кулаковский скончался в Киеве 21 февраля 1919 г.

Крымоведческое наследие Ю. А. Кулаковского – важный этап в изучении средневекового Крыма. Впервые в строго научной форме были разработаны вопросы истории византийских владений на полуострове, выделены этапы распространения христианства и сделан значительный шаг в исследовании эпиграфических памятников. Благодаря деятельности ученого дальнейшее развитие получили археологические исследования Крыма.

Список литературы

1. Соболевский А. И. Ю. А. Кулаковский: Некролог // Известия Российской академии наук.– 1919.– Т. 13, № 12/15.– С. 567-568.
2. Варнеке Б. Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора императорского Киевского университета Св. Владимира. 1876-1906 // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете.– 1907.– Т. 23, вып. 1, прил.– С. 14-30.
3. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 255.
4. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 228.
5. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 227.
6. Список трудов Ю. А. Кулаковского // Serta Borysthenica: Сборник в честь заслуженного профессора императорского университета Св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского.– Киев, 1911.– С. III-XIV.
7. Юлиан Андреевич Кулаковский (1855-1919): Библиографический указатель: К 80-летию со дня смерти / Сост. А. А. Пучков.– Киев, 1999.– 52 с.
8. Кулаковский Ю. А. О керченских катакомбах с фресками // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом / Под ред. А. В. Орешникова.– 1893.– Т. 1, № 9/10.– С. 384-385.
9. [Кулаковский Ю. А.] Извлечение из отчета о раскопках проф. Ю. А. Кулаковского // Отчет императорской Археологической комиссии за 1894 год.– СПб., 1896.– С. 88-97.

10. [Кулаковский Ю. А.] Отчет проф. Ю. А. Кулаковского об археологических исследованиях его в Крыму в 1896 году // Отчет императорской Археологической комиссии за 1896 год.— СПб., 1898.— С. 159-164.
11. Маркевич А. И. Памяти профессора Ю. А. Кулаковского // ИТУАК.— Симферополь, 1920.— № 57.— С. 337-340.
12. Деревницкий А. Ю. А. Кулаковский: Некролог // ИТУАК.— Симферополь, 1920.— № 57.— С. 324-336.
13. Кулаковский Ю. А. Новости эпиграфической литературы: Corpus inscriptionum latinae VIII u Ephem. Epigr. IV, 2 // Университетские известия.— 1881.— № 12, отд. 4.— С. 371-380; 1883.— № 4, отд. 4.— С. 123-130.
14. КГИКЗА, оп. 2, д. 102.
15. Кулаковский Ю. А. Археологические раскопки близ Керчи летом 1890 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.— 1891.— Кн. 5.— С. 20-23.
16. ИИМК РАН РА, ф. 25, оп. 1, д. 180.
17. СПБФАРАН, ф. 737, оп. 1, д. 126.
18. Григор'єва Т. Ф. Вичення, охорона і спорудження пам'яток історії та культури в Криму як один з напрямків краєзнавчих досліджень // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в Українській РСР: 36. методичних матеріалів: В 6 ч.— Київ, 1989.— Ч. 5.— 89 с.
19. ИИМК РАН РА, ф. 1 (1885 г.), д. 59, л. 110-114 об.; 125-136; ф. 1 (1891 г.), д. 40, л. 39-40.
20. Латышев В. В. [Рецензия] // ЖМНП.— 1891.— Декабрь, отд. крит.-библиогр.— С. 393-405.— Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года.— СПб., 1891
21. РГИА, ф. 1041, оп. 1, д. 33.
22. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 139.
23. РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 891.
24. Ремезов М. По своим краям // Русская мысль.— 1892.— Кн. 8.— С. 100-114; Кн. 9.— С. 46-61.
25. Кулаковский Ю. А. Две керченские христианские катакомбы с фресками. Прил.: Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // Материалы по археологии России.— СПб., 1896.— Вып. 19: Древности Южной России.— 2, II, 67, 5 с.
26. [Кулаковский Ю. А.] Отчет проф. Ю. А. Кулаковского о его исследованиях в Крыму // Отчет императорской Археологической комиссии за 1895 год.— СПб., 1897.— С. 117-124.
27. ИИМК РАН РА, ф. 1 (1891 г.), д. 40.
28. Кулаковский Ю. А. Древние надписи Черноморского побережья // ЖМНП.— 1891.— № 5, отд. «Критика и библиография».— С. 171-182.
29. Кулаковский Ю. А. Памяти Моммзена // ЖМНП.— 1904.— № 1, отд. «Современная летопись».— С. 39-61.
30. Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века: По поводу изъяснения надписи Евпатерия // Византийский временник.— 1896.— Т. 3, вып. 1.— С. 1-17.
31. Кулаковский Ю. А. К вопросу об имени города Керчи // Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Федора Евгеньевича Корша, заслуженного профессора императорского Московского университета.— М., 1896.— С. 185-201.
32. Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП.— 1898.— № 2.— С. 173-202.
33. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 13.
34. Иловайский Д. И. Новый подборник отживших теорий: Историко-критическая заметка // Русский архив.— 1898.— № 4.— С. 632-636.
35. Кулаковский Ю. А. О новейших находках в Старом Крыму // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца.— 1899.— Кн. 13, отд. 1.— С. 104-105.
36. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 19, 22.
37. СПБФАРАН, ф. 35, оп. 1, д. 44.
38. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 144.
39. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 18.
40. Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемее: Приветствие XI Археологическому съезду.— Киев, 1899.— 2, II, 34 с., 1 л. карта.
41. Латышев В. В. [Рецензия] // ФО.— 1899.— Т. 16.— Отд. 2.— С. 89-98.— Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемее.— Киев, 1899.; Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемее: Ответ акад. В. В. Латышеву // Там же.— Т. 17, кн. 1, отд. 2.— С. 3-19; Латышев В. В. По поводу «Ответа» проф. Ю. А. Кулаковского // Там же.— С. 129-133;

**КРЫМОВЕДЕНИЕ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЮЛИАНА КУЛАКОВСКОГО:
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ШТУДИИ**

- [Рудаков В. Е.] [Рецензия] // ИВ.– 1900.– Январь.– С. 376.– (Изд под псевд.: В. Р-в.).– Рец. на кн: Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею.– Киев, 1899.
42. Башкиров А. С. [Рецензия] // ЖМНП.– СПб., 1915.– № 2.– Отд. «Критика и библиография».– С. 395-403.– Рец. на кн.: Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды.– 2-е изд.– Киев, 1914.
43. КРКМ, кп 23023, д. 8738.
44. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 126.
45. ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 130.
46. КРКМ, кп 23022, д. 8737.
47. ГАОО, ф. 153, оп. 1, д. 335.
48. ИРНБУВ, ф. 5, оп. 1, д. 2361.
49. ГИМ РФ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 25.

УДК 94 (37 + 38):61

Э.Б. Петрова

КУЛЬТЫ БОГОВ-ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Люди издревле заботились о своем здоровье и нуждались в медицинской помощи, так что медицина принадлежит к числу древнейших наук. Поначалу греки, как и все другие народы, видели в болезнях проявление потусторонней воли, первостепенную роль в деле изгнания вселившегося в организм злого духа вручали божествам, свято верили в пользу магических действий. Но уже очень рано люди и сами стали помогать себе, замечая, что в природе есть немало полезных для организма вещей. В результате медицина с самого начала и надолго соединила в себе две стороны: религиозную и практическую. Последняя шла рука об руку с естествознанием и философией, базировалась на рационализме. Среди медиков встречались настоящие таланты, соединявшие в себе практиков и теоретиков, внесших значительный вклад в развитие научной мысли.

Значение медицинской науки и особенно практики должно было возрасти у греков в связи с начавшейся Великой колонизацией VIII - VI вв. до Р. Х. Переселенцы оказывались вдали от родины, в непривычных природно-климатических условиях, не сразу могли наладить быт, гигиену, немало воевали, особенно с соседними варварами. Нелегкой была проблема поиска хорошей питьевой воды, растительных и животных продуктов. Обычными становились простудные заболевания (особенно в условиях сурового для эллинов северопричерноморского климата), желудочно-кишечные и иные инфекции, неизбежными были разного рода эпидемии, приходилось также лечить раненых. Все это давало пищу для новых научных изысканий в области врачевания и естествознания, а в колониях резко возрастала потребность в медицинском обслуживании. Лекарское дело и на профессиональном, и на любительском (поначалу игравшем, видимо, первенствующую роль) уровне должно было играть заметную роль в жизни первопоселенцев и их потомков. Древнейшие эллинские центры врачевания находились на западном побережье Малой Азии (г. Книд) или в ближайшем соседстве от него (о. Кос, Родос), то есть в наиболее развитом в эпоху архаики регионе эллинского мира, там, где рассуждали о мире ионийские философы, создавая питательную среду для научных изысканий в различных областях, включая медицину. Достижения этих первых медицинских школ (так же, как и первых ионийских философских школ) были известны наиболее образованным из числа тех колонистов (и их ближайших потомков), которые

КУЛЬТЫ БОГОВ-ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

поселились в Северном Причерноморье. Знакомство с новыми достижениями в медицинской области, теорией и практикой возникавших школ и направлений продолжалось и в дальнейшем.

И, тем не менее, уже на этапе колонизации греки осознавали, как важна для них божественная защита, поэтому заботу о своем здоровье вручили сразу нескольким богам. Первенство здесь принадлежало Аполлону - самому удивительному из эллинских богов [1]. Фантазия греков наделила его многообразными и зачастую противоречивыми функциями: он губитель и спаситель, сокрушитель и созидатель, он наказывает и охраняет. Во всемогущем божестве видели защитника от зла и болезней, помощника, попечителя, водителя судьбы. Особенно ценились его целительные качества. На этапе становления государства-полиса, формирования города Аполлона представляют защитником гражданских общин, предводителем войска, покровителем городов и колонистов. Его святилища в Дельфах и Дидимах стали своего рода чем-то вроде информационных и координирующих центров, распределявших колонизационные потоки. Северно-восточное направление было в ведении Дидим, в первой половине VII в. до Р. Х. вошедших в состав Милетского полиса [2].

Дидимы превратились в главный культовый центр милетцев, Аполлон считался верховным божеством, патроном Милета и, естественно, его колоний. Причем, когда речь идет о колониях, то имеется в виду прежде всего Аполлон Иетрос-Врач (Спаситель), который изначально почитался в апойкиях Западного (Аполлония, Истрия) и Северного (Тира, о. Березань, Ольвия, боспорские города) Причерноморья. В некоторых городах (например, в Пантикапее) он оставался главным божеством на протяжении длительного времени, рассматривался защитником от любых опасностей, включая болезни, покровителем гражданских коллективов новых полисов. По замечанию А.С. Русяевой, "...под сакральным именем Врача скрывался универсальный бог Аполлон со многими функциями, охватывавшими и колонизацию, и основание новых городов, и контакты с аборигенами, и, естественно, исцеление"; Врач являлся "отвратителем зла, богом очищения и покровителем Севера", божеством, "специально учрежденным дидимейским оракулом в начале VI в. для милетско-понтийских апойкий" [3]. Неслучайно основная масса посвящений Врачу в Северном Причерноморье приходится на раннее время - VI в., когда основывались колонии и переселенцы обживались на новых местах.

Мифическая биография Аполлона связана с гиперборейцами - народом, жившим, как считали греки, за Бореем - крылатым богом северного ветра, на краю земли под храмом Аполлона [4]. Назывались разные места его обитания, в том числе и земли севернее Понта Эвксинского. Гипербореи угодны Аполлону, и они не знают "ни болезней, ни губящей старости", "живут без мук, без битв" (Пиндар. Пифийск. песни. X. 3). Представители этого племени Абарис и Аристей слыли мудрецами и служителями Аполлона; Абарис с помощью аполлоновой стрелы боролся с разными бедствиями, исцелял от болезней и предсказывал эпидемии. Для греков Северного Причерноморья Аполлон Гиперборейский был близок Врачу: он также считался целителем. До нас дошли его изображения в виде всадника с копьем, на орлиноголовом или львиноголовом грифоне [5].

Северопричерноморские греки посвящали Аполлону храмы, статуи, дорогие (нередко из золота, серебра) и изысканные вещи, надписи, помещали изображения бога и его атрибутов на монетах своих городов [6], сохранилось и некоторое количество изображений Аполлона в камне и глине. Культ Аполлона, в частности Врача, был особенно распространен в Тире, на Березани, в Ольвии и городах Боспора.

На о. Березани, в Ольвии, Тире сохранились посвящения Аполлону Врачу, сделанные на камне, глиняных сосудах и архитектурных деталях, костяных пластинах и датирующиеся VI - III вв. до Р. Х.; в Ольвии, помимо того, - надписи на камне I - III вв. от Р. Х., в которых говорится о подарках (золотой венок, золотая Ника), поднесенных городскими стратегами Аполлону Простату (защитнику, хранителю) за благополучие и здоровье города, а также их, стратегов, собственное здоровье и доблесть [7]. В Ольвии пользовался огромной популярностью культ Аполлона Дельфиния (близкого к Врачу), введенный несколько позже культа Аполлона Врача [8]. Здесь известны храмы, выстроенные в честь Дельфиния, Врача, Простата. Храм Аполлона Врача - одна из наиболее ранних общественных построек: его остатки, выявленные на западном теменосе (священном участке) города, датируются концом VI - началом V в. до Р. Х. [9]. Ольвийская надпись второй половины IV в. до Р. Х. на мраморном постаменте ("*Леократ, сын такого-то, Аполлону Врачу посвятил. Стратонид афинянин сделал*" - Ю. №65) имеет отношение к несохранившейся бронзовой статуе Врача работы афинского скульптора Стратонида, которую ольвиополит Леократ посвятил Аполлону Врачу; Е.И. Леви полагает, что эта статуя некогда стояла в теменосе или на агоре Ольвии и имела отношение к храму Врача [10]. В Ольвии и на Березани найдены каменные и глиняные изображения курсов - атлетически сложенных юношей, такие изваяния относят к архаической эпохе и предположительно связывают с изображениями Аполлона [11].

В Пантикапее и, видимо, некоторых других основанных малоазийским Милетом городах Керченского и Таманского полуостровов Врач не только почитался уже со времени их появления, но и мог выступать в роли верховного божества [12]. Здесь Аполлону и Аполлону Врачу приносили в дар статуи, делали посвятельные надписи на каменных постаментах, глиняных сосудах. Известны посвящения Врачу из Пантикапея, Мирмекия, Феодосии, Патрея, Фанагории, Гермонассы, датирующиеся концом VI - II в. до Р. Х. (граффити чаще всего представляют сокращенное имя божества, что, естественно, усложняет их интерпретацию) (КБН. №6, 10, 25, 974, 1037, 1044; Толстой. №174) [13]. В Пантикапее под эгидой храма Аполлона, вероятнее всего, Врача произошло объединение полисов Керченского пролива в единое государство, и не исключено, что это объединение носило характер религиозного союза, связанного с культом Врача (по мнению В.А. Анохина, Археанактиды являлись жрецами этого божества в Пантикапее еще со времени колонизации) [14]. И в дальнейшем жрецами Врача были знатнейшие люди в государстве, включая членов царской семьи, например, Левкона, сына царя Перисада II (КБН. №25). Очевидно, что Спартокиды покровительствовали культу Аполлона Врача, который, судя по всему, приобрел в Боспорском царстве общегосударственный характер. Храмы Аполлона были не только в Пантикапее, но также в Фанагории, Гермонассе, вероятнее всего, в

КУЛЬТЫ БОГОВ-ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Феодосии, возможно, и в других боспорских городах [15]. С Врачом предположительно связывают и некоторые косвенные материалы [16].

О почитании Врача в Херсонесе нам не известно, тем не менее посвящения Аполлону и его ближайшим мифическим родственникам (Артемиде, Латоне) и здесь засвидетельствованы (это граффити IV - III вв. до Р. Х. с сокращенными именами богов, по поводу которых, правда, не всегда можно с уверенностью сказать, имя ли это божества или имя владельца сосуда: Граффити. №86 - 88, 98, 102, 105, 106, 243, 248, 251, 257, 258, 288, 290, 294) [17]. Примечательно и то, что в роли верховного божества Херсонеса выступала сестра-близнец Аполлона Артемиды под именем Партенос (Дева).

Религиозная медицина была у эллинов связана с культом бога врачевания Асклепия (сына Аполлона и Корониды) и его довольно обширного семейства: супруги Эпионы (Болеутолительницы), их дочерей Гигиен (Здоровье) и Панацеи (Всецелительницы), сыновей Махаона и Подалирия. Священными животными Асклепия считались змея, петух, собака. Важную роль в лечении недугов играли асклепийоны - святилища-лечебницы, в которых жрецы чтили Асклепия и помогали страждущим. Их было немало в Элладе, но некоторые пользовались всеобщим признанием, например, святилища в г. Трикке (Фессалия), на о. Косе, Делосе, в Афинах, Пергаме. И все же главным центром почитания Асклепия был г. Эпидавр, в его святилище отовсюду стекались паломники. Жаждавшие исцеления проходили обряд очищения, проводили ночь или несколько ночей в специальном помещении, где должны были увидеть во сне Асклепия, разясняющего, каким образом можно избавиться от хвори (это так называемая инкубация), после чего жрецы давали толкование увиденному во сне; и до и после исцеления богу приносились жертвы, делались посвящения [18]. Полисные власти заботились о святилищах Асклепия, а, следовательно, и о благополучии жрецов-лекарей. Трудно сказать, каким был уровень профессиональной подготовки последних, но вряд ли эти люди были невеждами в области медицины: им приходилось действительно лечить и по возможности вылечивать людей. Они могли приобретать знания в святилищах у своих более опытных коллег, читать медицинскую литературу и таким образом приобщаться к новейшим научным достижениям, опытным путем становились неплохими психологами, ведь от них требовалось умение внушить больному человеку веру в выздоровление с помощью божественной силы. Асклепийоны располагались в таких местах, где природа была особенно благодатна для самочувствия человека. Сами святилища представляли собой великолепные архитектурные комплексы, богато украшенные произведениями искусства. Все это умиротворяюще действовало на пациентов, вселяло веру во всемогущество доброго божества.

Жители северопричерноморских городов посещали эпидаврское святилище с религиозными и лечебными целями. Из дельфийской надписи ок. 268 - 266 г. до Р. Х. явствует, что боспорский учитель, музыкант и поэт Исилл участвовал в ежегодных музыкальных состязаниях на празднике Сотерии (Сотер - "спаситель", так называли богов-избавителей); примерно 280 г. датируется надпись из Эпидавра - это пеан (песня, исполнявшаяся в сопровождении кифары) в честь Аполлона и Асклепия,

автором которого назван Исилл, прибывший с Боспора и навсегда оставшийся в Эпидавре (Граков. №11, 57). Между этими надписями, несомненно, есть связь: учитель музыки мог быть родственником автора пеана, не исключено, что в надписях вообще речь идет об одном человеке - музыканте и поэте родом из Боспора, вероятно, ставшем жрецом в храме бога врачевания и воспевавшим его добродетели.

Удивительная история о мифическом скифском мудреце Токсариде, прибывшем в Афины во времена Солона (то есть в начале VI в. до Р. Х.) и остававшемся там до конца своих дней, сохранилась в сочинении Лукиана "Скиф, или гость" (I): сей выходец из далекой варварской страны настолько поразил афинян своими познаниями и образом жизни ("муж мудрый, отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим занятиям"), что они включили его в число героев, признали за одного из Асклеиадов (происходящего из рода врачей, возводившего себя к богу врачевания) и приносили жертвы как иноземному Врачу (его величали так же, как самого Аполлона!). Эта легенда интересна нам, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, в ней ясно прослеживается представление эллинов о медицине как части философии (афиняне видели в Токсариде мудреца и врача), во-вторых, из нее следует, что гордые своей цивилизацией греки (тем более афиняне) настолько высоко оценили достижения северопричерноморских варваров в области врачевания, что позволили себе обоготворить скифа и, кажется, не видели в этом ничего удивительного.

Асклепия и Гигиею чтили повсюду в Северном Причерноморье. Здесь им посвящали храмы, надписи (в которых больные люди просили о здоровье и благодарили за помощь, врачи - за покровительство), привозили из Эллады или делали на месте их скульптурные изображения (выражения лиц богов-целителей отличаются мягкостью, добротой, кротостью, состраданием. Бога врачевания нередко изображали вместе с дочерью, обоих - с их атрибутами: змеей, обвитым змеей посохом, чашей), помещали их изображения на монетах. Особенно возросло значение этих культов в первых вв. от Р. Х., что могло быть связано с их популярностью в это время в Риме, всячески стремившемся установить свою гегемонию на Северном Понте и разместившем кое-где здесь свои войска.

Немало свидетельств почитания богов врачевания в Ольвии [19]. В декрете Протогена конца III в. до Р. Х. упоминается название одной из башен городских укреплений - "Эпидавская", то есть принадлежащая Асклепию Эпидавскому (IOSPE. I². 32. В). Не потому ли она так называлась, что находилась поблизости от храма этого божества? А храмы Асклепия и Гигиеи наверняка были в Ольвии [20]. Примечательна изданная В.В. Латышевым надпись первой половины III в. от Р. Х., вырезанная на мраморной плите [21]. Текст обрамлен резным узором, представляющим фасад храма - колонны и антаблемент с изображениями голов тех богов, о которых в ней говорится (головы Асклепия и его дочери находятся по сторонам центрального фронтона, внутри которого - две змеи и, видимо, два сосуда - атрибуты этих божеств). В надписи сообщается, что ольвиополит Аврелий Юлиан на собственные средства построил и посвятил отечеству за счастье римского императора Александра Севера и его войска, за здоровье и благосостояние народа храмы Сарапису, Исиде, Асклепию, Гигиеи и Посейдону. Издатель полагает, что

КУЛЬТЫ БОГОВ-ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

речь идет, возможно, об одном общем для перечисленных богов храме (хотя не исключает, что это могли быть и храмы), и замечает, что таковой был посвящен специально богам-целителям - Сарапису с Исидой и Асклепию с Гигиеей, а также Посейдону, как естественному покровителю приморского города.

Из Ольвии же происходят выдающиеся произведения скульптурного искусства - мраморные головы Асклепия и Гигиеи, которые, по мнению специалистов, несут на себе влияние школ ваияния двух замечательных мастеров - Скопаса (голова Асклепия) и Праксителя (голова Гигиеи) - и датируются эллинистическим временем [22]. Нельзя не согласиться с Б.В. Фармаковским, что некогда эти головы должны были находиться в здании общественного назначения, таковым мог быть храм Асклепия или Гигиеи [23]. При раскопках ольвийского гимнасия была обнаружена еще одна мраморная головка бога врачевания, датированная М.М. Лесницкой первыми десятилетиями III в. до Р. Х. и отнесенная ею к памятникам, созданным в стиле Праксителя [24]. Имя Гигиеи писали на сосудах - киликах, канфарах. "Здоровье" ("За собственное здоровье") - так прочитал граффито на чернолаковой чаше IV в. до Р. Х. из Ольвии И.И. Толстой; Э.И. Соломоник дает иное чтение: "*Чаша* Гигиеи" [25]. "Как Гигиеи, так Эрота" - другая надпись на канфаре III в. до Р. Х., соединившая здоровье и любовь [26].

Культ богов врачевания засвидетельствован и в Тире: здесь найдены их мраморные изваяния, медные монеты эллинистического времени с изображением головы Асклепия на лицевой стороне и змеи - на оборотной, сохранилась латинская надпись конца II - начала III в. от Р. Х., сделанная римскими военными врачами в честь их покровителей Асклепия и Гигиеи [27].

На Боспоре преобладающим был культ Аполлона Врача, тем не менее, его сына Асклепия не забывали и порой чтили их вместе. Примечательно в этом отношении граффито на чернолаковом блюде IV в. до Р. Х. из Пантикапея: "Аполлону и Асклепию" (Толстой. №182). О существовании храма Асклепия в Пантикапее известно благодаря Страбону, который, ссылаясь на Эратосфена, греческого ученого III в. до Р. Х., рассказал о лопнувшей от мороза бронзовой гидрии, хранившейся в этом храме (II .1. 16) [28]. Обнаруженный на горе Митридат мраморный торс конца IV или начала III в. до Р. Х. трактован М.М. Кобылиной как принадлежащий Асклепию; по мнению исследовательницы, скульптурка имела отношение к святилищу Асклепия в Пантикапее, которое могло находиться где-то поблизости от церкви Иоанна Предтечи (на месте которой и был найден торс Асклепия) [29]. Другое, загородное святилище бога врачевания располагалось у пос. Аджимушкай, там, где находился целебный источник [30]. Этому святилищу могла принадлежать обнаруженная на северном склоне Темир-Горы, у пос. Партизаны, мраморная плита с надписью II в. от Р. Х.: "Богу Асклепию, Спасителю и благодетелю, поставил этот стол (жертвенник - Э.П.) Стратодем, сын Менестрата" (КБН. №957).

Л.Н. Глушец считает, что святилища Асклепия занимали на Боспоре гораздо более скромное положение, чем пантикапейский храм Аполлона, пользовавшийся привилегиями со стороны царской семьи. Исполнение жреческих функций в последнем не требовало никаких специальных медицинских знаний. Автор отмечает, что при раскопках на Боспоре не обнаружены свидетельства того, что

местные святилища Асклепия были средоточием развивающейся профессиональной медицины [31]. Не стоит, однако, забывать, что святилище божества врачевания близ Аджимушка имело прямое отношение к лечению больных, а значит, и обслуживающие его жрецы должны были кое-что смыслить в медицине.

Асклепий и Гиги́ея удостоились особого почитания в Херсонесе, где медицине вообще уделялось много внимания и где она процветала на протяжении веков. Не позднее середины II в. от Р. Х. Асклепия и Гиги́ею включили в официальный пантеон богов и помимо целительных функций им вручили заботу о гражданской общине, в связи с чем их фигуры поместили на монетах Херсонесского государства [32]. В первых вв. от Р. Х. их здесь чтити и местные греки, и римские легионеры, несшие службу в этом отдаленном уголке ойкумены. Культ богов врачевания засвидетельствован многими находками как в центре полиса, так и на его периферии, причем, в последнем случае они нередко датируются более ранним временем, чем те, которые происходят из столицы. Нет сомнений, Асклепия и его дочь чтити в Херсонесском государстве на протяжении длительного времени, не исключено, что уже со времени его основания (хотя таковыми данными мы пока не располагаем) [33].

Религиозное врачевание базировалось здесь в святилище Асклепия, упомянутом в найденной в Херсонесе надписи I - первой четверти II в. от Р. Х. (IOSPE. I². 376), а сам Херсонес, по утверждению В.И. Кадеева, являлся одним из центров храмовой медицины в Северном Причерноморье вообще [34]. Э.И. Соломоник на основании обнаруженных недалеко от херсонесского театра фрагментов мраморных плит с посвящением Асклепию и Гиги́еи и мраморной статуэтки Гиги́еи первых вв. от Р. Х. предлагает искать храм Асклепия в районе театра [35]. Примечательно, что именно здесь найдены три сосуда IV в. до Р. Х. с граффити из двух букв - АС, которые могут быть сокращенным именем Асклепия (либо теофорным именем, то есть именем человека, происходящим от имени божества) [36]. Есть и другие граффити херсонесского происхождения с посвящениями богу врачевания и его дочери, они в основном датируются IV - III вв. до Р. Х. [37].

Из Херсонеса римского времени дошли до нас и изображения божеств врачевания [38]. I в. датируется мраморный торс Асклепия в перекинутом через плечо плаще [39]. I - II вв. - бронзовая статуэтка бога, опирающегося рукой на обвитый змеей жезл (Г.Д. Белов заметил, что она аналогична изображениям бога врачевания на упоминавшихся нами херсонесских медных монетах II в.: на лицевой стороне Асклепий с жезлом, обвитым змеей, на оборотной - Гиги́ея со змеей и чашей [40]). К концу II - началу III в. относится мраморная статуэтка Гиги́еи, кормящей из чаши змею [41]. Асклепий и Гиги́ея запечатлены на гемме II - III вв., происходящей из могилы херсонесского некрополя и, как считает М.И. Максимова, являющейся копией с оригинала, изготовленной местным мастером-резчиком [42]. С этими же культами обычно связывают несколько выявленных в Херсонесе известняковых алтарей с изображением змеи [43].

Интересны находки и из округи Херсонеса, свидетельствующие о распространении культов богов врачевания на всей территории государства, причем, в довольно раннее время. Это граффити на сосудах эллинистического и

римского времени [44]. Впечатляет рельефное изображение Асклепия и богини здоровья на глиняном кувшине первой четверти III в. от Р. Х.: бог-врачеватель с жезлом, обвитым змеей, в правой руке он держит яйцо для змеи [45], здесь же алтарь с горящей жертвой и два деревца, у Гигиен в одной руке - змея, в другой - чаша с пищей для змеи, богиня окружена деревцами, у ее ног фигурка Телесфора, божества выздоровления, и дельфин [46]. Е.Я. Туровский не исключает возможности существования святилища Асклепия на хоре Херсонеса уже во II в. до Р. Х. [47]. С культом божеств-целителей было связано святилище вблизи Сакского грязе-лечебного озера, существовавшее в конце II в. до Р. Х. - середине III в. от Р. Х. [48].

Здоровье людей оберегали и некоторые другие боги. Зевса, например, так же, как и Асклепия, называли Врачевателем и Спасителем (Сотером) (НО. №71; Толстой. №166; КБН. №26). Защитные (включая лечебные) функции связывали с героями. Не случайно змея являлась одним из их атрибутов. Пользовавшийся всеобщим поклонением в Элладе Геракл призывался на помощь во многих случаях жизни, в том числе и тогда, когда одолевали болезни; культ этого героя засвидетельствован во всех государствах Северного Причерноморья благодаря многочисленным надписям, пластическими изваяниями.

К медицине и лечебной магии имел прямое отношение Ахилл. Из рассказа Павсания (III. 19. 11 - 13) следует, что на острове Левке (ныне Змеином, что у устья Истра-Дуная) находился храм Ахилла, в котором исцеляли больных [49]. На Левке, Березани, в Ольвии Ахилла чтили особенно, здесь его наделяли разнообразными эпikleзами, в том числе называли Спасителем (Сотером). Посвящения на мраморных плитах, сделанные от имени должностных лиц Ольвийского полиса (архонтов, стратегов, агораномов, жрецов) Ахиллу Понтарху (Владыке Понта), ставшему верховным божеством у ольвиополитов в первых вв. от Р. Х., сопровождаются словами: "за благосостояние города и за собственное здравие" (НО. №86 - 89). На Левке обнаружено множество надписей и предметов магического свойства.

Как уже говорилось, в римское время функции Асклепия и Гигиен порой вручались египетским божествам Сарапису и Исиде [50].

Женщины обращали свои взоры к богиням, покровительствовавшим им в любви и семейной жизни, у них просили здравия, красоты, продления рода, успешной беременности, легких родов. Таковыми были Афродита, Гера, Афина, Артемида (и ее помощница Илифия) [51], а также другие богини.

С распространением христианства врачевание стали связывать с Иисусом Христом [52].

В благодарность за выздоровление или в надежде на него богам-врачевателям приносили разные дары, в том числе сделанные из камня, глины, кости изображения больных частей тела. Такие вотивы обнаружены в Херсонесе, на Боспоре, в Северо-Западном Причерноморье [53].

Эллины любили давать своим детям имена, происходившие от имен наиболее почитаемых богов, им казалось, что так их отпрыски будут лучше защищены небесными покровителями. Лекари, естественно, предпочитали имена, связанные с врачеванием и здоровьем. Теофорные имена - не редкость в северопричерноморской

эпиграфике: Аполла, Аполлодор, Аполлонид, Аполлоний, Иетрокл, Асклеп, Асклепиад, Гигиенон, Гигиенонт и. т. п. (примерно такими же были и женские имена) [54]. Многозначительно звучат эпитафии на боспорских надгробиях первых вв. от Р. Х.: "Гедия, дочь Асклепиада, жена же Аполлония, и сын Асклепиад, прощайте", "Асклепиад, сын Аполлония, прощай", "Аполлодор, сын Асклепия, прощай" (КБН. №676, 996, 1029).

С религиозным врачеванием связана широко распространенная в древности лечебная магия. Людям свойственно верить в сверхъестественные силы, волшебство, тем более, когда речь идет о самом святом - здоровье. В ход шли всевозможные амулеты (в том числе в виде больших частей тела - руки, ноги, зубов, головы, в виде антропоморфных фигурок и полуфигурок), на разных предметах делали надписи, чертили зачастую мало понятные нам знаки, символы, наборы цифр, букв и пр.

Вера в богов вселяла в людей надежду на здоровье и благополучие, тем не менее, без знаний и навыков профессиональных врачей не обходились, медицина была процветающей отраслью знаний в Элладе вообще, в государствах Северного Причерноморья - в частности. На этот счет у нас имеется немало свидетельств. Особенно велика была роль предупредительной медицины. Огромное внимание уделялось поддержанию хорошей спортивной формы граждан всех возрастов, отдыху, сочетавшему приятное с полезным (праздники, симпозиумы). Предпочитали простую, но здоровую пищу, осуждали чревоугодье, пьянство. Заботились о чистоте тела (купались в море, водоемах, бассейнах, для мытья использовали специальные керамические емкости, в римское время появились банитермы, их остатки обнаружены в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Кехах, Херсонесе, Хараксе, кое-где в усадьбах на городской хоре), благоустройстве быта: отоплении и освещении жилых помещений, водоснабжении (эта проблема остро стояла в местах с недостаточным количеством пресной воды, например, в Крыму), канализации, чистоте улиц и домов [55].

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. - М., 1957.
2. Русяева А.С. Милет - Дидимы - Борисфен - Ольвия // ВДИ. - 1986. - №2. - С.29 слл.
3. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. - К., 1992. - С.40; она же. Милет - Дидимы... - С.61 - 62.
4. Онайко Н.А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. - М., 1977. - С.153 - 160.
5. Об иконографии Аполлона Гиперборейского см.: Там же. - С.153 - 160; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. - С.139, 147, 182. - Рис.29.
6. Монеты-стрелки, в основном датирующиеся в пределах VI - V вв. до Р. Х. и известные на о. Березань (где они могли появиться и раньше, уже в конце VII в.), в Ольвии, Никонии, Керкинитиде, принято связывать с культом именно Аполлона Врача, атрибутом которого была стрела, выполнявшая охранительные функции: Анохин В.А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. - К., 1986. - С.68 - 89; он же. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - К., 1989. - С.5 - 11, 75 - 76, 80 - 82; Шелов Д.Б. Монеты-стрелки в Нижнем Побужье // ВДИ. - 1987. - №4. - С.124 - 131; Кутайсов В.А. Монеты Керкинитиды V в. до н. э. // ВДИ. - 1991. - №1. - С.46 - 68; он же. Античный город Керкинитиды VI - II вв. до н. э. - К., 1990. - С.145 - 146.
7. Толстой. №76; НО. №65, 78 - 85. О культе Аполлона в Ольвии, посвящениях Аполлону Врачу и близкому к нему по своей сути Простату в Северо-Западном Причерноморье см. в подробностях: Толстой И.И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. - 1904. - Январь. - С.1 - 15; он же. Врач и

КУЛЬТЫ БОГОВ-ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Дельфиний // ИАК. - 1905. - Вып.14. - С.44 - 53; Хирст Дж. Ольвийские культы // ИАК. - 1908. - Вып.27. - С.86 - 99; Карышковский П.О. Материалы к собиранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. - 1959. - №4. - С.116. - №4; Леви Е.И. Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. - 1965. - №2. - С.86 - 95; Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. - К., 1980. - С.19 - 64; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. - 1980. - №2. - С.89. - №16; Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. - К., 1997. - С.15 - 17; она же. Милет - Дидимы... - С.25 - 64; она же. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. - К., 1988. - С.166 - 174; она же. Религия и культы... - С.14 - 21, 27 - 55; Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время. - К., 1987. - С.141 - 146.

8. На чернолаковом килике, возможно, ольвийского происхождения надпись: "Общий килик Дельфиния и Врача" (Толстой И.И. Врач и Дельфиний. - С.44 - 53. - Рис.1).

9. С.Д. Крыжицкий видит в нем антовый храм ионического ордера: Крыжицкий С.Д. Храм Аполлона Врача на западном теменосе Ольвии // ВДИ. - 1998. - №1. - С.170 - 190; он же. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К., 1993. - С.40, 67 - 69. - Рис.14. А.С. Русяева полагает, что этому сооружению предшествовал более скромный храм Аполлона Врача, сооруженный в третьей четверти VI в.: Русяева А.С. Милет - Дидимы... - С.42 слл.; она же. Религия и культы... - С.33.

10. Леви Е.И. Указ. соч. - С.86 - 95. См. также рассуждения по поводу архаической статуи Аполлона (возможно, Врача), представленной на ольвийских монетах II в. от Р. Х., а также иных изображений Аполлона (в том числе Врача) из Ольвии: Русяева А.С. О культурной жизни Ольвии послегетского времени // Античная культура Северного Причерноморья в первые вв. н. э. - К., 1986. - С.5; она же. Религия и культы... - С.37 - 39.

11. Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. - К., 1982. - С.94 - 97; Культура населения Ольвии... - С.154 - 157, 167 - 168.

12. О культе Врача на Боспоре см.: Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. - 1999. - Вып.2. - С.213 - 231.

13. См. подборку: Там же. - С.215 - 217.

14. Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. - 1984. - №3. - С.44 - 47. Ю.Г. Виноградов полагал, что боспорские монеты V в. с легендой АПОЛ, представляющей имя Аполлона Врача, являли собой эмиссию конфедерации боспорских полисов и чеканились от имени храма этого божества, который был возведен на акрополе Пантикапея во второй четверти V в. "как религиозно-политический символ объединения боспорских полисов" (Там же. - С.46 - 47. - Прим. 95). См. также: В.А. Анохин. Монетное дело Боспора. - К., 1986. - С.24 - 27.

15. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.; Л., 1949. - С.162, 164, 200 - 201; Пичикий И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. - М., 1984. - С.152, 156 слл. - Рис.56; Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К., 1993. - С.66 слл. - Рис.38; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. - Симферополь, 2000. - С.145 - 146.

16. Изображения на монетах, наконецники стрел из погребений: Сударев Н.И. Указ. соч. - С.216 - 224. Автор полагает, что часто встречающиеся в боспорских и ольвийских могилах VI - V, реже IV вв. до Р. Х. наборы стрел могли быть связаны с культом Врача.

17. Много надписей с одной буквой А, они датируются V - II вв. до Р. Х. и могут трактоваться по-разному: и как имя бога, например, Аполлона, Артемиды, Асклепия, и как имя владельца сосуда (Граффити. №2 - 85).

18. Жебелев С.А. Религиозное врачевание в древней Греции // ЗРАО. - 1893. - Т.6. - Вып. 3 - 4. - Нов. сер. - С.369 - 429; Баватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. - М., 1983. - С.86 слл.

19. См.: Русяева А.С. Земледельческие культы... С.17; она же. Религия и культы... С.130 - 132.

20. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств... С.188.

21. Латышев В.В. Две ольвийские посвятельные надписи // ИАК. - 1912. - Вып.45. - С.1 - 8. Издатель отмечает, что тогда Ольвия пребывала в подчинении у Рима и в городе стоял римский гарнизон; времена были довольно мирные, и это позволяло воздвигать монументальные постройки.

22. По мнению Б.В. Фармаковского, тонкая виртуозная работа, глубокое понимание материала, отсутствие сухости, нежность, непосредственность чувств обнаруживают в них "дыхание оригиналов", созданных прекрасными греческими мастерами конца III в., принадлежащими к александрийской школе

(Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902 - 1903 гг. // ИАК. - 1906. - Вып.13. - С.191 слл. - Табл. 1 - 3. См. также: В.Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. - М., 1947. - С.61. Заметим, однако, что не все согласны с такой интерпретацией ольвийских изваяний: А.С. Русяева, например, не исключает, что они представляют Зевса Сотера и Афродиту (Русяева А.С. Религия и культуры... - С.130).

23. Храму мог принадлежать и вотивный мраморный рельеф римского времени со сценой жертвоприношения Асклепию; А.С. Русяева обратила внимание на вотивный костяной алтарь со змеей, который дает представление о наличии общественного алтаря Асклепия в Ольвии эллинистического времени (Русяева А.С. Религия и культуры... - С.130 - 131).

24. Леснищя М.М. Голова Асклепия из Ольвии // ВДИ. - 1973. - №3. - С.87 - 92.

25. Толстой. №38; Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. - 1976. - №3. - С.127. См. также: Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. - 1903. - Вып.8. - С.39 - 40; Парович-Пешикан М.Б. Некрополь Ольвии эллинистического времени. - К., 1974. - С.75 - 76.

26. Канфар мог использоваться в домашнем культе, на пиршествах или служить для возлияний во славу двух божеств (Русяева А.С. Религия и культуры... - С.130. - Рис.41, 2).

27. Дмитров Л. Білгород-Дністровська археологічна експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. - К., 1949. - Т.2. - С.48; Зограф А.Н. Монеты Тира. - М., 1957. - С.75 - 76. - №36, 37. - Табл.3. 13, 14; Сон Н.А. Греческие культуры Тира первых вв. н. э. // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. - К., 1980. - С. 133 - 134; она же. Тира римского времени. - К., 1993. - С.124; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. - К., 1985. - С.119. - Рис.41; Карышковский П.О. Посвятительная надпись римских врачей из Тира // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. - К., 1987. - С.52 - 56; Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - К., 1989. - С.95, 117. - Табл. 26, 465, 466.

28. Эратосфен в своем труде процитировал начертанную на этой гидрии, сосуде для воды, эпиграмму: "Если же кто не поверит, что в нашей стране приключилось, / Пусть он узнает тогда, гидрию эту узрев: / Богу не в дар дорогой, а в знак лишь сурового хлада / Нашей страны иерей Стратий, ее посвятил".

29. Кобылина М.М. Новые находки скульптуры в Пантикапее // МИА. - 1962. - №103. - С.180 - 182. - Рис.1

30. Репников Н.И., Шмидт Ф.И. Античный курорт в окрестностях Керчи // Сообщения ГАИМК. - 1932. - №5 - 6. - С.67 - 68; Гайдукевич В.Ф. Керченский район, 1935 - 1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934 - 1936 гг. - М.; Л., 1941. - С.262 - 265; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - С.170, 172; Матковская Т.А. Культовые сооружения Пантикапея // Пилигримы Крыма - Осень'99: IV Крымск. междунар. науч.-практ. конф. - Симферополь, 2000. - Т.2. - С.35 - 37.

31. Глушец Л.Н. Медицина на античном Боспоре // Проблемы археологии и истории Боспора: Тез. докл. - Керчь, 1996. - С.90.

32. Зограф А.Н. Античные монеты. - М., 1951 (МИА. - №16). - С.158, 244. - Табл.38, 2, 5, 8, 11; Голенко К.В., Шеглов А.Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом // Dacia. - N. S. - Bucarest, 1965. - Т.9. - P.376 - 380. - Рис.6; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. - К., 1977. - С.82, 91, 153, 155. - Табл.18, 266; 20, 284, 291; Мещеряков В.Ф. Религия и культуры Херсонеса Таврического в I - IV вв. н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. - М., 1980. - С.9; Кадеев В.И. Херсонес Таврический: Быт и культура. - Харьков, 1996. - С.151, 159.

33. Хорошо известна воинственность херсонесцев, не без боя отвоевавших для себя место для поселения, длительное время сражавшихся с соседними варварами (таврами, скифами) и вынужденных всегда быть начеку. Военная медицина должна была здесь процветать, а вместе с ней и культ богов врачевания. Неслучайно именно Херсонес дает нам наибольшее количество свидетельств о медицине и достижениях в этой области.

34. Голенко К.В., Шеглов А.Н. Указ. соч. - P.373 - 374. - Рис.1; Кадеев В.И. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. - Харьков, 1994. - С.59, 60, 64; он же. История и археология Причерноморья. - Харьков, 2000. - С.343 - 344.

35. Исследовательница отмечает, что в Афинах, Эпидавре и других центрах храмы Асклепия находились около театров (Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. - К., 1988. - С.57 - 58; она же. Каменная летопись Херсонеса. - Симферополь, 1990. - С.53. - №48).

36. Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. - С.58.

37. Граффити. №355, 356, 1448, 1718; Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. - С.58. Из-за того, что имена даны в сокращении, рождается сомнение: имя ли это божества или геофорное имя владельца сосуда.

КУЛЬТЫ БОГОВ-ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

38. См. подборку: Щеглов А.Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. - 1960. - Вып.1. - С.9 - 16; Голенко К.В., Щеглов А.Н. Указ. соч. - Р.374 - 380.
39. Щеглов А.Н. Указ. соч. - С. 11 слл. - Рис.2; Античная скульптура Херсонеса. - К., 1976. - С.38. - №82. - Рис.48. А.Н. Щеглов видит в подобных произведениях искусства воспроизведение статуи эллинистического времени из святилища Асклепия в Пергаме и отмечает, что образ стоящего и опирающегося на жезл Асклепия мог появиться еще в V в. до Р. X. и в течение длительного времени не подвергаться существенным изменениям.
40. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931 - 1933 гг. // МИА. - 1941. - №4. - С.204. - Рис.2; Щеглов А.Н. Указ. соч. - С.9 слл. - Рис.1.
41. Пятыхшева Н.В. Мраморная статуэтка Гигиены из Херсонеса // ВДИ. - 1971. - №2. - С.71 - 77. - Рис.1 - 3.
42. Асклепий, как обычно, опирается на обвитый змеей жезл, а его дочь кормит из чаши змею. См.: Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 г. - СПб., 1896. - С.64. - №441. - Рис.92; Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. - 1937. - №1. - С.260 - 161. - Рис.4; она же. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. - М.; Л., 1955. - С.443, 445. - Табл.2, 7; Пятыхшева Н.В. Указ. соч. - С.73 - 75. По предположению К.В. Голенко и А.Н. Щеглова (Указ. соч. - С.375, 377 - 380), оригиналом для мастера послужили изображения богов врачевания на утомянутых нами херсонесских монетах, не исключено, что и монеты, и гемма вообще являются работой одного мастера, при этом сам он ориентировался на монеты городов Западного Понта и статуи богов-целителей из малоазийского Пергама (греки нередко помещали на монетах изображения известных произведений искусства).
43. Косцюшко-Валожинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. - 1905. - Вып.16. - С.82; он же. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. - 1906. - Вып.20. - С.22. - Рис.6; Белов Г.Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948. - С.78; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Квартал XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. - 1953. - №34. - С.53 - 54. - Рис.24; Античная скульптура Херсонеса. - С.45, 175. - №100, 573 - 575. - Рис. 61, 216 (а также: №576). Ср.: Голенко К.В., Щеглов А.Н. Указ. соч. - С.373.
44. Туровский Е.Я. Посвящение Асклепию с херсонесской хоры на Гераклеийском полуострове // Тез. докл. обл. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья", посв. 90-летию Б.Н. Гракова. - Запорожье, 1989. - Вып.1. - С.151 - 152; он же. Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности: 1996. - Харьков, 1997. - С.96 - 101; Яценко И.В. Кубок Гигиены // Проблемы античной культуры. - М., 1986. - С.226 - 131. К I в. от Р. X. относится надпись - два сокращенных имени - на чашке из окрестностей Херсонеса, которую Э.И. Соломоник восстанавливает двояко: "Асклепие посвятил Фи" (Фи - первые две буквы какого-то имени) или "сосуд Асклепиада (теофорное имя - Э.Б.), сына Фи" (Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. - К., 1984. - С.38. - №71).
45. Яйцо играло важную роль в мифических традициях многих народов, оно являлось символом универсальности, а под это понятие как нельзя лучше подходит именно медицина, потребность в которой испытывают не только люди, но и весь мир в целом.
46. Анохин В.А. Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиены // КСИА АН УССР. - 1959. - Вып.8. - С.166 - 168. - Рис.1; Пятыхшева Н.В. Указ. соч. - С.75 - 77. Примечательно, что кувшин обнаружен в некрополе, принадлежавшем местному населению, обитавшему в окрестностях Херсонесского государства, значит, и в его среду проникли эллинические культы богов-целителей (Голенко К.В., Щеглов А.Н. Указ. соч. - С.375).
47. Туровский Е.Я. Посвящение Асклепию... - С.152.
48. Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. - К., 1994. - С.89 - 90; он же. Античное святилище у г. Саки // Пилигримы Крыма - Осень '99: IV Крымск. междунар. науч.-практ. конф. - Симферополь, 2000. - Т.2. - С.15 - 29.
49. Дельфийская пифия отправила на о. Левке военачальника кротонцев, сказав, что там он излечит свою рану. А.С. Русяева полагает, что при храме Ахилла действовал оракул сновидений и учреждение врачебной инкубации с обрядовыми функциями, которые помогали исцелению больных (Русяева А.С. Религия и культы... - С.169 - 170, а также: 70 слл.). Такое учреждение напоминает нам асклепейоны. Примечательно, что страждущих направляла на Левке пифия дельфийского храма Аполлона; судя по всему, бывшая там лечебница и ее целители пользовались авторитетом в античном мире (Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на о. Левке (Змеином). - К., 1993. - С.100 - 102, 107).
50. Эти боги известны в Элладе еще с эллинистического времени. В городах Северного Понта сохранились их изображения и сделанные в их честь посвящения. См. прим. 28, а также: Русяева А.С. Религия и культы... - С.149 - 151.

51. Имя отождествляемой с Артемидой Ифигении иногда переводят как "помогающая при родах". Ср.: Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. - К., 1999. - С. 13, 49 - 50. Артемиды - Партенос (Дева) - Ифигения пользовалась особым почитанием в Херсонесе. Между тем на Боспоре, и в первую очередь его азиатской стороне, был распространен культ Афродиты Урании, Апатуры: в Кепак уже с конца VI в. до Р. Х. она могла выполнять разнообразные, в том числе сотерические функции, подобно Аполлону Врачу в других местах, ей, как и ему, вменили в обязанность, помимо всего прочего охранять здоровье людей, вот почему среди votivных приношений Афродите можно встретить изображения отдельных частей тела (Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кепак // СА. - 1964. - №4. - С.110, 112; он же. Культ Афродиты в Кепак конца VI - V в. до н. э. // ВДИ. - 1973. - №4. - С.88 - 92; Сударев Н.И. Указ соч. - С.226).

52. См. например: КХН. №64. Здесь публикуется надпись II - III вв. от Р. Х. из окрестностей Анапы, в которой имеется магическое заклинание, связанное с медициной. По поводу божества, к которому обращается составитель заклинания, есть разные мнения: в нем видят и христианского Господа, и языческую Исиду, и даже верховную местную богиню, чье имя нам неизвестно (Блаватская Т.В. Амулет из окрестностей Горгиппии // Исследования в чест на акад. Д. Дечев. - София, 1958. - С.231 - 239; она же. Об анапском амулете // ВДИ. - 1960. - №4. - С.235 - 236; Лурье С.Я. К вопросу о происхождении культа христианских целителей // ВДИ. - 1960. - №2. - С.96 - 100; он же. Еще об амулете из Горгиппии // ВДИ. - 1960. - №4. - С.234; Максимова М.И. Амулет из Горгиппии и так называемые "шарики-подвески" // СА. - 1962. - №2. - С.226 - 229).

53. Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. - С.58; Кадеев В.И. О медицине в Херсонесе Таврическом. - С.63. - Рис.6; он же. История и археология... - С.343. - Рис.6.; Сокольский Н.И. Святилище Афродиты в Кепак. - С. 110, 112. - Рис.9; Русяева А.С. Религия и культуры... - С.162. - Рис.53, 16.

54. КБН. - С.851 - 852, 855, 875, 902; Граков. № 6; Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. - С.58. См. также: НО. №1; Яйленко В.П. Ольвийская ателья Истроклу и проксения афинянам // Из истории античного общества. - Нижн. Новг., 2001. - Вып.7. - С.195 - 197. Напомню также, что граффити нередко представляют одну - две первые буквы имени, которые можно трактовать по-разному: и как имя божества, и как имя владельца сосуда, то есть теофорное.

55. Кудренко А.И. Благоустройство античных городов Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - К., 1992.

Список сокращений

ВДИ	- Вестник древней истории (М.)
Граков	- Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. - 1939. - №3
ГАИМК	- Государственная Академия истории материальной культуры (Л.)
Граффити	- Граффити античного Херсонеса. - К., 1978
ДБ	- Древности Боспора (М.)
ЖМНП	- Журнал Министерства народного просвещения (СПб.)
ЗРАО	- Записки Российского археологического общества (СПб.)
ИАК	- Известия Археологической комиссии (СПб.)
КХН	- <i>Диатропос П.Д., Емец И.А.</i> Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. - 1995. - №2
КБН	- Корпус боспорских надписей. - М.; Л., 1965
КСИА АН УССР	- Краткие сообщения Института археологии АН УССР (К.)
НО	- Надписи Ольвии: 1917 - 1965. - Л., 1986
ОАК	- Отчет Археологической комиссии (СПб.)
САИ	- Свод археологических источников (М.)
СХМ	- Сообщения Херсонесского музея (Симферополь)
Толстой	- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. - М.; Л., 1953
ХСБ	- Херсонесский сборник (Севастополь)
IOSPE	- <i>Laiyshev B.</i> Inscriptions antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. - Petropoli, 1916. - V. I ²

УДК 94(35): 259.4 + 296.

Сливак И.А.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА: К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Зороастризм – одна из древних религиозных систем, которая продолжает существовать и сегодня. Количественный критерий, положенный в основу классификации религий, отводит зороастризму ничтожно малое место в религиозной картине современного мира. По некоторым подсчетам, уже в последней четверти XX века количество зороастрийцев среди населения Западной Азии составило всего 0,5 % от общей численности, причём на родине зороастризма – в Иране – эту религию исповедовало 0,16 % населения страны [1, с. 54.]. В абсолютных цифрах, учитывая расселение зороастрийцев в мире, эта картина выглядела следующим образом: из 129- тысячной общины 82 тысячи человек проживало в Индии, около 5 тысяч проживало на территории Пакистана, 500 человек – на острове Цейлон, 25 тысяч оставалось в Иране, около 3 тысяч проживало в Великобритании, Канаде, США, 200 человек приходилось на территорию Австралии [2, с. 270.]. Однако несмотря на эти факты, интерес к зороастризму не носит чисто академический характер. Современная статистическая незначительность полностью компенсируется важностью той роли, которую сыграл зороастризм в духовной истории человечества. Идеи, лежащие в его основе, как и элементы зороастрийской обрядности, оказали значительное влияние на другие, более представительные сегодня, религиозные традиции [3, с. 171; 4, с. 155]. В связи с тем, что в ряду других этических религий зороастрийские ответы на общие для иудаизма, христианства и ислама вопросы являются уникальными, особую актуальность приобретают проблемы, связанные с возникновением зороастризма. На сегодняшний день не существует единой общепризнанной и строго научной методики, которая позволяла бы вскрыть причины возникновения той или иной религии. В случае с зороастризмом представляется разумным сопоставить историческую ситуацию первой половины I тыс. до н.э. с системой дозороастрийских верований иранцев. Целью такого сопоставления может стать выявление корреляционной связи между динамикой исторического процесса и религиозной реформой, связываемой с именем Заратуштры [5, с. 19].

СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА

Вопрос о времени появления иранцев на территории Ирана остаётся спорным [6]. Уже в IX в. до н.э. об иранцах упоминается в ассирийских текстах. В надписи, датированной ок. 843 г. до н.э. и относящейся ко времени правления ассирийского

царя Салмансара III, говорится о том, что ассирийцы получили дань с 27 царей области Парсуа [7, с. 41]. Таким образом, наиболее вероятной датой появления иранцев в Иране следует считать начало I тыс. до н.э. [8, с. 276]. Как полагают исследователи, расселение ираноязычных племен на территории Ирана на первых этапах этого процесса происходило следующим образом: иранцы занимали отдельные районы, где постепенно ассимилировали доиранское местное население [9, с. 141]. Изменение ситуации для иранцев, переселившихся в Иран, заключалось прежде всего в перемене географической, политической и этнической среды. На последнее следует обратить особое внимание. Дело в том, что в первых веках I тыс. до н.э. в Иране было достаточно много “древних” этносов, которые позднее растворились среди иранских народностей [10, с. 38]. Процесс этот был длительным и сложным. Так, например, на территории Атропатены автохтонное население (кутии, луллубен, хурриты) были ассимилированы мидийцами только к IV в. до н.э. [11]. Религии, возникающие в эпоху этнических перемен, тесно связаны с последними: они могут выступать, с одной стороны, как критерии межэтнического разграничения, с другой – как универсальные основы для возникновения надэтнического единства. Такая ситуация сложилась, например, в эпоху возникновения ислама, когда, не отменяя кровно-родственных отношений, выше их была поставлена принадлежность к религиозной общине [12, с. 94]. В Гатах Заратуштры мы встречаем противопоставление тех, кто следует праведным путем, и тех, кто находится под властью лжи и является дэвопоклонником: «Кто заодно со мной, тому я лучшее/ Из того, чем обладаю, обещаю/ через Добрую Мысль,/ Но вражду тем, кто с вами/ собирается враждовать,/ Следую вашей воле, о Mazda и Закон!// Это – решение разума и духа моего» (Ясна XLVI.18. В переводе Е. Э. Бертельса) [13]. Кроме того, говоря о возникновении зороастризма, следует учитывать то, что и после переселения в Иран у ираноязычных племён продолжается процесс этнической консолидации, связанный с образованием иранских народов. Таким образом, возникновение зороастризма происходило на фоне тех этнических процессов, которые развернулись на территории Ирана в первой половине I тыс. до н.э.: ассимиляции иранцами местного древнего населения и возникновения различных иранских народностей.

Кроме изменений в этнической ситуации, в среде ираноязычных народов в первой половине I тыс. до н.э. происходили и социально-экономические изменения. Первое, что здесь бросается в глаза – выделение из относительно однородной среды скотоводов-земледельцев “чистых” кочевников. Как свидетельствуют данные археологии, предки иранских племен вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство [14]. Судя по всему, земледелие развивалось и в общеарийскую, и в общеиранскую эпохи. Выделение “чистых” номадов происходит в первой половине I тыс. до н.э. [15, с. 53]. Во всяком случае, дошедшие до нас античные источники (сер. I тыс. до н.э.) содержат сведения о номадах среди ираноязычных народов (Нерг. I. 125) [16]. Вероятно, первичным ареалом распространения номадизма на территории Ирана следует считать горные районы – Армянское нагорье, горы Загроса и т.д. [8, с. 287]. О том, что появление номадизма тесно связано с возникновением зороастризма, говорит текст Авесты. Гаты

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА: К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Заратуштры резко направлены против грабителей-кочевников, разоряющих поселения оседлых скотоводов-земледельцев и угоняющих скот. Все племена по этому критерию разделены на три группы: кочевников-грабителей, тех, кто занимает промежуточное положение, т. е. полукочевников, и, наконец, оседлых скотоводов-земледельцев [17, с. 53]. Показателен в этом отношении текст Ясны, в котором речь идет о пользе оседлого скотоводства, здесь устами Заратуштры говорит Душа Быка: “Молит вас Душа Быка:/ “Кто создал меня и для чего?/ Айшма злой гнетет меня,/ угоняют вору и грабители./ Кроме вас – защиты нет,/ селянин пусть пестует меня!”(Ясна XXIX.1. Перевод И.С. Брагинского) [13].

Наряду с возникновением номадизма, еще одним изменением в социальной жизни ираноязычных народов было возникновение ранних форм государственности. Процесс возникновения государственности у иранских народов, завершившийся созданием Мидийского царства (скорее всего, первая половина VII в. до н.э.), Ахеменидской державы (VI в. до н.э.), начался гораздо раньше – в первых веках I тыс. до н.э. [18]. Интересно отметить в этой связи тот факт, что в авестийских текстах уже не племя является основой политической организации, а территориальные единицы, такие, как “страна” (Видевдат. I. 1—20. Перевод С. П. Виноградовой) [13]. Под такой “страной” следует понимать небольшие области с выделившейся властью религиозного главы и судьи. Первые формы государственности у иранцев, вероятно, базировались на существовании трех наследственных социальных групп, которые известны по тексту Авесты: воины, жрецы, общинники. Позднее к ним добавится четвертая группа – зависимые. Возникновение государственности, кроме всего прочего, означало и то, что, выделившись из социума, власть нуждалась в идеологическом обосновании своего существования. В тексте Авесты не только оправдывается власть правителей, но и производится разделение правителей на праведных и неправедных: “Пусть властвуют хорошие правители /Осуществляя доброе учение и преданность, /То учение, что приносит благо /людям и их потомкам...» (Ясна XL VIII. 5. Перевод И.С. Брагинского) [13].

Таким образом, историческая ситуация, на фоне которой происходило возникновение зороастризма, может быть сведена к следующему:

1) возникновение иранских народностей и ассимиляция иранцами древнего населения Ирана; 2) выделение номадов из среды земледельцев-скотоводов; 3) возникновение у иранцев ранних форм государственности.

РЕЛИГИЯ ИНДОИРАНЦЕВ

Религиозные воззрения дозораастрийской эпохи важны для нас с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения идеологической почвы, на которой возник зороастризм, а во-вторых, с точки зрения выявления тех моментов, в которых прежняя религия уже не соответствовала исторической ситуации. Проблема реконструкции дозораастрийских верований может быть решена не только на основе авестийского и археологического материала, но и благодаря дошедшим до нас текстам Ригведы [19, с. 437]. Так называемая арийская религия может быть охарактеризована как политеизм с преобладанием божеств культа и природы.

Для политеистического мировоззрения характерно отсутствие той пропасти между божеством и миром, которая существует в монотеистических религиях. Поэтому арии верили в то, что единственной “надмирной”, в подлинном смысле этого слова, силой, является некий общий закон – Аша (Арта). Буквально этот термин может быть переведен со значением “истина”. Однако под Ашей следует понимать существующий миропорядок в целом: природные циклы, человеческое рождение и смерть, правление “хороших” властителей – все в мире должно осуществляться в согласии с принципом “Аша” [20, с. 5]. О древности верований в подобный принцип говорит то, что его можно встретить и у других индоевропейских народов. Так, например, в древнегреческой и древнескандинавской мифологии присутствует понятие “рок”, “судьба” [21, с. 96-97.] В Ведах понятию Аша соответствует термин “Рта” [22, с. 14]. Важно отметить тот факт, что все, воспринимаемое ариями как зло, автоматически было нарушением высшего принципа справедливости, принципа Аши. Источником всех этих нарушений был полярный по отношению к Аше принцип – Друг (в Ведах – друх), буквально переводимый как “Ложь”. В позднейшей части Авесты Друг отождествляется с одним из верховных дэвов. Следует отметить, что данная бинарная оппозиция (Аша – Друг) не единственная в арийском и, шире, в индоевропейском религиозном мировоззрении. Так, например, у большинства индоевропейских народов мы находим такую общую черту, как вера в существование двух классов божеств. В древнегреческой мифологии это – боги и титаны, в скандинавской – асы и ётуны, у иранских народов – ахуры и дэвы, у индийских ариев – дэвы и асуры. Вероятно, принцип симметрии, противопоставления был общим для индоевропейцев. Со временем два класса божеств стали отождествляться один с правдой и добром, другой с ложью и злом. Небезынтересно отметить, что в Ригведе интерпретация двух классов божеств прямо противоположна авестийской. Если в Авесте ахуры – благие божества противостоят служителям зла – дэвам, то в Ригведе благие божества дэвы противостоят демоническим ахурам [19, с. 438]. В арийскую эпоху почести в равной степени воздавались как дэвам, так и ахурам. Божеств, которым поклонялись арии, условно можно разделить на божеств культа и природы. Среди последних особого почитания удостаивались стихии – огонь, вода, земля и небо. Земля и небо мыслились как прародители всего живого. В политеистических религиозных системах почитание сил природы неразрывно связано с почитанием отождествляемых с этими силами богов. Так, например, арии поклонялись не только земле и небу самим по себе, но и божественным персонификациям этих явлений: Земля отождествлялась с богиней Зам, а Небо с богом Асманом. Особым почетом у древних ариев пользовалась стихия воды. Арии обожествляли реки, озера, источники и водоемы. Главным божеством, отождествляемым со стихией воды, у ариев была Харахвати Ардэви-Сура (ведическая Сарасвати). В зороастрийской традиции это божество известно под именем Ардвисура Анахита (букв. “влага могучая”). Образ Ардвисуры Анахиты в религиозном мировоззрении ариев был достаточно сложен. Так, эта богиня отождествлялась со священной рекой, берущей начало на вершине горы, стоящей в центре мира – Хукарья [23, с.

355]. Однако, судя по позднейшей зороастрийской традиции, Ардвисура Анахита была связана и с силами плодородия, ибо в тексте Авесты эта богиня выполняет функции богини любви. В Ригведе богиня названа как “награждающая дарами”, а кроме того, как “господствующая надо всеми молитвами”. “Чистая Сарасвати,/ Награждающая дарами,/ Да возжелает жертвы нашей, /мыслью добывающая богатство!/ Побуждающая к богатым дарам,/ Настроенная на благодеяния,/ Сарасвати приняла жертву/ Великий поток освещает /Сарасвати (своим) знаменем/ Она господствует надо всеми молитвами.” (Ригведа. I, 3. 10-12. Перевод Т.Я. Елизаренковой) [24].

Со стихией воды у ариев были связаны и другие божественные персонажи. Таковыми предстоят перед нами бог Тиштрия (отождествляемый со звездой Сириус) и его антагонист – демон засухи Апаоша. Ежегодно эти божества вступают в единоборство, от исхода которого зависит выпадение осадков (Авеста. Яшт VIII) [13]. Общеарийскими являлись и божества ветра – Вата и Вайю. При этом следует отметить, что если Вата – это прежде всего бог ветра, приносящего тучи, то функции Вайю намного сложнее. Так, Вайю – это еще и бог неистовости. В текстах Ригведы Вайю тесно связан с Индрой – богом грозы и войны. Эта связь столь очевидна для риши (создателей текстов Ригведы), что подчас они объединяют этих богов и посвящают свои тексты Индра-Вайю. “Да обратят вас поэтические мысли к обрядам!/ Они освещают этот сок, приносящий награду, /Как (чистят) быстрого коня,/ приносящего награду./ Пейте эти (соки), любя нас! /Приходите к нам сюда с поддержкой!/ О Индра-Вайю, (испейте) выжатых камнями (соков), /Для опьянения, вы, дающие награду!” (Ригведа I. 135. 5. В переводе Т.Я. Елизаренковой) [24]. Кроме того, с Вайю отождествлялось дыхание жизни. Вайю дарует дыхание, т.е. жизнь, Вайю может и отобрать его [23, с. 354].

По мере развития арийской общности на первый план, наряду с природными божествами, выдвигаются божества-персонификации явлений общественной жизни. Таковым, например, является Митра – бог, отождествлявшийся иранскими ариями, прежде всего, с верностью данной клятве [Авеста. Яшт X]. Закон соблюдения договора в лице Митры приобретает в верованиях ариев космический характер. Митра поддерживает небо и землю, превосходит их своим величием [19, с. 439; 25; 26]. “Митра (другом) называемый, приводит/ в порядок людей./ Митра удерживает небо и землю./ Митра, не смыкая очей, озирает народы.../ Кто величием превзошел небо, –/Митра далеко простирающийся, –/ Славой (он) превзошел землю”(Ригведа III. 59. 1, 7. В переводе Т.Я. Елизаренковой) [24]. Анализ изображений Митры на петроглифах Семиречья, а также позднейшая иконография, связанная с изображением тавроктонного Митры, заставляют сделать вывод о полифункциональном характере этого божества [27]. Вероятно, именно изначальная функциональная недифференцированность божественных персонажей делала их пригодными для дальнейших, подчас самых неожиданных, трансформаций [28]. Случалось и так, что одни и те же боги выступали как персонификации и природных, и социальных явлений. Наиболее показателен в этом отношении образ бога Индры. Полисемантичесность этого образа заключается в том, что Индра, с одной стороны, – бог грозы, а с другой – бог войны и военной победы. В Ригведе

Индра – самый популярный бог, ему посвящено наибольшее количество гимнов, он глава ведийского пантеона [29, с. 23]. Из гимна в гимн в Ригведе повторяется рассказ о главном мифе, связанном с Индрой, – убийстве мирового змея Вритры, перегородившего течение рек [30]. Из этого мифологического сюжета проистекает и основной из упоминаемых эпитетов Индры – “вртрахан” – “побеждающий Вритру” [31, с. 152]. Характер Индры – неистов, он воплощение опьянения разрушением, он – само разрушение. “Словно могучий бык – стада,/ С силою гонит он народы/ Властный, не встречающий сопротивления./ Кто один над людьми,/ Над богами царствует,/ Индра – над пятью поселениями (племен)...” (Ригведа I. 7. 8-9. В переводе Т.Я. Елизаренковой) [24]. Интересно отметить, что в эпоху разделения индийских ариев и иранцев, у последних в качестве бога войны вместо отвергнутого Индры появляется Вертрагна. Очевидна связь между Вертрагной и эпитетом Индры – “вртрахан”. Вертрагна в мифологическом мировоззрении иранцев так же, как и Индра, наделялся яростью и неистовостью. Так, чаще всего, он предстает в образе дикого вихря, славящегося своей силой и необузданностью.

Наряду с божествами, воплощавшими в своих образах силы природных и социальных явлений, колоссальное значение для ариев имели божества, связанные с культом. Для времени арийской эпохи самым распространенным способом контакта с богами являлось жертвоприношение. Обряды жертвоприношений были достаточно сложны и имели своей целью заручиться поддержкой и помощью богов в делах жертвователя [22, с. 15; 32]. Наделение обряда жертвоприношения столь важным значением приводило к тому, что со временем в пантеоне появлялись божества, отождествлявшиеся с самим этим обрядом. Такими божествами для иранских ариев были, прежде всего, бог жертвенного огня Атар, бог Хаома – персонификация божественного напитка, и богиня Геуш Урван – персонификация душ животных, приносимых в жертву. Представление об огне как о посреднике между людьми и миром сверхъестественного зафиксировано в тексте Ригведы: “Агни призываю я – во главе поставленного/ бога жертвы (и) жреца,/ Хатара обильнейшесокровищного.../ О Агни, жертва (и) обряд,/ Которые ты охватываешь со всех сторон,/ Именно они идут к богам...” (Ригведа I. 1. 1, 4. В переводе Т.Я. Елизаренковой) [24]. У индоариев были распространены обряды жертвоприношений в честь огня. В дар огню приносили сухие дрова, благовония, животный жир. Вероятно, жертвоприношения огню совершались регулярно, в определенное время суток [2, с. 11]. С божественным огнем у ариев, судя по всему, были связаны представления о жизненной силе, наполняющей мир. О роли культа огня говорит тот факт, что, как сумел показать М. Элиаде, возведение жертвенника Агни есть символическое повторение космогонии [33, с. 27].

Геуш Урван в буквальном переводе означает “Душа Быка”. Иранцы верили в то, что души убитых во время жертвоприношения животных поднимаются на небо, где соединяются с богиней, покровительницей скота и скотоводства. Кровавые жертвоприношения укрепляли богиню, а она, в свою очередь, обеспечивала изобилие животных на земле. Иранцы сопровождали жертвоприношения специальными молитвами. Кроме того, обряд отличала одна особенность: под ноги жертвы бросали траву, а жрец, совершавший жертвоприношение, держал в руках

пучок травы. Такой пучок назывался иранцами “барэсман”. Ряд исследователей полагает, что по этому поводу санскритские тексты дают такое объяснение: “Потому что тело жертвы – это трава; поистине так он (жрец) дает жертве ее полное тело” (Айтарея – Брахмана II, 2, 11) [2, с. 12]. Не оспаривая такую трактовку, по существу добавим, что трава первоначально могла служить для обозначения того сакрального пространства, где происходит контакт со сверхъестественным. Косвенно это подтверждается тем, что бог, к которому обращались во время обряда, по представлениям иранцев, спускался с неба и восседал на барэсмане.

Среди божеств, связанных с обрядами жертвоприношений, особо следует выделить культ бога Хаомы (ведический Сوما). Происхождение культа Хаомы, вероятно, имеет очень древнюю историю и связано со свойствами этого напитка. Судя по всему, употребление Хаомы способствовало наступлению у человека того самого измененного состояния сознания, в котором возможен контакт со сверхъестественным. Интересно отметить, что и в Ригведе, и в Авесте, Сوما - Хаома противопоставляются по своему воздействию другим напиткам, дающим опьянение. Технология приготовления священного напитка совпадает в текстах Авесты и Ригведы: выжатый сок процеживался, смешивался с молоком и ячменными зернами, затем полученная смесь должна была перебродить. Арии верили в то, что употребление Хаомы - Сомы продлевает дни и даже способно подарить человеку бессмертие. “Если ты, Сوما, захочешь, чтобы мы/ Жили, мы не умрем./ Ты любитель хвалы, господин деревьев”.(Ригведа I. 91. 6. Перевод Т.Я. Елизаренковой) [24]. Употребление Сомы - Хаомы стимулировало и поэтическое вдохновение. В связи с последним любопытен общиндоверопейский миф о похищении священного напитка орлом. Этот сюжет встречается и в зороастрийской традиции, и в Ригведе. Согласно этому мифу, Сوما - Хаома был похищен из обители богов и принесен в мир [19, с. 444]. Аналогичное сказание содержит в себе и скандинавская мифология. Здесь верховный бог Один в образе орла похищает у великанов священный мед. “Мёд Один отдал асам (богам) и тем людям, которые умеют слагать стихи. Поэтому мы и зовем поэзию “добычей или находкой Одина”, его “питьем” и “даром”, либо “питьем асов” [34, с. 105]. Научные споры о том, какое растение использовалось для приготовления священного напитка, начались еще в XVIII в. Несмотря на то, что вопрос этот и сегодня не получил окончательного разрешения, благодаря археологическим находкам с определенной долей вероятности можно сказать, что под Хаомой скрывается эфедра – растение, богатое алкалоидом эфедрином [35].

Уже в арийскую эпоху в племенах выделяется социальная прослойка жречества. Вероятно, первоначально один и тот же человек мог соединять в своих руках функции вождя племени и жреца. Позднее произошло разделение. У иранских народов верховный жрец носил титул “заотар”, у индоариев – “хотар”. Постепенно складывалась жреческая иерархия и развивалась профессиональная специализация среди жречества [20, с. 8; 19, с. 53].

Принципиальное значение для выявления причин возникновения зороастризма имеют вопросы, касающиеся арийских верований о сотворении мира и о посмертной судьбе человека. Вероятно, мифы, связанные с сотворением мира,

имели несколько вариаций, различаясь в деталях от племени к племени. Главная роль в процессе сотворения мира должна была отводиться верховному божеству того или иного племени. По представлениям ариев, вначале была создана небесная твердь из камня, затем возник мировой океан и суша в его центре. После этого возникли боги, человек, растение. Все три творения были принесены в жертву и только после этого, как результат жертвоприношения, Мир пришел в движение. Из тел, принесенных в жертву, произошли все люди, растения и животные. Таким образом, первое жертвоприношение было совершено богами и до тех пор, пока жертвоприношения совершаются, в мире царит порядок [2, с. 20]. Времени в нашем понимании, т. е. объективной цепи необратимых событий, для ариев не существовало. Всякий раз при совершении жертвоприношений происходил возврат в некое изначальное состояние. Судя по всему, число таких циклов мыслилось как бесконечное, что отрицало всякую идею о конце света и лишало всяческого смысла понятие “история” для ария [36].

Вера в загробную жизнь существовала уже в эпоху индоиранской общности. Смерть в религиозном мировоззрении ариев – разлучение души (урван) и тела. Расставшись с телом, душа еще три дня пребывала на земле, а затем отправлялась в царство мертвых. Путь туда проложил первый умерший – Йима (санскритский Яма), который и стал царем в стране мертвых [19, с. 504]. Посмертная судьба души зависела прежде всего от того, к какому сословию принадлежал умерший на этом свете [2, с. 23]. Важными были также жертвоприношения, которые совершали родичи умершего. Большое значение имели жертвоприношения первых трех дней. Затем в течение тридцати дней в честь умершего каждый день готовили особую пищу. На тридцатый день совершалось кровавое жертвоприношение. После этого приношение делали раз в месяц до конца первого года со дня смерти. Через год после смерти производили третье и последнее кровавое жертвоприношение [2, с. 22]. Такова в самых общих чертах система религиозных представлений, существовавшая у иранских народов в эпоху индоиранской общности. В чём же эти представления перестали быть адекватными изменившейся исторической ситуации?

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА

Очевидно, что поиск причин возникновения зороастризма при такой постановке вопроса правомерен только в том случае, если расхождения между религией и историей, во-первых, осмысливались современниками Заратуштры как конфликтные, а во-вторых, если эти конфликты нашли своё отражение в источниках. Процесс этнической консолидации и ассимиляция доиранского этнического субстрата, равно как и складывание ранних форм государственности – все это требовало, прежде всего, ослабления прежних племенных границ. Индоиранская религиозная система, несмотря на общность для всех иранцев ее глубинных, базовых понятий, была во многом организована по племенным принципам. Так, в различных племенах наибольшего почитания удостоивались различные божества, складывались связанные с этими божествами племенные культы и мифологии [20, с. 15]. Вероятно, с этой же точки зрения следует рассматривать и наличие различных вариантов одного и того же мифа в текстах

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА:
К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Ригведы [19, с. 494]. Прежняя религия не требовала от своих последователей поиска форм более широкого и одновременно более глубокого единения, чем рамки того или иного племени или племенного союза. Для такого единения нужна была новая идеологическая основа.

Действительно, объединение в рамках зороастрийской религии было возможным уже не на основе кровного родства, а на основе сознательного индивидуального выбора. Зороастрийцем мог стать любой, пожелавший отречься от дэвов и последовать путем почитания Ахура-Мазды. Противоречие между “старыми” принципами организации общества и новой религией ощутил на себе прежде всего сам Заратуштра: ему пришлось покинуть свою общину и искать поддержки за ее пределами. “В какую землю бежать, куда я пойду?! Удаляют меня от воинов и жрецов./ Не утешает меня община./ Не принимают приверженные друждам/ тираны в стране./ Как же мне удовлетворить тебя, Мазда?” В тексте этого же гимна гонителям пророка из одной с ним страны и общины противопоставлены неведомые пока еще приверженцы: “Кто мне, муж ли, жена ли, о Мазда-Ахура./ Даст то, что ты считаешь лучшим для жизни./ Тому в награду за праведность дай царство/Через Добрую мысль./ Их я буду убеждать вам поклоняться./ С ними всеми перейду через этот мост раздела” (Ясна XLVI.1,10. В переводе Е.Э. Бертельса) [13]. Таким образом, из исторической потребности впервые в истории иранцев рождалась идеологическая система, которая могла служить основой консолидации людей практически без каких-либо племенных, социальных, политических и т. д. ограничений. Более того, зороастризм с его доктриной борьбы двух начал и активного участия человека в этой борьбе настаивает на такой консолидации.

Процесс формирования государственности неизбежно сопровождался перестройкой всей системы социальных отношений. Отделение власти от общины, доминирование этой власти над общиной все это также нуждалось в идеологическом обосновании. Прежняя религиозная система, сложившаяся в эпоху племенной, а не государственной, жизни, вряд ли подходила для такого обоснования. Известно, сколько внимания в гимнах Заратуштры уделено “праведным правителям”: “Добрые правители должны править, а не дурные над нами” (48.5); или: “Добрый правитель понесет смерть и истребление в лагерь врагов и таким образом воздвигнет мир для радостных селений” (53.8) (В переводе В.И. Абаева) [13]. Возникшая после реформ Заратуштры религиозная система недвусмысленно отвечает на вопрос, почему тот или иной правитель имеет (не имеет) права на власть: потому, что он защищает (не защищает) праведную веру. Таким образом, власть правителя освящается высшим божественным авторитетом. Кроме того, возникновение социальной иерархии с властью правителя, стоящей над обществом, является всего лишь отражением божественной иерархии [22, с. 16]. В дозороастрийскую эпоху ни одно божество не приобретало такой власти над миром и людей и богов, как Ахура-Мазда. Теперь, с выделением власти правителя, возникает потребность в таком же правителе на метафизическом плане, им становится Ахура-Мазда. Следует отметить, что Заратуштра, судя по всему, был не единственным, кто провозгласил культ верховного божества – Ахура-Мазды. Вероятно, выделение культа этого божества происходит одновременно в различных

областях иранского мира [7, с. 307]. Усложнение социальной структуры способствовало выделению индивидуума из относительно безликой общественной среды. Несомненно, что в прежней иранской религии уже существовал взгляд на человека как на активного участника всех процессов, происходящих в мире, вспомним, например, оценку жертвоприношения как способа обеспечения плодородия, торжества справедливости, смены времен года и т. д. Но прежняя религия не рассматривала человека как личность. Примечательно, что анализ текстов Ригведы показал отсутствие представлений об индивидуальном характере творчества у индоариев [22, с. 30]. С изменением исторической ситуации возникает необходимость в такой религиозной системе, которая бы рассматривала индивида как самоценность с одной стороны, а с другой, давала бы ответы на наиболее важные для мировоззренческой ориентации личности вопросы. Кроме того, новая религиозная система, объявив о необходимости моральной функции, неизбежно должна была высказаться о тех наказаниях или наградах, которые ожидают сделавших свой выбор. Прежняя религия иранских племен не связывала загробную жизнь с какой-либо моральной ориентацией человека в этом мире. Очевидно, что в новой исторической ситуации “нужна была” такая религиозная система, в которой взаимосвязь между поступками человека и посмертным воздаянием за эти поступки выглядела бы достаточно убедительно [5, с. 43-54].

Еще одной предпосылкой кризиса прежнего мировоззрения было то, что в эпоху становления государственности и возникновения кочевого образа жизни в обществе возрастает уровень насилия. “Враги людей – дэвы – явились в этот мир благодаря злой сущности тех, кто распространяет Айшму и насилие. (49. 4). Карапаны нарушают законы, установленные для наступления жизни. (51. 14). Они приучают людей к делам злым, чтобы уничтожить жизнь (46.11).” (Отрывки из Ясны в пересказе В.И. Абаева)[13]. В результате возникает противоречие между выделяющейся из племенного коллектива личностью и возрастающим уровнем насилия в обществе. Это рождает потребность в теодицции, а также в указании путей преодоления мирового несовершенства. Последнее достигается путем утверждения в обществе моральных и правовых норм, освященных высшим, божественным, авторитетом. О том, что эта проблема находилась в центре внимания Заратуштры, свидетельствуют следующие отрывки из Авесты: “Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!// Как будут заложены основы наилучшей жизни?.../Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!// Верно ли поставляю я?.../Для кого создан скот?.../ Как овладеть подаяниями и словами правды?/ Будет ли награжден приверженец правой веры?.../ Как избавиться от приверженцев лжи?...”(Ясна XLIV, 2, 6, 8-12, 13. В переводе И.С. Брагинского) [13].

Наконец, необходимо упомянуть еще об одном немаловажном изменении в мировоззрении иранцев, которое требовало реформации религиозной системы. Рассматриваемая эпоха отличалась от предыдущей еще одним замечательным свойством – человек впервые почувствовал динамику общественной жизни, был сделан вывод о необратимом ходе времени. Возникла потребность в таком мировоззрении, в котором бы образ времени был не циклическим, где история мира имела бы свое начало и свое историческое завершение. Такой религиозной

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗОРОАСТРИЗМА:
К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

системой становится зороастризм с его учением о трех периодах мировой истории [37].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что имеющиеся в нашем распоряжении источники действительно отражают противоречия между динамикой исторического процесса и дозороастрийскими религиозными представлениями иранцев. Вероятно, осмысленная как кризис мировоззрения, сумма этих противоречий послужила причиной для реформаторской деятельности Заратуштры. Однако в заключение хотелось бы обратить внимание на то, что связь между изменением исторической ситуации в Иране в первой половине I тыс. до н.э. и возникновением зороастризма не должна трактоваться с позиций жёсткого детерминизма. Подобной трактовке препятствует ряд фактов. Так, например, выделенные нами в качестве доминанты исторические процессы наиболее активно должны были протекать на территории Западного Ирана – в зоне возникновения Мидийского и Персидского царств, в то время как деятельность Заратуштры, судя по всему, связана с Восточным Ираном [38]. Кроме того, труднообъяснимым с точки зрения абсолютного исторического детерминизма является наличие в Гатах многих «демократических элементов» [7, с. 311]. Вероятно, следует учитывать то, что Заратуштра не являлся сознательным творцом новой социальной идеологии, а предлагал свой путь решения мировоззренческих проблем, далеко не всегда совпадавший с вектором истории.

Список литературы

1. Шпажников Г. А. Религии стран западной Азии. — М.: Наука, 1976. — 327 с.
2. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М.: Наука, 1987. — 304 с.
3. Хисматуллин А. А., Крюкова Ю. В. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 272 с.
4. Амусин И. Д. Кумранская община. — М.: Наука, 1983. — 328 с.
5. Мейтарчан М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев. — М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Летний сад, 2001. — 248 с.
6. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. — М.: Наука, 1970. — 380 с.
7. Дандамасв М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. — М.: Наука, 1980. — 416 с.
9. Грантовский Э. А. Страны Иранского нагорья и юга Средней Азии в первой половине I тыс. до х.э. // История Востока: в 6-ти томах. Т. 1. Восток в древности. — М.: «Восточная литература» РАН, 1997. — С. 261 - 290.
10. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира // История Иранского государства и культуры. — М.: Наука, 1977. — С. 122 – 154.
12. История Ирана / Под ред. М. С. Иванова. — М.: Изд. МГУ, 1977. — 488 с.
13. Алиев И. История Мидии. — Баку: Наука, 1960. — 347 с.
14. Большаков О. Г. История Халифата в 3-х томах. Т. 1. Ислам в Аравии. — М.: Наука, 1989. — 312 с.
15. Авеста в русских переводах (1861 – 1996) / Сост. И. В. Рак. — СПб.: Нева; Летний сад, 1998. — 480 с.
16. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоариев). — М.: Наука, 1994. — 300 с.
17. Кузьмина Е. Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племён Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988. № 2.— С. 35 – 59.
18. Геродот. История / Перевод и примечания Г. А. Страгановского. — М.: Ладомир, 1993. — 600 с.
19. Брагинский И. С. Авеста // Авеста в русских переводах. — СПб.: Нева, Летний сад, С. 1998.— 22 – 66.
20. Дьяконов И. М. История Мидии: от древнейших времён до конца IV в. до н. э. — М. — Л.: Наука, 1956. — 410 с.

21. Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. – М.: Наука, 1989. – С. 428 – 544.
22. Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. – СПб.: Нева, Летний сад, 1998. – 560 с.
23. Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – 464 с.
24. Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши. – М.: Наука, 1993. – 315 с.
25. Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифологии Древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 337 – 366.
26. Ригведа. Мандалы I – IV / Сост. Т. Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1989. – 768 с.
27. Gonda J. The Vedic God Mitra. – Leiden, 1972. – 374 p.
28. Cershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. – Cambridge, 1959. – 480 p.
29. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 200 с.
30. Бивар А. Д. Х. Митра и Сарапис // ВДИ. 1991. № 3. – С. 52 - 64.
31. Бонгард – Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. – М.: Наука, 1993.—320с.
32. Кэйпер Ф. Б. Я. Древний арийский словесный поединок // Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 482 с.
33. Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 240 с.
34. Benveniste E. Indo- European language and society. – L, 1973. – 341 p.
35. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.
36. Младшая Эдда / Отв. Ред. М. И. Стеблин - Каменский. – М.: Ладомир, 1994. – 256 с.
37. Сариниди В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. №1. – С. 152 – 170.
38. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – СПб.: Алетейя, 1998. – 250 с.
39. Соколов С. Н. Зороастризм // История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времён до V в. н.э. /Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. – М.: Наука, 1963. – С. 168 – 186.
40. Абаев В. И. Два зороастризма в Иране (Иран Восточный – Иран Западный. Два лица одной этнической культуры) // ВДИ.–1990. №4 . – С. 198 – 208.

УДК 94(100). "05"(691);94(477.75)

Урсу Д. П.

АРХИВНЫЕ ПОИСКИ КРЫМСКОГО ФРАНЦУЗА – ГЕРОЯ МАДАГАСКАРА

Внимательный читатель, пробежав глазами название этой статьи, должен удивиться. Какие французы в Крыму и причем здесь далекий остров у берегов Африки? Любопытство такого читателя будет удовлетворено, если он узнает об увлекательных поисках родившегося в Симферополе француза Поля Дюссак и прославившегося на Мадагаскаре в качестве одного из лидеров освободительного движения. В независимом Мадагаскаре он признан национальным героем и его именем назван один из проспектов столицы страны Антананариву.

Расскажем по порядку. Автор настоящей статьи, как африканист по своей узкой специальности, изучал историю французской колониальной экспансии и начальный этап национально-освободительного движения. Для этого были проработаны документальные источники в Национальном архиве Франции в Париже и те, которые французы вывезли из колоний (всего 900 тонн бумаг) и сосредоточили в городе Экс-ан-Прованс, возле Марселя. Здесь был построен новый архив, названный центром архивов заморских стран. Довольно много информации о французской колониальной империи содержат российские архивы, причем их документальные богатства и исследовательские возможности совершенно не известны во Франции. Поэтому мной была подготовлена обзорная работа на эту тему, для чего были использованы фонды семи архивохранилищ Москвы и двух Петербурга. Статья была вскоре опубликована в престижном французском журнале [1].

В конце статьи я неосторожно упомянул о том, что Поль Дюссак появился на свет в Симферополе и именно здесь должна решиться тайна его рождения. Дело в том, что ученые, писавшие о нем, никак не могли установить точную дату этого события. Один из них назвал 1896 год [2], более информированным считался крупный знаток Мадагаскара Пьер Буато. Однако и он не оправдал ожиданий: в одной публикации он пишет, что Дюссак родился 15 октября 1877 г., а в другой – 15 октября 1886 г. [3]. Понятно теперь, что установить истину можно было лишь в Симферополе, поскольку все биографы сходились во мнении, что Дюссак родился именно в этом городе.

Такова предыстория наших поисков точной даты рождения героя Мадагаскара, которые дали возможность заглянуть в прошлое одной из национальных общин Крыма. Она и сегодня, несмотря на свою малочисленность, вносит определенный вклад в социальный и культурный прогресс нашей автономии. Об этом недавно писала в интересной публикации руководитель французского землячества Крыма Ж.Амфитеатрова [4]. Не повторяя ее рассказа, обратим внимание на следующее

обстоятельство: у истоков французского присутствия в Тавриде стоял знаменитый герцог Ришелье. Его биограф так и пишет: «Au commencement de la présence française en Tauride était l'illustre duc de Richelieu» [5]. Вспомним, что вместе с ним в Россию из охваченной революцией Франции в 1790 году прибыли прямо к Суворову под Измаил другие офицеры – принц де Линь, граф Ланжерон.

Нет, очевидно, возможности в маленькой статье рассказать обо всех французах, которые участвовали в культурной жизни Крыма первой половины XIX века. Отошлю любознательных к основательной статье Арс. Маркевича в изданном акад. А.Е.Крымским сборнике «Студії з Криму» [6]. Здесь и знаменитая авантюристка, реальная героиня потрясшего всю Францию скандала с ожерельем королевы, графиня де ля Мотт–Валуа, и содержательница высокосветского салона в Петербурге баронесса Крюденер, и многие другие. Здесь и директор казенного виноградарского хозяйства в Судаке Жак Фабри и его сын Андрей Яковлевич, милосердный филантроп, открывший и содержавший сиротский приют в Симферополе, о котором с огромной симпатией поведал Маркевич. Однако подробный рассказ обо всех крымских французах увел бы нас далеко в сторону от сюжета статьи.

Если немного вернуться назад, то вспомним, что Поль Дюссак, которого мы разыскиваем, родился в Симферополе между 1877 и 1896 годами. Решено было просеять через сито информацию о всех крымских французах за эти 20 лет. Задача непростая, учитывая неполноту архивных данных и их распыленность между различными ведомствами. Сведения об иностранцах, временно или постоянно проживавших на территории Империи (иностранноподданных, как они юридически назывались), собиралась полицейскими органами и канцеляриями губернаторов.

Итак, чтобы найти какие-либо данные о родителях Поля Дюссака и о его рождении, мы начали изучать в Государственном архиве АРК следующие фонды: фонд 26 – Канцелярия Таврического губернатора, где иностранцам выдавали билеты на проживание в России. В этом фонде внимательно просмотрели «Книги на записку паспортов, выдаваемых иностранцам на жительство в Империи» за 1879 и 1880 годы, другие документы о правовом и экономическом положении иностранцев, в частности, разрешения на покупку земли в Крыму. В фонде Симферопольской городской полиции (ф. 197) изучены статистика движения иностранцев за ряд лет (1877, 1880, 1884/85, 1890/91, 1890, 1893), распределение иностранцев по вероисповеданию. Кроме того, определенная информация о крымских французах могла находиться в фонде 27 – Таврического губернского правления и фонде 118 – Таврической духовной консистории (об иностранцах – католиках), наконец, в фонде 142, где содержится коллекция метрических книг по Таврической губернии за 1870–1905 годы. Благодаря любезной консультации заведующей отделом ГААРК Л.П.Кравцовой мы могли в этом фонде разыскать метрическую книгу записи крещения Симферопольской римско-католической церкви за 1886–1891 годы, когда по утверждению биографов должен был родиться искомый Поль Дюссак. Короче говоря, чтобы найти этого новорожденного, были мобилизованы большие силы и проведены кропотливые утомительные розыски.

За это время мы узнали много нового и любопытного о иностранных гражданах в Крыму и в частности о крымских французах в конце XIX века. Сначала

рассмотрим их численность, занятия и влияние на народное хозяйство края, затем их оценку в глазах местных властей и населения. Наиболее полные данные собрала симферопольская полиция на 1 января 1890 года: тогда в городе насчитывалось иностранцев, не принявших российского подданства, 990 душ (из общего числа горожан 41 723 человек). Французов было совсем немного – 11 душ, правда, через год их стало 18 [7]. Вообще надо заметить, что число иностранцев в Симферополе неуклонно сокращалось: десятью годами ранее их было 1131 человек [8], а французов в 1885 году было 21 [9]. Данные полиции, однако, дают только количественные показатели, и в них найти пропавшего Павлика Дюссак невозможно. Кстати, все французы в наших архивных материалах носят русские имена и отчества. Забавно слышать такие, например, чудеса ономастики: Иван Петрович Блюнден, Альфред Карлович Монжене, Альберт Петрович Кюри, Евгений Иосифович Дюкре, Иосиф Осипович Руссен, Эмилия Ивановна Перон, Яков Яковлевич Россе и т. д. Так что в дальнейшем повествовании искомого мальчика, якобы родившегося в эти годы в Симферополе, будем именовать Павликом.

Итак, если в симферопольской полиции нам в поисках не повезло, заглянем в религиозную статистику. Сохранились данные, правда, безличностные, по католическим приходам Таврической губернии за 1881 и 1890 годы. Конечно же, родители Павлика, как добрые христиане, посещали римско-католический костел или каплицу. Всего на 1 января 1890 года в Симферополе были 3 церкви, 2 филиальных молельных дома, 3 каплицы. Их настоятели носили польские фамилии. Интересно, что в Карасубазаре действовала армяно-католическая церковь (470 молящихся), в Ялте была каплица, в ней молился 191 католик. В Симферополе учтены 532 католика, их дети посещали единственную религиозную школу – 18 мальчиков, 4 девочки [10]. Увы, узнать, был ли среди них Павлик Дюссак, нет никакой возможности.

В документах Таврической духовной консистории учтены лишь православные, всякие здесь поиски безнадежны. Другое дело, метрические книги по Таврической губернии. Именно здесь и должен был быть записан новорожденный мальчик в семье Дюссак. На наше счастье, в архиве сохранилась книга записи крещеных детей в римско-католической церкви Симферополя за 1886 – 1891 годы. Причем имеющиеся сведения персонифицированы – в записях указаны фамилия отца и матери, а также воспитанников. В книге более 200 страниц, в основном заполненных ревностными католиками-поляками, изредка попадаются французские фамилии (Дюсуше, Дюкре, Дофине), но Дюссак нет [11].

Нам осталось изучить самый обширный корпус документов, который накопился в фонде канцелярии Таврического губернатора. Здесь отражена главным образом хозяйственно-экономическая деятельность крымских французов, оценка их деловых и моральных качеств со стороны окружающих. Как утверждают документы, это были трудолюбивые, трезвые, бережливые люди, их пребывание в Крыму способствовало процветанию края. Сверх того, как правило, это были лояльные к властям, законопослушные, примерные хозяева. Вот что, например, пишет уездный урядник о двух французах, проживающих в Ялте, (один – владелец гостиницы «Ялта», второй содержит столярную мастерскую): «Эти иностранцы при безукоризненной и кроткой жизни есть люди благонадежные и как обладающие

достаточными материальными средствами с приобретением участков земли несомненно принесут пользу для края» [12].

Такие подробные характеристики французам нужны были в связи с трудностями при приобретении иностранцами земли в Крыму. Указ Сената от 1869 года запрещал им покупать землю без разрешения Новороссийского генерал-губернатора, другой указ (1874 г.) передал это право местному губернатору [13]. Вот и приходилось им при покупке даже одной десятины для строительства дома или разведения сада обращаться к начальству. А оно требовало от урядников, говоря современным языком, подробную характеристику. В них то и дело встречаем лестные эпитеты: «поведения хорошего, образ жизни порядочный», «поведения хорошего и ни в чем предосудительном не замечен» [14]. Последние слова сказаны об уникальном человеке. Его звали Михаил Львович Мартине, 27 лет, холост, - единственным из Таврических французов (он жил в Бердянске), который попросил принять его в российское подданство. Все остальные предпочитали сохранять гражданство Франции, ставшей, заметим кстати, к концу века военно-политическим союзником России.

Документы дают нам обстоятельный ответ на вопрос, чем же занимались французы в Крыму. Прежде всего тем, чем они превосходно занимались на родине, - виноградарством. Вот один из них обращается с просьбой о разрешении на покупку земли: «хотел приобрести пустопорожнее место для разведения виноградного сада» [15]. Самым знаменитым виноградарем и виноделом среди крымских французов, без всякого сомнения, являлся Иван Петрович Блонден. В документе, датированном 1879 годом, о нем сказано: «Проживает в имении светлейшего князя Воронцова «Ай-Даниль», главный винодел боле 20 лет». Назван «примерным хозяином», который спешествует благосостоянию края. Ялтинская городская управа не возражала против того, чтобы ему разрешили купить участок земли. В другом документе, написанном в предыдущем году, сказано: «Его Превосходительству господину Таврическому губернатору. Французского гражданина Ивана Петровича Блонден». Обстоятельное объяснение передадим кратко – он просит разрешить приобрести участок земли в 6 дес. с постройками и виноградным садом [16]. Прошло десять лет, и его сестра и наследница, как я полагаю, Екатерина Петровна Блонден, в своем имении Магарач близ Ялты просит разрешить принять в залог дом с постройками от французского гражданина Якова Россе [17]. А вот еще случай: в 1894 году жена французского гражданина Капитолина Дориан, проживающая в Париже, отказывается от доли наследства в имении Симеиз после смерти отца – русского генерала С.И.Мальцева в пользу братьев и сестер [18].

Французы Крыма успешно торгуют таврическим зерном, пользовавшимся спросом на мировом рынке в конце XIX века. О хлебном экспорте из причерноморских портов, мне помнится, я читал в письмах доверенного лица министра финансов С.Ю.Витте в Париже Рафаловича и в донесениях русского консула в Марселе [19]. Конечно, основной поток зерна был в руках русских купцов, но свою нишу имели и французы. Разрешите вам представить одного из них: Иосиф Осипович Руссен, родился в России, проживает в Феодосии. Имеет дом с лавкою. Занимается хлебною торговлею. Поведения, как водится, хорошего. Его брат Ипполит также занимается хлебною торговлею [20]. Некоторые содержат

мельницы, производят муку и торгуют нею. Вот господин Приуль, он недавно умер; водяная мукомольная мельница в Карасубазаре должна перейти к дочери Адель-Полине [21]. Это произошло в 1893 году. Много раньше, в 1880 году, карасубазарский полицмейстер доносит: Рене Монталье прибыл в Россию в 1875 г., с того времени содержит на аренде мукомольную мельницу, принадлежащую армяно-католической церкви [22]. Обратите внимание – мельница находится в коллективной собственности. Были среди французов владельцы столярной мастерской, и кожевенного завода в Старом Крыму. О последнем сказано, что его основал еще в 1830 году Феодор Пашу и что он действует поныне, в 1890 г. [23].

Были среди крымских французов и представители аристократических семей: принцесса Мюрат проживала в Ялтинском уезде, барон Жомини – в самой Ялте, граф Альфред Карлович Монжене обитал в своем доме в Симферополе, где жил граф Александр де Мезон установить не удалось. Но были и бедняки, правда совсем немного. Вот печальный рассказ об одном из них. В 1877 г. Таврический губернатор получает депешу: французский консул в Одессе разыскивает французского же гражданина. В оригинале сказано: «Un pomme Passat, sujet francais, demeurant a Yalta, n'a pas donné de ses nouvelles depuis longtemps a son pere demeurant en France» (Некий Пассат, французский гражданин, проживающий в Ялте, давно не подает о себе известий своему отцу во Франции). Уездный исправник проявил служебное рвение и нашел блудного сына: «жительство имеет в Ялте, занимается каменоломкою у французского подданного Барилье и находится в бедном состоянии» [24]. Перед нами, как говорится, классический пример эксплуатации человека человеком. Но этот случай можно рассматривать и под иным углом зрения – богатый соотечественник дает неудачнику работу, тем самым спасая от голодно смерти на чужбине.

За рассказами о крымских французах мы не забыли о том, что ищем информацию о родившемся в Симферополе мальчике Павлике. Вдруг в конце утомительных поисков забрезжила надежда: в метрической книге записи крещения Симферопольской римско-католической церкви под датой 27 июня 1887 года читаем о крещении ребенка мужского пола, родившегося 21 апреля и нареченного Габриель-Алоизий-Эдвард в присутствии французского гражданина Густава Патэ. Да вот беда: фамилия у родителя не та. Отец ребенка – Гаврила Дюсуше, учитель Симферопольской гимназии. Да и имя не сходится [25].

Теперь, в завершении нашего розыска, самое время задать сакраментальный вопрос: «А был ли мальчик? Может, мальчика не было?» Однако можно вспомнить, что революционеры всех народов, скрываясь от правосудия, меняли имена и фамилии, указывали неверно место и дату рождения. Не был ли Габриель-Алоизий-Эдвард Дюсуше на самом деле Подем Дюссаком?

Статью во французском журнале, о которой говорил в самом начале, я закончил словами надежды – поиски точной даты рождения героя Мадагаскара продолжаются. Может быть, найдется историк более удачливый, чем автор этих слов.

Остается добавить несколько слов о судьбе крымского француза, которая сложилась трагично. В бывшем Особом архиве, ныне Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), где хранятся трофейные архивы многих европейских стран, в фонде министерства колоний Франции мне удалось найти

документы о Дюссаке. Оказывается, в 1937 г. он вернулся на родину и вскоре вступил в конфликт с верхушкой компартии [26]. Видимо, он протестовал против поддержки нею кровавых репрессий в СССР. Позже Дюссак принял участие в движении Сопротивления и погиб при невыясненных обстоятельствах в 1942 г.

Список литературы

1. Oursou D. Les Archives de l'histoire coloniale française en Russie //Revue française d'histoire d'outre-mer. – 1993. – Т. XXX, Nr. 300. – P. 457 – 465.
2. Spasensky A. Madagascar. Cinquante ans de vie politique. De Ralaimondo a Tsiranana. – P., 1970. – P. 29.
3. Boiteau P. Contribution a l'histoire de la nation malgache. – Paris; Antananarivo, 1982. – P. 333; Hommes et Destins: Dictionnaire biographique d'outre-mer. t.3. Madagascar. – P., 1976. – P.183.
4. Амфитеатрова Ж. Французы в Крыму //Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 2001. – № 15. – С. 35 – 42.
5. Crousaz-Cretet P. Duc Richelieu en Russie. – P., 1897. – P. 3. См. также новейшую работу о Ришелье: Waresquiee E. Le duc de Richelieu 1766–1829. – P., 1990.
6. Маркевич Арс. З культурної минушини Криму ХІХ століття //Студії з Криму /Ред. акад. А.Е.Кримський. – К., 1930. – С. 153 – 158. Назовем лишь несколько новейших работ о французах в России. Прежде всего, это спецномер „Россия и Франция” журнала „Исторический архив” (1996, №1) и спецномер „Французы в России XVIII-XIX веков” журнала „Cahiers du Monde Russe” (1998, vol. 39, №3). Последний, например, приводит следующие цифры: в 1783 г. в России всего было 2 424 французов, из них в Петербурге 816, в Москве 907. См. также последнюю публикацию: Михайлова А.Ю. Французские мастера при русском дворе в первой трети XVIII в.// Вестник Московского университета: Серия 8. История. – 2002. - №2. – С. 55 - 56.
7. ГААРК, ф. 197, оп. 1, д. 468, л. 194.
8. Там же, д. 408, л. 245.
9. Там же, д. 434, л.23.
10. Там же, ф. 27, оп. 1, д. 8661, л. 8 – 8 об. Для сравнения см. данные 1881 года, более скудные: Там же, д.7870, л. 1 – 35.
11. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 213. В метрической книге отмечено крещение девочки в Севастопольской военной французской римско-католической часовне. Отцом был техник-смотритель кладбища, где похоронены герои взятия Севастополя в сентябре 1855 года. И совершенно справедливо во Франции говорят: «Севастополь – город французской славы».
12. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 25335, л. 156.
13. Там же, оп. 2, д. 849, л. 47; д. 3569, л. 36.
14. Там же, д. 2617, л. 69; д.2410, л. 132.
15. Там же, д. 2951, л. 57. Заявление подано в 1890 году.
16. Там же, оп. 1, д. 26975, л. 10; д. 26798, л. 110.
17. Там же, оп. 2, д. 2785, л. 14, 56.
18. Там же, д. 3569, л. 93.
19. РГИА, ф. 20, оп. 7, д. 87, л. 7; ф. 560, оп. 22, д.185, 198, 204, 205; АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 1781, 1825.
20. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 27474, л. 156; оп. 2, д. 2951, л. 61.
21. Там же, д.3406, л. 70.
22. Там же, оп. 1, д. 27330, л. 4.
23. Там же, оп. 2, д. 2951, л. 5.
24. Там же, оп. 1, д. 26642, л. 6.
25. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 213, л. 83 об.
26. ЦХИДК, ф. 2, оп. 1, д. 11, л. 19-20.

УДК 94 (569.4) “1991/1993”

С. С. Щевелев

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДИАЛОГ В 1991–1993 ГОДАХ (МАДРИД–ОСЛО–ВАШИНГТОН)

В конце сентября 1991 г. состоялась 20-я сессия Национального Совета Палестины (НСП). На ней обсуждались проблемы участия палестинцев в Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку. Незадолго до голосования председатель Исполкома ООП Я. Арафат выступил перед членами НСП с речью, в которой особый акцент был сделан, и это весьма симптоматично, на призыве не отвергать “миротворческие” усилия США и их поддержку в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. В результате голоса членов НСП, участвовавших в 20-й сессии Совета, распределились следующим образом: 256 — в поддержку резолюций Совета Безопасности ООН №№242 и 338 в качестве основы для палестинского участия в работе Мадридской мирной конференции; 86 — проголосовали против резолюций и направления палестинских представителей на форум в испанскую столицу[1, с. 99]. 18 октября 1991 г. в Тунисе состоялось заседание Центрального совета ООП, на котором было принято решение о формировании совместной иордано-палестинской делегации для участия в международной мирной конференции по ближневосточному урегулированию. После этого, в Дамаске проходило межарабское совещание сторон, вовлеченных в конфликт с Израилем — собрались министры иностранных дел Сирии, Иордании, Египта, а также посланцы Ливана и политического департамента ООП. При закрытых дверях ими обсуждались вопросы координации позиций арабов на ближневосточной мирной конференции. Во время работы мадридской конференции по ближневосточному урегулированию сторонники Я. Арафата организовали в секторе Газа манифестацию солидарности с миротворческим процессом. В ней принимало участие более 7 тысяч палестинцев[2. 1991, 2 октября].

На следующий день, по призыву исламских движений ХАМАС и Аль-джихад аль-ислами в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан прошел “день гнева” против арабо-израильских переговоров в Мадриде. Состоялись забастовки протеста, митинги и манифестации. Участники их выступили с лозунгами: “Нет переговорам без признания арабской Палестины”, “Конференция в Мадриде — это империалистический заговор против арабов”, “Долой переговоры с Израилем за счет законных прав палестинского народа”. “День гнева” состоялся вопреки призывам председателя исполкома ООП Я. Арафата поддержать арабо-израильские переговоры в Испании и воздержаться от насильственных мер по решению спорных вопросов. Между тем против этого международного форума была настроена и

значительная часть израильских колонистов. Так, власти крупного поселения Кийриат Арба на Западном берегу реки Иордан, заявили, что “конференция в Мадриде знаменует войну” [2. — 1991, 1 ноября].

Тем не менее, 30 октября 1991 года Мадридская мирная конференция была открыта. Мирная конференция проходила под эгидой США и СССР. На конференции были проведены мирные переговоры на правительственном уровне между делегациями Израиля и его арабских соседей — Иордании, Ливана, Сирии и Палестины.

Как и было согласовано, палестинцы не получили права на формирование самостоятельной делегации, и влились в состав иорданской команды. Палестинскую часть совместной иордано-палестинской миссии возглавил 72-летний общественный деятель Хейдар Абд аш-Шафи, известный на оккупированных территориях как последовательный сторонник идей палестинского национализма. Кроме того, в палестинскую группу вошел ряд видных ученых, врачей и литераторов, а также мэр Вифлеема Ильяс Фрейдж. Главным требованием Израиля к палестинскому представительству на переговорах в Мадриде стало его ограничение в плане выражения интересов только той части палестинского народа, которая проживала на Западном берегу реки Иордан, за исключением Иерусалима, и в секторе Газа. Кроме того, изначально оговаривалось требование об отказе членов совместной иордано-палестинской делегации от поддержания каких-либо формальных контактов с Организацией освобождения Палестины. Это ограничение в отношении палестинцев было связано с действовавшим в Израиле в законодательном порядке запретом на любые контакты с ООП, отнесенной к числу «террористических организаций» [3, с. 108]. Итоги Мадридской мирной конференции внушали не только оптимизм, но породили у значительной части населения оккупированной Палестины настоящую эйфорию. Израиль официально признал “законные права палестинцев”, предусматривавшие “вывод израильских войск”, “сильную палестинскую полицию”, но при сохранении израильских “специальных сил безопасности”, проведение выборов “органов самоуправления”, но не в понимании создания независимого государства, а в рамках административной автономии. Более того, был согласован практический механизм достижения договоренностей и даже в общих чертах сверстан поэтапный график их осуществления. Члены палестинской части совместной с Иорданией делегации, прибывшие 10 ноября 1991 года из Аммана на Западный берег реки Иордан, были встречены как герои, которые, как тогда казалось, совершили исторический прорыв в ближневосточном конфликте и приблизили долгожданный день освобождения и независимости [1, с. 100].

Начавшиеся после Мадрида двусторонние переговоры иордано-палестинской делегации с Израилем достаточно быстро развеяли победную эйфорию палестинского населения в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. И, тем не менее, механизм “мирного урегулирования” палестино-израильской проблемы был запущен. Начавшиеся после Мадрида двусторонние переговоры иордано-палестинской делегации с Израилем привели к естественному результату, которым явилась сепаратная сделка между ООП и Израилем под ставшей уже традиционной эгидой США в сентябре 1993 года.

Значение Мадридской конференции заключалось в том, что она впервые свела за столом мирных переговоров непримиримых противников, открыв зеленый свет политическому процессу ближневосточного урегулирования. К тому же следует признать, что в сложной дипломатической борьбе и маневрировании предшествовавшим этому форуму, Израиль сумел “переиграть” своих арабских оппонентов в замене международной конференции по ближневосточному урегулированию на региональную[4, с. 116]. В Мадриде не было достигнуто согласие по двум принципиальным вопросам: о месте проведения следующей встречи и о повестке дня переговоров. Израильские представители требовали их перенесения на Ближний Восток с тем, чтобы подчеркнуть региональный характер мирного процесса. Арабы предлагали один из европейских городов.

Договоренности, достигнутые на международном форуме в Мадриде, только закладывали фундамент ближневосточного мирного процесса. Так, под проведением выборов «органов самоуправления» на палестинских территориях понималось не формирование властных структур независимого арабского государства, а лишь осуществление некоторых шагов в рамках создания административной автономии для палестинского населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

Надежды на скорое решение всех проблем в палестино-израильских отношениях столкнулись с большими трудностями. Они были вызваны неготовностью значительной части как палестинских, так и израильских политических сил идти на соглашение за счет уступок соответственно «израильскому агрессору» и «палестинским террористам»[3, с. 109].

После Мадридской конференции начались длительные изнурительные двусторонние переговоры участников конференции. Так, возникшие в самом начале вашингтонского раунда (декабрь 1991 г.) переговоры по мирному урегулированию на Ближнем Востоке процедурные затруднения оказались столь существенными для делегаций, что появился риск срыва переговоров. Заместитель министра иностранных дел Израиля Б. Нетаньяху накануне раунда заявил, что Израиль не намерен обсуждать на вашингтонской встрече с представителями арабских стран “никаких вариантов урегулирования, в основе которых лежит принцип “территории в обмен на мир”. Кроме того, Израиль был категорически против проведения дискуссий отдельно с иорданской и палестинской делегациями[2. — 1991, 10 октября].

Обращала на себя внимание и тактика И. Шамира ведения переговоров, нацеленная на их растягивание. Лишь к четвертому раунду Вашингтонских двусторонних переговоров (24 февраля – 4 марта 1992 г.) израильская делегация выдвинула предложения о проведении муниципальных выборов на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Израильский план предусматривал предоставление палестинцам ограниченной автономии при сохранении израильского контроля над территориями, на которых они проживали. По сути палестинцам предлагалась модель косвенного управления: передача местных с административных полномочий на муниципальном уровне. В соответствии с этим планом Израиль продолжал распространять на палестинские территории свое законодательство. Он оставлял за собой обеспечение безопасности и внешние сношения, настаивая на праве израильтян жить и селиться на Западном берегу и в секторе Газа.

Председатель ООП Я. Арафат отклонил израильский план муниципальных выборов. Он был вынужден считаться с растущей оппозицией палестинцев участию в переговорах с Израилем, отвергавшим принцип урегулирования на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН. Эта оппозиция более не ограничивалась фундаменталистскими и левацкими кругами. Она включала многих независимых палестинских политических деятелей, а также некоторых видных функционеров Фатх, не веривших, что Израиль согласится на признание палестинской государственности.

8 апреля 1992 г. собравшийся в Тунисе Центральный Совет ООП высказался за продолжение участия в мирном процессе на том основании, что палестинцы теряли больше от ухода с переговоров несмотря на невыгодность предлагаемых Израилем условий урегулирования палестино-израильского конфликта. Не желая срыва переговоров, палестинское руководство пошло на весьма важный компромисс с израильтянами, оно отказалось от требования замораживания строительства израильских поселений на оккупированных территориях в качестве предварительного условия участия в мирных переговорах.

Тем временем в Израиле на выборах 23 июня победу одержала Партия труда, обещавшая населению быстрое решение палестинской проблемы и продвижение к миру с арабскими государствами. Новый премьер-министр Израиля И. Рабин решил сконцентрировать внимание в переговорном процессе на вопросе о палестинской автономии, как центральном вопросе АИК, пообещав решить его за девятимесячный срок. Он пошел на некоторые уступки палестинцам:

- распорядился приостановить строительство новых израильских поселений, не имевших стратегического значения для Израиля;
- согласился на отдельные переговоры с палестинцами;
- пообещал отменить закон о запрете на контакты израильтян с ООП;
- выступил с жестом доброй воли, освободив восемьсот палестинских политических заключенных и несколько ослабив блокаду Западного берега и Газы[4, с. 124].

Обещанный новым премьер-министром Израиля прорыв в решении палестинского вопроса не состоялся. Израильтяне настаивали на создании в промежуточный период палестинского административного совета, которому Израиль делегировал бы ряд полномочий оккупационных властей.

Промежуточный период автономии ограничивался пятилетним сроком. Переговоры об окончательной форме палестинской государственности должны были начаться через три года после введения ограниченного самоуправления и завершиться в двухлетний период. Палестинцы соглашались с двухфазовым переходом к независимости, но настаивали на введении формы государственности в виде Законодательной ассамблеи уже в первой промежуточной фазе. Израиль выступал против создания палестинских законодательных органов до определения окончательной судьбы оккупированных территорий. Палестинцы требовали, чтобы переговоры на всех стадиях основывались на резолюции 242 СБ ООН (возврат территории и вывод войск) и не ограничивались бы договоренностями о мероприятиях по автономии. Израильтяне же считали возможным применение резолюции 242 лишь три года спустя после начала переходного периода[4, с. 126].

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДИАЛОГ В 1991–1993 ГОДАХ (МАДРИД–ОСЛО–ВАШИНГТОН)

Израиль не допускал и мысли о палестинской юрисдикции над Восточным Иерусалимом, а также конфискованными после 1967 г. арабскими землями. Израильцы заявляли, что не намерены соблюдать резолюцию 242 в качестве основы переговоров по палестинской автономии. Поэтому израильское предложение о формировании палестинского административного совета рассматривалось палестинцами как попытка Израиля ввести подобие косвенного управления. Израильская стратегия преследовала, по их мнению, цель втянуть палестинцев в переговоры, которые не обязательно приведут к выводу израильских войск с оккупированных территорий. Эти подозрения не были беспочвенными, ибо Израиль начал рассматривать захваченные в 1967 г. арабские земли как «спорные территории», которые в лучшем случае подлежат разделу. 19 января 1993 г., Кнессет снял законодательный запрет на контакты официальных лиц Израиля со считающейся в стране террористической организацией — ООП. Тем самым был дан «зеленый свет» началу прямых переговоров между представителями израильского правительства и ближайшими советниками Я. Арафата. Уже через несколько дней после этого решения израильского парламента состоялась первая двусторонняя встреча. Палестинскую делегацию возглавил Ахмед Корей, более известный под именем Абу Аля, который был одним из ближайших советников Я. Арафата по экономическим вопросам и фактически являлся казначеем ООП [3, с. 127].

Между тем в этом же месяце 20 января 1993 г. в Осло при содействии норвежских посредников начались секретные палестино-израильские переговоры, состоявшие из 14-ти встреч. Норвежский канал был использован не случайно. Норвегия поддерживала Израиль со времени возникновения израильского государства. Между норвежской Рабочей партией и израильской Партией труда существовали дружеские отношения. С другой стороны она признавала ООП, с которой поддерживала прямые связи. В норвежском МИДе была разработана концепция урегулирования конфликтов путем секретных переговоров, которые, по мысли ее авторов, ограничивали разрушительный потенциал воздействия на мирные переговоры общественного мнения тех слоев населения, которые по тем или иным причинам выступали против мирного процесса.

С палестинской стороны в секретные переговоры включились функционеры ООП, назначенные Ясиром Арафатом и Абу Мазеном, — заведующий экономическим отделом ЦК ООП Ахмед Корей (Абу Аля), секретарь Комитета ООП по координации мирных переговоров Хасан Асфур.

11 мая 1993 г. в арабских газетах был опубликован текст израильского проекта «Заявления о принципах», переданного палестинской делегации в ходе 9-го раунда двусторонних переговоров.

«Израиль и палестинцы, — говорилось в этом тексте, — выражают согласие с тем, что переговоры между ними должны концентрироваться на следующих моментах:

1. Цель переговоров и их основополагающие положения.

Прямые переговоры между Израилем и палестинцами в рамках провозглашенной цели (достижения всеобъемлющего и справедливого мира)

опираются на резолюции №242 и 338 и приглашение на Мадридскую конференцию. Они проводятся в два этапа.

а. Переговоры имеют целью достижение соглашения вокруг условий переходного самоуправления.

б. На третьем году начинаются переговоры об окончательном положении. Они проводятся на основе резолюций №242 и 338.

Весь процесс является единым. Оба этапа, на которые он разделяется, входят в согласованные временные рамки. Первый этап, безусловно, имеет связь со вторым с пониманием того, что все варианты выбора, относящиеся ко второму этапу, остаются открытыми перед сторонами в соответствии с рамками вышеупомянутых согласованных положений. Этот процесс основывается на приглашении в Мадрид и на резолюциях №242 и 338.

2. В период переходного самоуправления в этих районах произойдут главные изменения в положении. Это будет сделано посредством передачи палестинцам большинства функций гражданской администрации. Израиль сохранит за собой верховную ответственность за безопасность этих районов. Он также будет отвечать за безопасность там израильтян. Варианты выбора останутся открытыми для второго этапа.

3. Палестинский исполнительный совет.

Палестинский исполнительный совет будет состоять из согласованного числа палестинских представителей от районов. Он будет образован в результате всеобщих свободных, прямых выборов от и среди палестинцев этих районов. Они должны проводиться под согласованным контролем и в соответствии со стандартами, которые будут определены в ходе переговоров. За ними последуют детальные переговоры о порядке организации выборов.

4. Власть и ответственность.

В соответствии с согласованными положениями израильская гражданская административная власть переходит к палестинскому исполнительному совету, который берет на себя исполнительную и судебную власть (посредством независимого судебного аппарата). Он будет обладать также законодательными полномочиями в рамках переданной ему ответственности. Они должны соответствовать согласованным принципам и получить взаимное подтверждение идентичности соглашению. Ожидается представление необходимых заключений относительно пересмотра юридических актов в иных сферах по мере их целесообразности[5, с. 117].

Вместе с тем Израиль выдвинул арабам несколько “базисных условий”:

1) неделимость Иерусалима; 2) в переходный период за основу организации жизни палестинцев будет временно принят принцип самоуправления, но не более высокая степень суверенитета; 3) компромисс с Сирией по проблеме Голанских высот будет найден, исходя из требований безопасности Израиля, его степень будет зависеть от того, насколько серьезно изменятся отношения между двумя странами; 4) будет продолжаться война с терроризмом. При этом не будут приниматься во внимание протесты ни друзей, ни врагов Тель-Авива.

20 августа 1993 г. длившиеся девять месяцев тайные переговоры между представителями правительства Израиля и сотрудниками ООП стали фактом

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДИАЛОГ В 1991–1993 ГОДАХ (МАДРИД–ОСЛО–ВАШИНГТОН)

гласности. Это произошло на пресс-конференции, которая была устроена по итогам переговорного марафона в Осло руководителями израильской и палестинской делегаций. На ней было заявлено о достижении договоренностей между израильским правительством и руководством ООП относительно мирного урегулирования многолетнего конфликта в Палестине. Стало известно, что официальная церемония подписания документов, выработанных во время переговоров, состоится в американской столице Вашингтоне в присутствии И. Рабина и Я. Арафата[3, с. 128].

Для того, чтобы подписанное палестино-израильское соглашение имело юридическую силу, было необходимо, чтобы ООП и Израиль признали друг друга. При этом руководство ООП стремилось к тому, чтобы признание Израиля не включало бы в себя категоричного подтверждения: а) отмены тех статей Национальной хартии, которые не признавали законности существования Израиля, б) прекращения интифады, что, по мнению палестинцев, было невозможно в условиях сохранения израильской оккупации.

9 сентября 1993 г в штаб-квартире ООП в Тунисе председатель ООП подписал текст письма о признании государства Израиль, в котором подтверждались следующие обязательства:

1) признание ООП права государства Израиль на существование в условиях мира и безопасности:

2) признание ООП резолюций 242 и 338 СБ ООН,

3) отказ ООП от применения террора и других насильственных действий;

4) прекращение действия тех статей Национальной хартии, которые отказывают Израилю в праве на существование или не соответствуют данным в письме обязательствам[4, с. 140].

Уведомление о признании ООП Израиля было вручено 10 сентября 1993 г. И. Рабину.

В тот же день израильский премьер-министр совершил ответный шаг в отношении ООП. В его письме председателю ООП говорилось, что правительство Израиля приняло решение:

1) признать ООП в качестве представителя палестинского народа,

2) вступить в переговоры с ООП в рамках мирного процесса[4, с. 140; 3, с. 129].

В столице Норвегии Осло была сформулирована Декларация о принципах, которая содержала перечень мер, направленных на подготовку палестинского самоуправления на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Руководство ООП осудило терроризм, обязалось исключить из Палестинской хартии пункты, отрицающие право Израиля на существование (в частности, “Необходимо вытеснить с великой родины арабов сионистских и империалистических завоевателей и очистить Палестину от сионизма”), и заявила о переходе к мирному урегулированию территориального конфликта между палестинскими арабами и евреями. В ответ Израиль признал ООП в качестве представителя палестинцев.

В сентябре 1993 г. в Вашингтоне при участии руководителей Израиля И. Рабина и Ш. Переса, а также лидера ООП Я. Арафата состоялось подписание

Декларации о принципах, определяющей возможность палестинского самоуправления на Западном берегу р. Иордан (г. Иерихон) и в секторе Газа.

Декларация состояла из семнадцати статей и четырех приложений, предусматривавших мероприятия по проведению выборов, созданию палестинских полицейских сил, новых административных структур, которые способствовали бы политическому, социальному и экономическому развитию Западного берега и полосы Газа. С палестинской стороны документы подписал «министр иностранных дел» Махмуд Аббас, известный также под именем Абу Мазен, а с израильской — его визави Шимон Перес. Вероятно, выбор лиц, поставивших свои подписи под «историческими» документами, был осуществлен не только в соответствии с определенными протокольными условностями. Нельзя исключить, что ни Ясир Арафат, ни Ицхак Рабин не были до конца уверены в возможных последствиях этого события, и это обстоятельство побудило их «доверить» право подписи своим подчиненным [3, с. 129].

Декларация о принципах вступала в силу месяц спустя после ее подписания, то есть 13 октября 1993 г. Стороны понимали, что переходный период был необходим для создания обстановки доверия между ними и для подготовки к переговорам об окончательном статусе. Последние предполагалось начать после второго года переходного периода. Они должны были увенчаться урегулированием палестино-израильского конфликта на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН после решения ряда сложных проблем, разделяющих стороны, среди них: статус Иерусалима, беженцы, еврейские поселения, мероприятия по поддержанию безопасности, границы и т. д. [4, с. 143].

Предусматривался пятилетний период перехода к палестинскому самоуправлению, который разбивался на четыре этапа. В документах, подписанных в Вашингтоне, говорилось о том, что за этот период должны быть проведены и закончены переговоры об «окончательном статусе» ПНА. Эта расплывчатая формулировка позволяла не только уйти от неразрешимой в то время проблемы окончательного урегулирования палестино-израильского конфликта, включая вопросы о Восточном Иерусалиме и палестинских беженцах 1948 г., но и толковать достигнутые договоренности в зависимости от целей и задач, которые ставил перед собой каждый из участников переговоров [3, с. 130].

В то же время декларировался очень важный для обеих сторон принцип о поддержании правопорядка на территории ПНА. Отмечалось, что постепенно вопросы общественной безопасности на автономной территории будут переходить в ведение органов исполнительной власти ПНА.

План создания ПНА предусматривал также, что органы исполнительной власти автономии, во главе которых встанет Я. Арафат, будут расположены в небольшом городке Иерихоне (Ариха). В их компетенцию должны были быть переданы вопросы сбора налогов, социального обеспечения, здравоохранения, образования и туризма. Планировалось, что выборы в «законодательный» орган ПНА — Палестинский законодательный совет, лишенный законодательных полномочий, пройдут уже в июле 1994 г., хотя точная дата их проведения нигде не указывалась. Тем не менее, даже такой усеченный вариант автономии позволял сформировать

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДИАЛОГ В 1991–1993 ГОДАХ (МАДРИД–ОСЛО–ВАШИНГТОН)

некий каркас, который, несмотря на все недостатки, мог бы послужить основой для независимого палестинского государства [3, с. 131].

Но, в начале 1998 г. правительство Израиля опубликовало официальный документ о “национальных интересах” Израиля на Западном берегу р. Иордан. В частности, в документе указывались моменты, по которым Израиль ни в коем случае не пойдет на уступки:

— Иерусалим останется “единой и неделимой столицей” страны;

— ни одно из существующих еврейских поселений не будет демонтировано (на начало 1998 г. на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа проживало более 161 тыс. евреев);

— Израиль сохранит за собой две “зоны безопасности” — восточную в Иорданской долине и западную вдоль “зеленой черты” (иордано-израильская граница до начала войны 1967 г.);

— будут сохранены объекты, контролирующие водные источники, энергетическую и транспортную инфраструктуры, военные объекты стратегического назначения (включая станции раннего оповещения), транспортные коммуникации, ведущие к еврейским поселениям, а “также святые места, имеющие особое историческое, национальное и религиозное значение для еврейского народа” [6, с. 44].

В феврале 2001 года премьер-министром Израиля был избран Ариэль Шарон, набравший 62% голосов, победивший представителя израильских лейбористов, бывшего премьер-министра Э. Барака. Будучи членом правительства, он последовательно проводил мысль о том, что Иордания должна стать палестинским государством — для этого нужно свергнуть короля Хусейна и постепенно выдавить туда палестинское население Западного берега реки Иордан [7, с. 468]. Игнорирование Шароном возможных политических последствий проявилось во время его визита на храмовую гору в Иерусалиме 28 сентября 2000 года, фактически вызвавшего новую палестинскую интифаду. И все договоренности, достигнутые с огромным трудом в Мадриде и Осло, оказались фактически мертвыми.

Всплеск терроризма на палестинских территориях и в самом Израиле, начавшийся в сентябре 2000 года и продолжающийся уже более двух лет, ставит под сомнение провозглашение независимого палестинского государства, по крайней мере, в ближайшие годы.

Конечно, лишившись многих арабских союзников и бывших масштабов советской поддержки, ООП оказалась в сложной ситуации. К тому же прямая конфронтация с Израилем не дала никаких результатов, а бесконечные расколы организации, и в целом, в палестинском обществе, не настраивают на оптимистический лад. Но, десятилетия кровавой конфронтации не дали желаемых результатов ни одной из сторон. Следовательно, урегулирование в конечном счете неизбежно. На наш взгляд, процесс ближневосточного мирного урегулирования будет продолжаться, а приемлемая формула будет предложена арабам и Израилю с помощью ООН.

Список литературы

1. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинское движение сопротивления в период интифады: проблемы и противоречия. — М.: Центр стратегических и политических исследований, 2000. — 120 с.
2. Известия. — 1991, 2 октября.
3. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинское движение сопротивления и формирование палестинской государственности (80–90-е гг.). — М.: Институт Востоковедения РАН, 2001. — 304 с.
4. Панкратьев В. П. Сложный путь от Мадрида к Осло (эволюция палестино-израильских отношений) // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке и политика России на рубеже XXI века. — М.: Немыкин & Шулек Ко, 2000. — С. 115–144.
5. Егорин А. З., Абдель Хамид Х. А. Война за ближневосточный мир. — М.: Восточная литература РАН, 1998. — 168 с.
6. Щевелев С. С. Попытки мирного решения арабо-израильского конфликта — палестинский аспект // Востоковедный сборник. — Симферополь: ТЭИ. — 2002. — Вып. 5. — С. 34–48.
7. Звягельская И. Ариэль Шарон // Год планеты: Политика. Бизнес. Банки. Образование. Вып. 2001 г. / РАН, ИМЭМО. — М.: Республика, 2001. — С. 466–469.

УДК 94 (73 + 4) "1945 / 2001"

Юрченко С.В.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К «РАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

В послевоенный мир США вошли в совершенно новой для себя роли государства, превосходившего все другие страны по основным показателям силы – военной, экономической, технологической и культурной. Мировые войны превратили их в центр западной цивилизации, который противостоял советской мощи, закрепившей в результате второй мировой войны за собой значительные сферы влияния в Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

Основными районами геополитического соперничества между двумя центрами силы стали регионы, лежащие на периферии Евразии: линия соприкосновения в Европе, Средний и Дальний Восток. В ходе этого соперничества Соединенные Штаты превратились из эпизодического в постоянный фактор европейской политики, институционализируя свое присутствие в Старом свете и строя отношения с западноевропейскими союзниками на основах «атлантизма», «взаимозависимости» и «разделения бремени».

Западноевропейско-атлантическое направление американской геостратегии стало доминирующим в наборе региональных приоритетов со времен второй мировой войны. В основе этого процесса лежали фундаментальные геополитические факторы. События, связанные с гитлеровской экспансией на континенте и выходом к Атлантическому океану на его европейском побережье, а также стремление активизировать действие в Северной Африке с выходом на ее западную оконечность, создавали потенциальную угрозу безопасности Западного полушария. Поэтому контроль над указанными регионами становился жизненно важным для национальной безопасности США.

У. Буллит, характеризуя «атлантическую доктрину», подчеркивал, «что контроль над атлантическими побережьями Европы и Африки и островами в Атлантическом океане, а также надводными воротами в Атлантику – над Северным морем, Ла-Маншем и Гибралтаром со стороны любой державы, которая могла бы оказаться враждебной Соединенным Штатам, представлял бы угрозу для мира и безопасности Соединенных Штатов».

Другая составляющая важности государств Западной Европы для США обуславливалась их положением в отношении главного противника – государств «советского блока». Во-первых, они являлись своеобразным «буфером» против дальнейшего распространения коммунизма, принимая на себя ту роль, которую в межвоенный период выполняли государства Восточной Европы. Во-вторых, они

играли важную роль и в качестве предмостного укрепления к «мосту через Атлантику», на котором располагались соответствующие военные системы. В-третьих, при определенных условиях, территория западноевропейских стран могла стать плацдармом для дальнейшего продвижения вглубь Евразии.

Важным фактором, обуславливавшим внимание Соединенных Штатов к Западной Европе, было стремление держать под контролем или осуществлять необходимое влияние на экономический рост региона, который неизбежно должен был привести к формированию нового «центра силы». Эти тенденции в американской политике особенно жестко критиковали позднее представители геополитической школы «новых правых», занимавших радикально антиатлантистские и антимиондиалистские позиции [1, с.257-268]. Так, лидер этого движения французский философ и публицист А. де Бенуа подчеркивал: «США больше всего боятся независимого развития Европы; на недопущение такого развития всегда была направлена их стратегия» [2].

Безусловно, подобные подходы не являлись доминирующими в общественной мысли, но они концентрировали внимание как раз на тех чертах американской политики, которые наиболее болезненно ощущались и воспринимались европейской общественностью послевоенных поколений.

Значение западноевропейских государств было важно для США еще и потому, что Англия, Франция, Голландия, Португалия продолжали обладать обширными колониальными владениями. В условиях подъема национально-освободительного движения и кризиса колониальных империй для Америки возникали две взаимосвязанные проблемы: как добиться заполнения потенциального «вакуума силы», не обостряя отношений со своими союзниками в Европе, и как воспользоваться их богатым опытом управления колониями и остаточным влиянием в возникавших молодых государствах.

И, наконец, именно культурная общность объединяла Соединенные Штаты и западноевропейские государства, образуя западную цивилизацию. [3,4,5]. Эти фундаментальные факторы делали Соединенные Штаты и Западную Европу естественными партнерами для многостороннего диалога, приводя позднее некоторых исследователей к мысли о том, что в «многополосном, мультицивилизационном мире ответственность Запада состоит в том, чтобы охранять собственные интересы, а не поддерживать интересы других народов или пытаться разрешить конфликты между другими народами, когда эти конфликты не имеют никаких последствий для Запада» [4, с.91].

В полтора десятилетия после второй мировой войны «американские стратеги отводили Западной Европе место младшего и неравноправного партнера Вашингтона, которому надлежало сосредоточить усилия на достижении (с американской помощью) внутренней стабильности на капиталистической основе, а в международном плане в целом автоматически следовать курсом, прокладываемым Вашингтоном... В принципе подобная ситуация в тот период устраивала и ту, и другую сторону» [6, с.14].

Однако, со второй половины пятидесятых годов в американо-западноевропейских отношениях все в большей мере стали проявляться противоречия, свидетельствовавшие о необходимости пересмотра существующей модели взаимоотношений. Первый блок противоречий был связан с действиями

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К «РАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

Соединенных Штатов в период кризисных ситуаций, когда основной американских действий в случае глобального военного конфликта должны были стать вооружения, находящиеся на американских военных базах на территории западноевропейских государств. Естественно, и в случае инициативы потенциального противника, и в случае его ответных действий западноевропейские государства подвергались бы неизбежному удару советской атомно-ракетной мощи. Поэтому, «многие, в том числе и консервативные западноевропейские лидеры, испытывали тревогу по поводу возможных последствий агрессивных акций США для своей безопасности. Так, выступая в палате общин британского парламента в феврале 1951 г., бывший премьер министр У. Черчилль говорил: «мы не должны забывать, что, создавая американскую атомную базу на юге-востоке Англии, мы превращаем себя в мишень, а может быть и в центр мишени» [6, с.86].

Второй блок противоречий был связан с реакцией США на действия Англии и Франции в странах «третьего мира». В наиболее концентрированном виде расхождения в политике Соединенных Штатов и их западноевропейских партнеров проявились в период Суэцкого кризиса 1956 г., когда США не поддержали тройственную англо-франко-израильскую агрессию в Египте. Эта позиция американской администрации обуславливалась такими факторами, как нежелание связывать себя с колониальными устремлениями союзников в условиях активизации на международной арене государств «третьего мира»; стремлением сбалансировать свою позицию и усилить собственное влияние на Ближнем Востоке; опасениями в связи с дальнейшей эскалацией конфликта, в виду вовлеченности интересов сверхдержав и известной позицией СССР; приближавшиеся президентские выборы. Последний фактор при этом не правильно интерпретировался руководством Израиля в свою пользу.

Дальнейший ход событий известен. Они оказали и важнейшее влияние на западноевропейское, а в более широком плане и атлантическое единство. В перспективе британский внешнеполитический курс стал определяться тем, что, «отвернувшись от европейского единства, Великобритания предпочла постоянное подчинение американцам... после Суэца она стала толковать «особые отношения» с Америкой как основы оказания максимального влияния на принимаемые, в основном в Вашингтоне, решения» [7, с.494].

В Париже из происшедшего сделали другие выводы. Для Франции стало ясно, что совпадение интересов государств-членов НАТО не является абсолютным. Позиция США в период кризиса на фоне известной реакции СССР побудила Францию взять курс на создание собственного ядерного потенциала и укрепить свое положение на континенте за счет налаживания тесных отношений с ФРГ. Действия Соединенных Штатов имели и еще одно важное последствие: они стали прецедентом для американских союзников в определении их позиций в отношении курса США в государствах «третьего мира». «За пределами Европы, – подчеркнул Г. Киссинджер, – Америка отныне будет обязана защищаться в «холодной войне» преимущественно в одиночестве» [7, с.471].

К этому комплексу противоречий примыкали и прямые политические столкновения между США и их европейскими союзниками - Англией и Бельгией - по поводу влияния в африканских странах, добившихся независимости, что с

особой остротой проявилось в ситуации в Конго в 1960-1962 гг. Между союзниками шли многочисленные консультации, встречи министерств иностранных дел, глав кабинетов, в ходе которых «по конголезскому вопросу союзники бросали в адрес друг друга весьма нелестные выражения». В ходе этих переговоров «была достигнута договоренность о справедливом» разделе доходов с Конго. До поры до времени острота обстановки в этой стране несколько смягчилась. Но, конечно, империалистическая борьба за Катангу далеко не закончилась» [8, с.250]. В сущности, эти события показали как возрастающую экономическую и стратегическую важность Африки с ее огромными природными богатствами, дешевой рабочей силой и ценностью положения, так и необходимость выработки модели совместной эксплуатации стран региона Западом.

Эти причины, затрагивавшие проблемы безопасности и международного влияния государств Западной Европы, побуждали их к проведению более самостоятельной политики. Однако, глубинные основы процессов, происходивших в американско-западноевропейских отношениях, заключались в изменениях в динамике экономического роста и усилении интеграционных процессов на западе европейского континента. Уже к началу 50-х годов страны Западной Европы завершили восстановительный период, и показатели их экономического развития превзошли довоенный уровень. Увеличились темпы прироста промышленного производств, среднегодовые показатели которых в 1950-1955 гг. достигли 12,6% в ФРГ; 8,6% в Италии; 5,8% во Франции; 3,8% в Англии [9, т.2, с.255]. Говоря об успехах экономического развития Западной Германии и Италии все чаще использовали выражение «экономическое чудо». За указанный период объемы промышленного производства возросли в Западной Европе на 40%. В то же самое время среднегодовые темпы прироста промышленного производства в США составляли только 4,4%, а общий прирост 24% [9, т.2, с.255]. Удельный вес западноевропейских государств в промышленном производстве капиталистических стран возрастал, а Соединенных Штатов сокращался. Этому способствовало и углубление западноевропейской интеграции в регионах ЕЭС, важной причиной которой был рост противоречий и конкурентной борьбы между западноевропейскими монополиями и корпорациями США. Таким образом, намечалась отчетливая тенденция к формированию в Западной Европе центра экономической силы, которая, неизбежно должна была проецироваться и на внешнюю политику стран региона. «Интеграционный процесс, – отметили исследователи, – накладывался на возрастание экономической мощи Западной Европы, увеличивает потенциал ее сопротивляемости попыткам США навязывать свое решение международных, экономических, военно-политических проблем, по которым существует расхождение двух центров соперничества» [10, с.38].

Г. Моргентау отметил три основных проблемы в отношениях между Соединенными Штатами и государствами Западной Европы. Во-первых, изменение стратегической ситуации формировало «баланс страха», побуждая американских союзников «к поиску безопасности в достижении большей независимости от Соединенных Штатов», стремлению «развивать свою собственную внешнюю и военную политику, особенно в области ядерных вооружений, или же...двигаться от

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА ПУТИ К «РАВНОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

Соединенных Штатов в сторону нейтральной или, по крайней мере, более независимой позиции» [11, р.9]. Другое важное обстоятельство заключалось в восстановлении и росте экономики государств Западной Европы, что вело к возрастанию независимости от США не только в хозяйственной сфере, но и в политике, и военных отношениях. В-третьих, новый вызов последовал от советской политики в отношении европейских стран, которая перестала быть «политикой прямой военной агрессии или прямых военных угроз».

К началу правления администрации республиканцев в 1953 г. Атлантический союз характеризовался развитием двух основных процессов – усилением европейской экономической интеграции и стремлением к формированию мощной военной структуры. В рамках первого процесса шло образование европейских сообществ, первое из которых – Европейское объединение угля и стали было основано в 1952 г.

В рамках второго процесса разрабатывались планы создания Европейского оборонительного сообщества. 26 мая 1952 г. Соединенные Штаты, Англия, Франция и ФРГ подписали Боннскую конвенцию, согласно которой восстанавливался германский суверенитет. Эта конвенция должна была вступить в силу после ратификации Парижского договора, предусматривавшего создание ЕОС и подписанного через день после Боннской конвенции. Все эти соглашения заключались тогда, когда генерал Эйзенхауэр возглавлял командование войсками НАТО и поддерживал планы европейской военной интеграции. Этому курсу Эйзенхауэр следовал и став президентом США, полагая, что без сухопутных германских сил оборона Западной Европы будет значительно затруднена. Вскоре после вступления на пост президента он направил в европейские государства госсекретаря Дж. Даллеса и Г. Стассена для обсуждения различных аспектов европейского единства и проблемы ремилитаризации ФРГ.

Однако, именно последний вопрос более всего беспокоил правительство Франции, позиция которого все в большей мере становилась препятствием на пути создания ЕОС. Франция в который раз опасалась оказаться в роли слабой из двух континентальных западноевропейских держав, столкновение которой с более сильной – Германией – трижды на протяжении жизни одного поколения приводили к столь тяжелым последствиям. Решение Национального собрания Франции 30 августа 1954 г., отвергало создание ЕОС.

Неудача, связанная с образованием ЕОС, привела к активизации действий в двух других направлениях: обновлении Западноевропейского союза с целью принятия в его члены ФРГ, а затем и в НАТО, и интенсификации сотрудничества западноевропейских государств в экономической сфере. Это привело к подписанию 25 марта 1957 г. Римского договора об образовании ЕЭС – важному этапу в западноевропейской интеграции.

Возникавшие проблемы западноевропейской политики администрации Эйзенхауэра привлекали все большее внимание оппозиционной Демократической партии, традиционно ориентированной в своих внешнеполитических установках, в первую очередь, на укрепление отношений с государствами Западной Европы.

Возможность реализовать свои предложения демократы получили только с приходом к власти администрации Кеннеди. «Кеннеди, – писал Г. Киссинджер, –

олицетворял новое поколение американских лидеров. Они воевали во вторую мировую войну, но не на командных постах; они поддерживали создание послевоенного мирового порядка, но не входили в число его творцов. Предшественники Кеннеди, «присутствовавшие в момент творения», концентрировали свои усилия на сохранении того, что было ими выстроено. Администрация Кеннеди была сторонником нового архитектурного стиля. Ибо Трумэн и Эйзенхауэр полагали, целью атлантического союза является отражение советской агрессии; Кеннеди же хотел, чтобы родилось атлантическое сообщество, которое проложило дорогу к тому, что позднее стало именоваться «новый мировой порядок» [7, с.553].

В день независимости США 4 июля 1962 г. Кеннеди призвал к созданию «атлантического сообщества» Соединенных Штатов и «объединенной Европы, в котором интегрированная Европа стала бы равным партнером США, разделяя с ними обязанностями мирового лидера [12, р.537-539]. Президент Кеннеди идя на уступки паневропеистам в Западной Европе, провозгласил даже, что полное объединение Европы является условием дальнейшего, более масштабного, атлантического объединения. Принимая тезис «двух равных половин» Атлантики, и Кеннеди, и Джонсон основывались на том, что западноевропейская интеграция не самоцель, а лишь предварительный этап объединения всего Запада. Эта перспектива могла быть реализована лишь тогда, когда каждая из двух составляющих была бы равна другой по основным показателям мощи, исключая военный. Заместитель госсекретаря США Дж. Болл подчеркивал: «Конечно, мы можем вести переговоры с европейскими странами на равноправной основе, но существует один аспект равенства, который не зависит ни от воли, ни от действий Соединенных Штатов, а именно равенство масштабов и ресурсов. Между тем эта трудность была бы преодолена благодаря созданию объединенной Европы. Благодаря ресурсам, которые были бы примерно равны ресурсам Соединенных Штатов, объединенная Европа была бы для нас во всех отношениях равной. Но этого равенства никогда не удастся добиться, если Европа будет расколота, в результате чего ее мощь и ее значение будут меньшими» [13, с.231].

В практическом плане «атлантическое сообщество» предусматривало, в соответствии с «равным партнерством», разделение бремени по ответу на вызовы «третьего мира»; стимулирование экономического развития путем сокращения тарифов; в сотрудничестве с Японией значительное увеличение притока капиталов в слабо развитые страны, снижение экономического соперничества между «Общим рынком» и Англией, между «шестеркой» ЕЭС и «семеркой» ЕАСТ, и на этой основе создание «свободной мировой экономики».

В политическом отношении речь шла о создании единых органов «атлантического сообщества», а в военном, затрагивала вопрос о том, чтобы США поделились ядерными секретами с западноевропейскими союзниками. Позднее возникла концепция создания «многосторонних ядерных сил», которые должны были стать «примером широкого объединения сил западноевропейских стран в ядерной области. Тогда, считал госдепартамент, с западноевропейцами будет легче договориться в области экономики и политики. Европейским членам НАТО предложили участвовать «вместе с Америкой» в создании военно-морского флота,

оснащенного ядерным оружием. По замыслам составителей плана, экипажи кораблей (подводных или надводных) комплектовались бы из европейцев. Сам флот подчинялся бы НАТО, т.е. американскому главнокомандующему. Страны Западной Европы должны были финансировать строительство кораблей, их использование и обслуживание» [13, с.234]. Но эти планы, сложные для реализации сами по себе, натолкнулись на твердую позицию Франции, олицетворявшуюся президентом де Голлем. В ее основе находилось положение о том, что главное: национальная независимость, самостоятельная национальная оборона, свободная система союзов с учетом существовавших международных реальностей. Последний принцип предполагал и независимость от США. «Еще во время войны де Голля возмущали претензии США на мировое господство, – подчеркнула его биограф, – а после ее окончания он убеждался в том, что господство США не спасло Францию ни от экономического кризиса, ни от распада ее колониальной империи, а также не обеспечило ей прочного положения в Европе и в мире» [14, с.188]. А что до европейской интеграции, то человек, олицетворявший «величие Франции», говорил: «Среди галлов, германцев и латинян раздаются многочисленные призывы: «Создадим Европу!» Но какую Европу? Вот в чем вопрос... По нашему мнению, мнению французов, речь идет о том, чтобы Европа была создана для того, чтобы быть европейской. Европейская Европа – это значит, что она должна существовать сама по себе и для себя самой, иными словами, она должна иметь свою собственную политику в современном мире...а не являться организацией, не способной вести независимую политику, привязанной в этой области, как и в области обороны и экономики к системе атлантической, сиречь американской, и, следовательно, подчиненной тому, что США именуют своим «руководством» [14, с.241].

Естественно, такой континенталистский подход, нашедший отражение и в практической политике Франции в тезисе «Европа от Атлантики до Урала» и предусматривавший укрепление франко-германского сотрудничества и франко-советских связей, стал непреодолимой преградой на пути «атлантического сообщества». Комментируя столкновение концепций, Г. Киссинджер подчеркнул: «Возвышенные представления Кеннеди об атлантическом партнерстве базировались на наличие двух опор у крыши единого дома – Европы и Америки, и именно это представление вызвало отчаянное противодействие со стороны де Голля, выдвигавшего гораздо более изощренную, пусть даже менее одухотворенную, систему отношений. Обе концепции имели в своей основе конкретные исторические ценности каждой отдельной взятой стороны. Кеннеди осовременивал наследие Вильсона и Франклина Делано Рузвельта; де Голль выступал с весьма сложно – многоплановой версией классического европейского равновесия сил, в основе которого лежало наличие разделенной Германии, западногерманское экономическое преобладание, французское политическое господство в Европейском экономическом сообществе и, в качестве подстраховки, американская ядерная защита» [7, с.556-557].

Однако кризис в американо-западноевропейских отношениях, как представляется, имел многие последствия, не ограничившиеся хронологическими рамками первой половины шестидесятых годов. Это была первая столь масштабная попытка создать механизм атлантического сотрудничества между двумя

составляющими западной цивилизации. С тех лет многие факторы, препятствовавшие ее реализации либо перестали существовать, либо уже не являются определяющими. Степень интегрированности Европы – экономической, финансовой, политической, военной – олицетворяется ЕС – мощным объединением по многим показателям, вполне сопоставимым с США. Так же как и в шестидесятые годы, сегодня геополитическая обстановка в мире требует «совокупного» ответа всего Запада – атлантического сообщества. На концептуальном уровне это находит отражение во взглядах, проповедуемых таким крупным исследователем, как С. Хантингтон, который подчеркивает, что «для Запада настало время отказаться от иллюзии относительно универсальности и добиваться своего усиления, повышения своей сплоченности и жизнеспособности своей цивилизации в мире, в котором существуют множество цивилизаций» [4, с.91]. Это стремление подкрепляется еще и тем, обстоятельством, что на авансцене американской политики действует поколение, сформировавшееся в период, когда администрации Кеннеди и Джонсона стремились реализовать концепцию «атлантического сообщества» и впитывавшее соответствующий диапазон идей. Да и сама Америка извлекла определенные уроки. Конечно, тенденциям к сплочению Запада противостоят и определенные центробежные силы, однако, представляется, что на основе указанных причин в американской гостратегии в первое десятилетие двадцать первого века будет доминировать именно западноевропейско-атлантическое направление и стремление к обновлению и углублению партнерства со странами региона, ориентированное на второе издание «атлантического сообщества».

Список литературы

1. Тихонравов Ю. В. Геополитика./ Учебное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа» Интел-Синтез», 1998. – 368 с.
2. Бенуа А.де. Россия, Германия и другие//Геополитические тетради. - С.22//Элементы. Евразийское обозрение.- 1992.- № 1
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994.-№ 1.- С.33-35.
4. Хантингтон С.П. Запад уникален, но не универсален//Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 84-93.
5. Huntington S. The Clash of Civilization and Remaking the World Order. – New York: Simon & Scherfer, 1996. –368 p.
6. США - Западная Европа: партнерство и соперничество / Отв. ред. Ю. П. Давыдов. – М.: Наука, 1978. – 422 с.
7. Киссинджер Г. Дипломатия: Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
8. Богословский В.В. Политика США в Африке. – М.:Соцэкгиз, 1964. – 139 с.
9. Международные отношения после второй мировой войны/Гл. ред. Н.Н. Иноземцев: В 3 т. – М.: Госполитиздат, 1962-1964.
10. США и общеевропейский процесс/Ю.П.Давыдов, А.Б.Писарев, А.Ф.Горелова и др. – М.: Наука, 1989. – 160 с.
11. Morgentau H. J. The Crisis of American Foreign Policy. – Univ. of Conn. Press, 1960. – 20 p.
12. Public Papers of the Presidents of the United States. John F. Kennedy, 1962. – Washington, , 1963.
13. Громыко Ан. А. 1036 дней президента Кеннеди. – М.: Политиздат, 1968. – 279 с.
14. Антохина – Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз: Полит. портрет. – М.: Книга, 1990. – 228 с.

УДК 930.2; 39 (477.75)

У. К. Мусаева

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА
ВСЕУКРАИНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1926-1930 гг.)**

В изучении истории и этнографии народов Крыма в 20-годы XX века активное участие принимала действовавшая в Москве Всероссийская (позже Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения (1921-1930 гг.). Прототипом этой организации в Украине являлась Всеукраинская научная ассоциация востоковедения (ВУНАВ), развернувшая свою деятельность в 1926-1930 годы. Она сыграла выдающуюся роль в изучении этнографии, культуры, истории народов Украины, в частности и многих этносов Крымского полуострова.

За год до возникновения ассоциации на заседании Большого Президиума Укрнауки в Харькове от 13 июля 1925 г., на повестку дня выносился вопрос о создании Всеукраинской научной ассоциации востоковедения. Участниками заседания являлись: известный историк Д.И. Багалея; преподаватель Харьковского института народного образования проф. В.В. Дубровский; член-корреспондент Всеукраинской Академии наук, преподаватель Харьковского института народного образования проф. К.А. Красуский; доктор политехнических наук, председатель научного общества при Всеукраинской Академии наук проф. М.И. Яворский и др. [1, л. 22].

Организация возглавлялась правлением находившимся в г. Харькове. Имела филиалы в крупных городах Украины – Киеве и Одессе. Исследовательская работа проводилась политико-экономическим и историко-этнологическим отделами [2, с. 135-150].

В Харьковском филиале при Историко-этнологическом отделе активно действовали секции: искусство и археология, языковедение, этнология и литературоведение. Открытие ассоциации состоялось 10 января 1926 г. Основное работоспособное ядро действительных членов насчитывало 110 человек (Харьков – 42 человек, Одесса – 29 человек, Киев – 39 человек) и плюс 113 деятелей к ассоциации консультантов. Из них в научно-исследовательской и историко-краеведческой работе принимало участие: 3 члена академии наук, 28 профессоров, различных научных работников, литераторов и других деятелей науки [3, с. 241-250].

Действительными председателями ассоциации с 1926-1930 гг. являлись преподаватель Харьковского института народного хозяйства, Иркутского

государственного университета профессор Александр Николаевич Гладстерн и председатель Главнауки, заместитель Наркомпроса Укр ССР, председатель Государственного научно-методического комитета, руководитель секцией научно-исследовательского института педагогики Яков Петрович Ряппо. Руководителями филиалов являлись: в Киеве преподаватель Киевского института народного образования профессор Антон Степанович Синявский, до 1927 г. сотрудник Всеукраинской Академии наук, действительный член Киевского филиала ВУНАВ, директор курсов Востоковедения в г. Киеве профессор Павел Никифорович Лозеев, и в Одессе – А.И. Петренко, замещал которого проф. А.Я. Шпаков.

Историко-этнологический отдел был сформирован и действовал под руководством доктора исторических наук и литературы, преподавателя Харьковского института народного образования, руководителя научно-исследовательской кафедры языкознания профессора Павла Георгиевича Риттера. Почетным председателем отдела являлся акад. Владислав Петрович Бузескул. Основной задачей ассоциации являлось сотрудничество и научно-исследовательская работа с идентичными учреждениями Ближнего и Дальнего Востока. Огромный интерес ассоциации был проявлен к восточным республикам бывшего Советского Союза: республике Татарстан и Крыму. Этим и интересна для нас деятельность и исследовательская работа Ассоциации.

Ассоциация имела свою периодическую печать под названием «Східний Світ», выходившую до 1929 г., правда, в последствии в 1930 г. издание изменило свое название на «Червоний Схід». Нужно отметить, что издательская деятельность Всеукраинской научной ассоциации востоковедения была стеснена недостаточностью средств. Так, например в 1927 г. Наркомпросом на эту цель было отведено 1600 рублей.

В Харькове для членов ассоциации была создана небольшая библиотека (225 томов). Наряду с созданием библиотеки была собрана библиографическая картотека, в которой были взяты на учет материалы по востоковедению во Всеукраинском масштабе. За определенный период ассоциацией была установлена связь со многими научными учреждениями бывшего Советского Союза (Главнаука Грузии, Всеукраинская академия наук, Восточно-Сибирское отделение Российского географического общества, Иркутское отделение научной ассоциации востоковедения, Отделение ВНАВ Владивостока, Всеукраинская восточная торговая палата и др.)

Деятельность Историко-этнологического отдела, главным образом, развернулась в Харьковском филиале, причем члены отдела занимались изучением восточных элементов в украинской культуре, изучением восточного искусства, восточных языков, быта и культуры как зарубежных народов, так и входящих в состав СССР.

В 1925 году возник Одесский филиал ВУНАВ и с первых дней своего существования ставил перед собой следующие задачи: организовать востоковедные научные силы г. Одессы, приобщить к работе и довести научные открытия до «общественных масс». Филиал так же, как и Харьковское отделение, включал два отдела: Политико-экономический и Историко-этнологический.

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА
ВСЕУКРАИНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1926-1930 гг.)**

Правление Одесской ассоциации возглавлял проф. С.Б. Смоленский, заместителем главы правления Политико-экономического отдела являлся преподаватель Одесского института народного хозяйства, заведующий секции Харьковской научно-исследовательской кафедры мирового хозяйства, действительный член с 27.05.1927 г. профессор Александр Афанасьевич Сухов. Заместителем главы правления и руководителем Историко-этнологического отдела являлся доктор наук по восточнославянскому языковедению, член корреспондент Академии наук СССР, преподаватель Одесского института народного образования, член Одесского общества краеведения; член правления с 3.04.1926 г. профессор Александр Иванович Томсон; ученым секретарем ассоциации являлся деятель библиотечной системы, заведующий отделом комплектования Одесской центральной научной библиотеки, преподаватель Одесского института народного хозяйства, член бюро отдела, научный работник УНДИС, член комиссии Укрнауки по исследованию истории, украинно-турецких отношений, член ассоциации с 28.03.1926 г. профессор Федор Ефстафьевич Петрунь [4, с. 403-407].

Члены правления: преподаватель Одесского института народного образования, педагог, методист, член ассоциации с 1.04.1929 г. профессор Василий Александрович Арнаут; преподаватель Одесского института народного образования, член ассоциации с 29. 10.1929 г. профессор Константин Павлович Добролюбский; проф. О.Ф. Малеев; проф. П.О. Парфянк; преподаватель научно-исследовательской кафедры Одесского института народного хозяйства, член ассоциации с 28.10.1928 г. доцент Ефим Анатольевич Шрабштейн и др. [5, с. 27].

В деятельности отдела участвовали: хранитель Одесского государственного историко-археологического музея, секретарь археологической секции Одесского общества краеведения профессор Михаил Федорович Болтенко; доктор зоологических наук, профессор Александр Александрович Браунер; преподаватель Одесского института народного образования, заведующий библиографическим отделом Одесского центра научной библиотеки профессор Осип Львович Вайнштейн; преподаватель Одесского института народного образования и Одесского института изобретательных искусств профессор Борис Васильевич Варнаке; директор Одесского государственного историко-археологического музея, преподаватель Одесского института народного образования профессор Сергей Степанович Дложевский; преподаватель Одесского института народного образования профессор Евгений Александрович Загоровский; преподаватель Одесского института народного образования и Одесского института изобретательных искусств профессор Николай Матвеевич Семенов и др.

В работе Ассоциации также принимали участия члены общества, которые не входили в его состав. Ими являлись исследователи, историки и краеведы: академик, профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук Василий Владимирович Бартольд; проф. А.Н. Гладстерн; академик, доктор исторических наук и теории искусств, преподаватель Азербайджанского государственного университета и Азербайджанской высшей художественной школы Всеволод Михайлович Зуммер (Харьков-Баку); проф. Ф. Менцель (Киль); академик,

председатель Всесоюзной научной ассоциации востоковедения в Москве 1921-1930 гг. М.П. Павлович.

Одесский филиал ассоциации тесно сотрудничал с такими крупными научными учреждениями, как: Академия наук СССР; УАН ССР; Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР; Музей восточных культур в Москве и др. [6, с. 3-8].

В работе Историко-этнологического отдела ассоциации принимали участия 32 члена Харьковского филиала. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения учитывала острую необходимость создания в Украине школ живых восточных языков, которые в дальнейшем были введены в курс востоковедения. При них были организованы новые предметы: архитектура Востока, география Востока и др., они проводились под руководством заместителя музея искусств Всеукраинской Академии наук, преподавателя Киевского художественного института профессора Сергея Алексеевича Гилярова. Возглавлял курсы и считался их директором проф. П.Г. Риттер.

Более важным достижением ассоциации на время деятельности приходилось, открытие в Харькове при Институте народного хозяйства Отделения международных отношений, сотрудничавшего с восточными учреждениями по всему миру. Отделение начало функционировать с осени 1927 г., пополняя профессорско-преподавательский состав из числа действительных членов ассоциации. С 1927 г. научно-исследовательский интерес ассоциации проходил в Крыму, руководил которыми писатель, ученый, педагог Осман Нури-Асанович Акчокраклы (1887-1938 гг.) [7, с. 290-298].

Под предводительством заведующего Губернского архивного бюро, заместителя председателя общества Изучения Ульяновского края, профессора Андрея Федоровича Жукова на территории горы Ай-Петри проходили этно-археологические раскопки. Дальнейшее исследование Крыма заключалось в изучении районов Бахчисарая, проводимом проф. Г.А. Бонч-Осмоловским; заведующим археологического отделения Центрального музея Тавриды, действительным членом Московского отделения Российской Академии истории материальной культуры проф. Н.Л. Эрнстом.

Организованная экспедиция в Судакскую крепость носила этнографо-археологический характер. В ней принимал участие исследователь готских могильных памятников в Украине, профессор Ю.В. Готье; сотрудник этнографического отдела Воронежского государственного областного музея, член Воронежского общества краеведения, профессор Георгий Ильич Фомин, результатом экспедиционных работ явилось подтверждение о существовании в Крыму сельджукского периода. Исследования этого периода проходили под руководством проф. И.Н. Бороздина и А.С. Башкирова (ВНАВ при ВЦИК СССР) [8, с. 206-214].

Под руководством преподавателя Харьковского института народного образования, сотрудника научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, профессора Владимира Петровича Анисимова, проводились

исследования памятников архитектуры средневекового Крыма и турецко-крымскотатарского периода.

В работе Историко-этнологического отдела ассоциации принимали участие известные востоковеды, представители краеведных организаций, действующие за пределами Украины. На ежегодном заседании были заслушаны следующие доклады: проф. В.М. Зуммера (Баку) «Про тюркологический съезд, с предварительным созывом в Бахчисарае»; проф. Ф.Е. Петруня (Одесса) «Ханские ярлыки на украинских землях» с сопровождением и демонстрацией снимков памятников культуры восточных народов Украины [9, с. 293-294].

В 1927 г. Ассоциация установила международные отношения с зарубежными научными учреждениями (Национальной библиотекой Иерусалимского университета, Национальным Берлинским университетом и другими учреждениями мира) [10, с. 170-188].

За период 1926-1929 гг. Ассоциация принимала участие в организации и проведении различных конференций и съездов. Например, в Крыму за этот период Одесский филиал активно участвовал в Востоковедческих конференциях: I съезд (22-24 мая 1927 г.); II съезд (1-6 ноября 1929 г.); XVII Всемирном конгрессе в Оксфорде (1928 г.) [11, с. 8-11].

Кроме этого Одесский филиал являлся участником 3-х Крымских научных съездов и заседаний. За период 1927 г. было проведено: международный съезд в честь 100-летию раскопок Херсонеса (10-13 сентября), затем в Симферополе состоялся съезд членов филиалов Российского общества по изучению Крыма (15-17 сентября) [12, с. 122-124].

В 1928 г. в одном из номеров «Східного Світа» была опубликована статья проф. И.Н. Бороздина «Об изучении материальной культуры тюркских народов СССР». Эта же проблема была обсуждена на Всесоюзном Бакинском тюркологическом съезде, на I Курултае и на конференции археологов СССР в г. Керчи, где собирались различные представители тюркских народов [13, с. 22-23].

Проф. И.Н. Бороздин отмечал, что в 1920-1930 гг. прослеживалось активное изучение крымскотатарской культуры, особенно ее ранних периодов. Исследованию подверглись памятники крымскотатарской культуры: в Солхате (Эски-Юрте); Старом Крыму (Золотоордынского периода) Бахчисарае; Карасубазаре (изучение Крымского ханства в новое время) и др. Автором были предложены соответствующие выводы и следующие предложения в развитии деятельности востоковедения: усилить преподавание материальной культуры и искусства тюркских народов в вузах, создание специального научно-исследовательского института, образование особых обществ или секций, отделений при существующих научных организациях [14, с. 159-165].

22 мая 1927 г. в г. Харькове проходил I Всеукраинский съезд ВУНАВ. Его открывал заместитель главы ассоциации проф. А.Н. Гладстерн. Почетный президиум составляли: проф. И.Н. Бороздин, акад. В.П. Бузескул, академик Всеукраинской Академии наук В. Ф. Левитский, проф. П.Г. Ритер, проф. Я.П. Ряппо, проф. А.А. Сухов, проф. А.Г. Шлихтер и др. [15, с. 27-30].

На съезд были приглашены и заслушаны доклады делегатов Одесского и Киевского филиалов: О.Н. Акчокраклы, проф. И.Н. Бороздина, проф. Ф.Е. Петруня и др. [16, с. 30-40].

Работа ассоциации в 1927 г. ознаменовалась организацией в Крыму этнографических и археологических экспедиций в Чуфут-Кале. В том же году в очередном номере был напечатан отчет экспедиции Комитета по земельному устройству еврейской национальности по всей Украине при Президиуме Совета национальностей ВЦИК СССР (Комзет) [17, с. 323-325].

В Москве в 1928 г. была подготовлена и выпущена книга под редакцией академика, профессора, действительного члена Всесоюзной Академии наук В.Р. Вильямса. В ней помещены итоги работы комиссии Дальневосточного края (ДВК) Бирско-Биджанского района. Деятельность этой комиссии заключалась в решении актуальных проблем народа (земельного устройства, расселения, образования и др.) [18, с. 345-350].

В опубликованном номере «Східного Світа» 1928 г. помещена статья преподавателя персидского языка, курсов новых восточных языков г. Харькова Ахмеда Тухветуловича Сафарова «О расселении поволжских татар на территории Украины». Этнографом сделаны и зафиксированы соответствующие выводы об открытии различных школ, домов-читальней, библиотек, клубов и других просветительских центров данного этноса. Затем автор предоставляет нам анализ существующей периодической печати [19, с. 208-211].

А.Т. Сафаровым также были изучены издания украинской периодики, сообщающие об устройстве поволжских татар на данной территории периода (1905-1925 гг.). Нужно отметить, что периодическая печать выходила в очень большом количестве и имела разносторонний характер (от научно-просветительского до научно-социального) [20, с. 212-215].

В 1927 г. (28 октября) в Харькове состоялось очередное собрание (совместно с филиалами ассоциации), на котором было выбрано правление и ревизионная комиссия (Ревком). Присутствовали представители Одесского филиала: проф. С.И. Боркусевич, проф., ректор Одесского института народного образования Тихон Митрофанович Внуков, проф. С.С. Дложевский, проф. Е.А. Загоровский, проф. К.И. Коник, проф. Ф.Е. Петрунь, проф. А.А. Сухов, проф. А.И. Томсон и другие [21, с. 267-272].

Представители Киевского филиала: профессор внутренних болезней Александр Семенович Берлянд, преподаватель Киевского сельскохозяйственного института профессор Василий Михайлович Иванушкин; академик Всеукраинской Академии наук, профессор Федор Иванович Мищенко, проф. И.В. Моргиевский, заведующий кабинетом антропологии и этнографии Всеукраинской Академии наук профессор Анатолий Зиновьевич Носов и др.

На заседании подводились итоги научно-общественной деятельности ассоциации по всей территории Украины. Планировалось в 1928 г. создать очередной съезд с зарубежными учеными востоковедами (Германии, Грузии, Франции и с другими крупными государствами) [22, с. 373-390].

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА
ВСЕУКРАИНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1926-1930 гг.)**

На итоговом заседании также были заслушаны следующие доклады: сотрудника Одесского государственного историко-археологического музея профессора Эммануила Григорьевича Оксмана «Мечеть Хан-Джами в Евпатории», А.С. Сенгалевича (Одесса) «Караимы: история, творчество и быт», проф. Н.М. Семенова (Одесса) «Крымское языковедение», Ф.Е. Петруня (Одесса) «Татарская Украина» и др.

В том же году была отправлена делегация в Турцию, в составе: проф. А.Н. Гладстерна, акад. В.М. Зуммера, проф. А.А. Сухова и писателя П.Г. Тычины, по маршруту Анкара–Кони–Смирно–Бруса–Стамбул. Состоялись встречи с ректором Стамбульского университета Омер-Негад-беом, деканом исторического факультета Кепрюлюзаде Ахмед Фуад-беом и др.

Для научной работы члены делегации использовали пребывание в Турции каждый по-своему. Ученые ознакомились с механизмом законодательных и исполнительных органов, судебной организацией турецкой столицы, с памятниками сельджукского времени и с другими достопримечательностями турецкого государства.

В 1928 г. Ассоциацией были исследованы памятники материальной культуры в Крыму. Известными этнографами-археологами: О.Н. Акчокраклы, У.А. Боданинским, Б.Н. Засыпкиным, проф. Н.Л. Эрнстом совершались различные этнографические экспедиции по изучению многих этносов Крыма. Проводились раскопки в Старом Крыму, Солхате (Эски-Юрта). Велась этнографическая работа, включающая в себя сбор экспонатов материальной культуры с территории раскопок Древнего Солхата [23, с. 360-362].

Нужно отметить, что этнический состав Украины, а также в частности Крымского полуострова, на протяжении всего времени был столь же пестрым, как сегодня. Среди разноплеменного населения степной Украины с I пол. XIX в. были расселены ногайцы. До определенного времени эта часть степи принадлежала Крымскому ханству, но незадолго до его падения перешла под власть России. Востоковед проф. Б.В. Варнаке проводил исследование расселения народа в этническом, в административно-территориальном и хозяйственном плане. Автором выделено 3 ногайские орды: Эдисанская, Эдичкульская, Джамбуйлущкая, которые делились на 43 аула. Из населения – духовных ногайцев было 716 человек, мурз – 296 человек, черного народа – 16.003 человек и того всего 17.015 тыс. человек населения. Среди ногайцев, – пишет автор, – в основном были люди из торговой буржуазии, именно это влекло за собой уменьшение численности населения этого этноса [24, с. 137-146].

В 1928 г. в Крыму побывал проф. Н.М. Семенов, свои впечатление о поездке автор изложил в статье «Східного Світа». Было проведено исследование крымской языковедческой литературы за период с 1925-1928 гг. Значительно больше было сделано по исследованию и изучению крымскотатарского языка. Автором выделено несколько работ, являющихся наиболее интересными в области языковедения: проф. В.И. Филоненко «К вопросу о происхождении слово “тат”», проф. Б.В. Чобан-Заде «Крымскотатарская научная этимология», преподавателя Крымского

педагогического института А.А. Одабаш и И.С. Кая «Руководство для обучения по крымскотатарскому языку» и др.[25, с. 217-219].

В «Східном Світі» В.В. Дубровский предоставил краткий анонс сборника «Записок» историко-филологического отдела ассоциации. Сборник был выпущен тюркологической комиссией, филологической кафедрой ассоциации под редакцией академика, секретаря Всеукраинской Академии наук, председателя Историко-филологического отделения А.Е. Крымского. В сборнике была отражена: история Крыма, его народов, история лингвистического аспекта Крыма; развитие крымскотатарского землевладения и др. Огромное внимание автор обращает на сбор библиографических данных по изучению и развитию языковедения крымскотатарского языка. В книге использованы и проанализированы следующие работы: О.Н. Акчокраклы «Аналогія з кримськотатарських поетів», Б.В. Чобанзаде, Х. Крымчака и другие исследования ученых в области языковедения. Автор отмечал уникальность нововведенных изданий, содержащих характер новизны в данной области [26, с. 298-301].

С 1927 г. Всеукраинской научной ассоциацией был проведен ряд конференций, на которых ассоциация была и участником. Так, например, в 1925 г. в Москве проходил I Всесоюзный учительский съезд, в котором члены ВУНАВ принимали активное участие. В 1926 г. (25-29 января) в Азербайджане в городе Баку состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд, проводимый Всеукраинской научной ассоциацией востоковедения и Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения (Москва), а так же АН СССР. Она проходила под заголовком «Проблемы изучения орфографии» и предусматривала цель – установить принципы правописания, с введением нового алфавита на латинской основе для азербайджано-турецкого литературного языка [27, с. 367-391].

В работе конференции участвовали знаменитые востоковеды теоретической тюркологии: писатель, педагог, общественный деятель Айвазов Асан Сабрие; профессор Бакинского университета Бекир Чобан-Заде и, командированный Академией наук, хранитель музея факультета восточных языков, профессор турецко-татарской словесности факультета восточных языков Петербургского университета, ректор Петербургского университета живых восточных языков, член-корреспондент академии наук А.Н. Самойлович. После проведения I съезда была выдвинута резолюция об организации «Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита» с местом постоянного пребывания в Баку. Проведение следующего съезда предполагалось организовать в 1928 г., хотя реально было отложено до 1929 года [28, с. 271-273].

Важной вехой в исследовательской и общественной деятельности ассоциации на период 1928-1929 гг. приходится организация и проведения II Всеукраинского востоковедного съезда. Для созыва съезда было организовано Оргбюро во главе с заместителем народного комиссариата образования УССР А. Полоцким в составе: Главы Укрнауки НКО УССР Ю. Озерским; заместителем главы ВУНАВ проф. А.Н. Гладстером; членом правления и председателем Политико-экономического отдела ВУНАВ проф. Л.И. Величко; академиком Всеукраинской Академии наук,

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА
ВСЕУКРАИНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1926-1930 гг.)**

заведующим музеем деятелей Украины проф. А.П. Новицким; проф. М. Любченко [29, с. 225-227].

Проведение съезда было назначено на 11 июня, но по организационным и техническим обстоятельствам перенесли на 1 ноября 1929 г. В работе съезда принимали участие 139 востоковедов, не только из составных государств бывшего СССР, но и из зарубежных государств (Турции, Персии, Германии, Чехословакии) [30, с. 369-391].

Работа съезда состояла из несколько секций: политики, экономики и права, истории, этнологии и искусства, языковедения и литературы. Для нас представляет огромный интерес секция этнологии и искусства. Она состояла из членов президиума: преподавателя Харьковского института народного образования, директора Харьковского археологического музея проф. Александра Семеновича Федоровского; проф. И.Н. Бороздина (Москва); проф. В.М. Зуммера (Баку); сотрудника Кавказского историко-археологического института, руководителя Харьковской секции научно-исследовательской кафедры искусствоведения проф. Дмитрия Петровича Гордеева; преподавателя Восточного педагогического института, члена общества археологии, истории и этнографии Казанского государственного университета, члена общества татароведения проф. Виктора Федоровича Смолина и другие. Участники секции заслушали ряд интересных докладов. Среди них: А. Ярхо (Москва) «Исследования по антропологии тюркских народностей», проф. А.З. Носов (Киев) «К антропологии крымских татар» и др. [31, с. 37-38].

В том же году, сразу после проведения съезда была создана комиссия для изучения украинно-турецких отношений [32, с. 3-5].

Итоги антропологических и этнографических исследований у народов Крыма, а именно крымских татар, отражает статья проф. А.З. Носова. По мнению автора, — этот этнос Крыма, является более смешанным антропологическим видом, хотя с разным внешним отличием [33, с. 301-313].

Огромный интерес к этнографии, этнографо-методическим исследованиям народов Крыма проявлял проф. П.Н. Лозеев. Организация этнографического изучения, по мнению автора, — это проведение фотосъемок, собирания фольклорных коллекций, изучение эволюции языка и применение методической помощи в этнографических исследованиях [34, с. 333-335].

Итогом работы 1929 г. являлась статья проф. Н.М. Семенова. Интерес автора вызвал период (1926-1928 гг.), за время которого происходит интенсивное изучение крымскотатарской литературы и формирования области языковедения [35, с. 359-360].

В 1930 г. Ассоциация радикально изменила название своего периодического издания на «Червоний Схід». Он был издан при участии Государственного дворца музея крымскотатарской культуры Бахчисарая и директора У.А. Боданинского, в котором была помещена статья «Археологическое и этнографическое изучение крымских татар в Крыму». Это статья носила результаты исследовательской работы в области этнографии и археологии Бахчисарайского музея и его проведенных экспедиций.

Нужно отметить, что кроме довольно – таки обширного объема исследования музей занимался изучением памятников крымскотатарского зодчества в виде гражданских и культурных сооружений Чуфут-Калы, Салачике, Солхата (Эски-Юрте), Уласны, Ходжа-Сала и ближних окрестностях и районах Бахчисарая. В статье помещена информация о создании специальных отделов для исследования и собирания этнографических и кустарно-промышленных материалов, памятников народов Крыма. Проблемой и задачей исследования экспедиции являлся сбор фольклорных данных, народной музыки, эпиграфики, национального жилища, одежды, обычаев, искусства и производство национального полотна, ткани, производство шерсти, вышивки, ювелирного филигранного производства и др. [36, с. 3-31].

В 1930 г. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения была закрыта, ее закрытие в то время было не единичным случаем. Подверглись ликвидации такие общества, как: Российское общество по изучению Крыма (РОПИК); Всесоюзная научная ассоциация востоковедения (ВНАВ); Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАиЭ); Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы (КОЕиЛП); Бахчисарайский государственный музей крымскотатарской культуры; Центральный музей Тавриды; Ялтинский Восточный музей и др.

Несмотря на столь краткий срок существования, объем и результативность деятельности ассоциации огромен: издание на территории Украины периодического журнала, имеющего репутацию Всесоюзного; организация филиалов в различных крупных городах Украины, активно изучавшая материальную и духовную культуру народов Украина и Крыма; сотрудничество с научно-исследовательскими учреждениями, не только бывшего Союза, но и зарубежных стран. В результате украинские востоковеды получали общественную трибуну, с помощью которой отстаивали культурные интересы народов Украины и Крыма [37, с. 53-153].

Список литературы

1. Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. Р-39, оп. 1, д. 1.
2. Урсу Д. П. З історії сходознавства на півдні України // Східний Світ.– 1994.– № 1/2.– С.135-150.
3. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения и ее деятельность: Хроника // Східний Світ.– 1927.– № 1.– С. 241-250.
4. Петрунь В. Ф. До 75-річчя Одеської філії всеукраїнської наукової асоціації сходознавства (крізь призму родинних спогадів) // Записки історичного факультету / Одеський національний університет ім. І. І. Мечнікова.– Одесса, 2001.– Вып. 11.– С. 403-407.
5. Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства. Одеська філія: Хроніка. 1926-1930 гг., 1927-1928 гг.– Одесса, 1930. С.27.
6. Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства. Одеська філія: Хроніка. 1926-1930 гг.– Одесса, 1928.– С. 3-8.
7. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения и ее деятельность: Хроника // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 290-298.
8. Мусаева У. К. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения и изучение Крыма в 1920-х годах // Библиотечное дело и краеведение: Сборник научных трудов.– Киев; Симферополь.– 2000.– Вып. 2.– С. 206-214.
9. Зуммер В. С. Протюркологический съезд с предварительным созывом в Бахчисарая // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 293-294.

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ КРЫМА
ВСЕУКРАИНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1926-1930 гг.)**

10. Петрунь В. Е. Ханские ярлыки на украинских землях // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 170-188.
11. Гландстерн А. Н. М. П. Павлович // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 8-11.
12. Кулик И. М. П. Павлович в Украине // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 12-14.
13. Засідання правління Київської філії ВУНАВ // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 22-23.
14. Бороздин И. Н. Проблемы изучения материальной культуры тюркских народов СССР // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 159-165.
15. Ряппо Я. П. Річний з'їзд Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 27-30.
16. Riapoо I. P. Congres annuel de l'Accosiation scientitiqua Ukraїnienne des Orientales // Східний Світ.– 1928.– № 2.– С. 30-40.
17. Струве В. Археологічна експедиція в Чуфут-Кале // Східний Світ.– 1928.– № 3/4.– С. 323-325.
18. Синяевский А. Бирско-Биджанский район ДВК. Предварительный отчет экспедиции Комзета в 1927 г. // Східний Світ.– 1928.– № 3/4.– С. 347-350.
19. Сафаров А. Т. Про татарів на Україні // Східний Світ.– 1928.– № 3/4.– С. 208-211.
20. Сафаров А. Т. З історії татарської періодичної преси (1905-1925 гг.) // Східний Світ.– 1928.– № 3/4.– С. 212-215.
21. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения и ее деятельность: Хроника // Східний Світ.– 1928.– № 6.– С. 2267-272.
22. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения и ее деятельность: Хроника // Східний Світ.– 1929.– № 1/2.– С. 371-390.
23. Акчокраклы О.Н. Научно-исследовательская работа по истории материальной культуры в Крыму за 1928 г. // Східний Світ.– 1929.– № 1/2.– С. 360-362.
24. Варнаке Б. В. До соціально-екномічної історії Таврійських ногайців // Східний Світ.– 1929.– № 3(9).– С. 137-146.
25. Семенов Н. М. Огляд кримської мовознавчої літератури // Східний Світ.– 1929.– № 3(9).– С. 217-219.
26. Дубровский В. В. Студії з Криму // Східний Світ.– 1930.– № 4/5 (13/14).– С. 298-301.
27. I Всесоюзный съезд в Баку. Латинизация письменности народов СССР // Східний Світ.– 1930.– № 10/11.– С. 367-391.
28. Бороздин И. Н. I Всесоюзный тюркологический съезд // Новый Восток.– 1927.– № 18.– С. 271-273.
29. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения и ее деятельность: Хроника // Східний Світ.– 1929.– № 3(9).– С. 225-227.
30. II Всеукраинский востоковедный съезд: Хроника // Східний Світ.– 1930.– № 10/11.– С. 369-391.
31. II Всеукраинский востоковедный съезд // Бюлетень Института дагестанской культуры.– 1930.– № 10/11.– С. 37-38.
32. Полоцкий А. Итоги II Всеукраинского востоковедного съезда // Східний Світ.– 1930.– № 10/11.– С. 3-5.
33. Носов А. З. Кримські татари: Антропологічні нариси // Східний Світ.– 1930.– № 10/11.– С. 301-313.
34. Лозеев П. Н. Про збирання етнографічних матеріалів на радянському Сході // Східний Світ.– 1930.– № 10/11.– С. 333-335.
35. Семенов Н. М. Новини кримської лінгвістичної літератури за 1929 рік // Східний Світ.– 1930.– № 10/11.– С. 359-360.
36. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму.– Симферополь, 1930.– С. 3-31.
37. Наука и научные работники СССР: Справочник.– Ленинград, 1928.– Ч. 6.– С. 53-153.

АННОТАЦИИ

Ганкевич В. Ю. Санкт–Петербургская типография Ильяса Бораганского

В статье отражены основные этапы возникновения и развития тюрко-мусульманской типографии И.Бораганского в Санкт–Петербурге в конце XIX – начале XX в.

Дмитриев В.В. Градоначальники юга Украины в XIX – начале XX вв.

В статье рассмотрена деятельность градоначальников и их роль по развитию инфраструктуры юга Украины в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: градоначальник, юг Украины, деятельность.

Ирхин А.А. США и роль армии в политической жизни Турции: история и современность

С статье исследуются основные проблемы американо-турецкого военного сотрудничества и использование турецкой армии как важнейшего проводника вестернизации турецкого общества.

Ключевые слова: армия, региональное лидерство, американо-турецкие отношения

Непоминащий А. А. Крымоведение в научном наследии Юлиана Кулаковского: библиографические штудии

На основе полного библиографического свода трудов ученого и новых архивных документов дана характеристика крымоведческому наследию Ю. А. Кулаковского

Ключевые слова: Кулаковский Ю. А., крымоведение, библиография

Петрова Э.Б. Культы богов-врачевателей в античных государствах Северного Причерноморья

В статье рассматриваются вопросы, связанные с культурами богов-врачевателей в античных государствах Северного Причерноморья: Аполлона Врача, Асклепия, Гигиен и других.

Ключевые слова: античность, боги-врачеватели, Северное Причерноморье

Спивак И. А. Причины возникновения зороастризма: к методологии религиоведческого анализа

В статье делается попытка выявить причины возникновения зороастризма, путём сопоставления исторической ситуации первой половины I тыс. до н.э. на территории Ирана с дозороастрийскими верованиями индоиранцев. При реконструкции религиозной системы индоиранцев, наряду с Авестой, привлекаются материалы Ригведы.

Ключевые слова: Заратуштра, зороастризм, индоиранцы, Авеста, Ригведа, религия.

Урсу Д.П. Архивные поиски крымского француза – героя Мадагаскара

В статье автор рассказывает об архивных поисках точной даты рождения Поля Дюссак, родившегося в Симферополе от французских родителей, ставшего впоследствии героем национально-освободительной борьбы на Мадагаскаре

Ключевые слова: Мадагаскар, Дюссак, Крым, французская община

Щевелев С. С. Палестино-израильский диалог и 1991 – 1993 годах (Мадрид – Осло – Вашингтон)

В статье автор сообщает о поисках мирного решения палестино-израильской конфронтации в ходе двусторонних переговоров в Мадриде, Осло, Вашингтоне.

Ключевые слова: Арафат, Мадрид, Осло, Вашингтон, Израиль.

Юрченко С.В. Соединенные Штаты и Западная Европа на пути к «равному партнерству»: этапы и проблемы

В статье анализируются основные этапы американо-западноевропейских отношений после второй мировой войны и перспективы политики, направленной на укрепление «атлантического сообщества».

Ключевые слова: атлантизм, «равное партнерство», западная цивилизация

Мусаева У.К. Исследования в области этнографии Крыма Всеукраинской научной ассоциацией востоковедения (1926-1930 гг.).

На основе исследований в области этнографии народов Крыма прослеживается деятельность Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (1926-1930 гг.), действовавшей в Украине в 20-е гг. XX в.

Ключевые слова: Всеукраинская научная ассоциация востоковедения, Крым, филиал.

АНОТАЦІЇ

Ганкевич В. Ю. Санкт–Петербурзька друкарня Ільєса Бораганського

У статті відбиті основні етапи виникнення та розвитку тюрко-мусульманської друкарні І.Бораганського у Санкт–Петербурзі наприкінці XIX – на початку XX ст.

Дмитрієв В.В. Градоначальники півдня України в XIX – на початку XX ст.

В статті розглядається діяльність градоначальників та їх роль в розвитку інфраструктури півдня України в XIX – на початку XX ст.

Ключові слова: градоначальник, південь України, діяльність.

Ірхін О.А. Сполучені Штати та роль армії у політичному житті Туреччини: історія та сучасність

В статті досліджуються головні проблеми американо-турецького військового співробітництва та використання турецької армії як важливого провідника вестернізації турецького суспільства.

Непомнящий А. А. Кримознавство в науковій спадщині Юліана Кулаковського: бібліографічні штудії

На підставі повного бібліографічного зводу праць вченого та нових архівних джерел подана характеристика кримознавчої спадщини Ю. А. Кулаковського

Ключові слова: Кулаковський Ю. А. , кримознавство, бібліографія

Петрова Е.Б. Культри богів–лікарів у античних державах Північного Причорномор'я

У статті розглядаються питання, пов'язані з культурами богів–лікарів у античних державах Північного Причорномор'я: Аполлона Лікаря, Асклепія, Гигієї та інших.

Ключові слова: античність, боги–лікарі, Північне Причорномор'є

Співак І. О. Причини виникнення зороастризму: до методології релігіознавчого аналізу

У статті робиться спроба виявити причини виникнення зороастризму шляхом зіставлення історичної ситуації першої половини I тис. до н.е. на території Ірану з дозороастрийськими віруваннями індоіранців. При реконструкції релігійної системи індоіранців, разом з Авестою, залучаються матеріали Рігведи.

Ключові слова: Заратуштра, зороастризм, індоіранці, Авеста, Рігведа, релігія.

Урсу Д.П. Архівні пошуки кримського француза – героя Мадагаскару

В статті автор розповідає про архівні пошуки точної дати народження Поля Дюсака, який народився в Сімферополі від французьких батьків, а згодом став героєм національно-визвольної боротьби на Мадагаскарі

Ключові слова: Мадагаскар, Дюсак, Крим, французька громада

Щевелев С. С. Палестино-ізраїльський діалог у 1991 – 1993 роках (Мадрид – Осло – Вашингтон)

У статті автор повідомляє про пошуки мирного рішення палестино-ізраїльської конфронтації в ході двосторонніх переговорів у Мадриді, Осло, Вашингтоні.

Ключові слова: Арафат, Мадрид, Осло, Вашингтон, Ізраїль.

Юрченко С.В. Сполучені Штати та Західна Європа на шляху до “Рівного партнерства”: етапи і проблеми

В статті аналізуються головні етапи американо – західно – європейських відносин у період після другої світової війни та перспективи політики, спрямованої на зміцнення “атлантичної спільноти”.

Мусаєва У.К. Дослідження в галузі етнографії Криму Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства (1926-1930 рр.).

На підставі досліджень в області етнографії народів Криму досліджується діяльність Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства (1926-1930 рр.), яка розгорнулася в Україні в 20-х рр. XX ст.

Ключові слова: Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства, Крим, філії.

SUMMARY

Gankiewicz V. Yu. **Printer's of Ilyas Boraghanskiy in St.-Petersburg**

The author article tells about to foundation and development turk-muslim printer's of Ilyas Boraghanskiy in St.-Petersburg (end XIX – beginning century).

Dmitriev V.V. **Gradonachalniks (military governors) southern Ukraine in XIX – beginning XX centuries**

In the article there have been studied activities of gradonachalniks (military governors) and their role in development of the southern Ukraine in XIX – beginning XX centuries.

Keywords: gradonachalniks (military governors), southern Ukraine, activities

Irhin A.A. **USA and army role in the political life of Turkey: history and contemporareity**

In this article are studing the maine problems of American – Turkish military cooperation and use of Turkish army as imporment instrument westernization of Turkish society.

Nepomnyashchy A. A. **Biobibliography studies of Ulian Kulakovsky**

The basic Crimean studies the personal list of scientists of local lore Kulakovsky U. A.

Keywords: Kulakovsky U. A., Crimea, Regional Studies, Bibliography

Petrova E.B. **Cults of gods-healers in ancient states of the North Black Sea littoral**

This article is dealing with the questions connected with the cults of gods-healers in ancient states of the North Black Sea littoral: Apollo the Healer, Asclepius, Hygiea and others.

Keywords: antiquity, gods-healers, North Black Sea littoral

Spivak I.A. **The reasons of emerging of Zoroastrianism: towards the methodology of religion study analysis**

This article provides an attempt to underlie the reasons of the emerging of Zoroastrianism by means of comparing the historical situation in the first half of the first millenium BC on the territory of Iran with pre-Zoroastrian beliefs of IndoIranians. During the reconstruction of the religious system of IndoIranians, Rigveda texts are used along with Avesta.

Keywords: Zaratushra, Zoroastrianism, IndoIranians, Avesta, Rigveda, religion.

Ursu D.P. **Archival search for the Crimean Frenchmen – hero of Madagascar**

In this article the author speaks about archival search for the exact date of birth of Paul Dussac, born at Simferopol by French parents who became a hero of national liberation movement in Madagascar

Keywords: Madagascar, Dussac, Crimea, French community

Schevelev S. S. **The Palestinian-Israeli dialogue in 1991 – 1993**

The author tells about the search of the peaceful decision of the Palestinian-Israeli confrontation in the course of bilateral negotiations in the Madrid, Oslo, Washington, in this article.

Keywords: Arafat, Madrid, Oslo, Washington, Israel.

Yurchenko S.V. **United States and Western Europe on the way to “equale partnership”: stages and problems**

In this article are analyzing the maine stages of the US-Western Europe relations after the second world war and the perspectives of policy directing to strengthening of the Atlantic community.

Musaeva U.K. **Researching at ethnography of Crimea of Allukranian scientific association of oriental studies (1926-1930).**

Based on researching field of people ethnography of Crimea researching of Allukranian scientific association of oriental studies (1926-1930), at Ukraine in 20-th century.

Keywords: Allukranian scientific association of oriental studies, Crimea, filial.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ганкевич Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины и вспомогательных дисциплин ТНУ им. В.И. Вернадского

Дмитриев Владислав Владимирович, аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных дисциплин ТНУ им. В.И. Вернадского,

Ирхин А.А. Кафедра новой и новейшей истории ТНУ им. В.И. Вернадского

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин ТНУ им. В.И. Вернадского

Петрова Элеонора Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского

Спивак Игорь Александрович, старший преподаватель кафедры страноведения Таврического Эколого-Политологического института, соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского

Урсу Д.П., доктор исторических наук, профессор. Украина, Автономная Республика Крым, 95007, Симферополь, Ялтинская 4, ТНУ им. В. И. Вернадского, Исторический факультет, кафедра новой и новейшей истории.

Щевелев С. С., доктор исторических наук, доцент. Украина, Автономная Республика Крым. Симферополь, Ялтинская, 4. ТНУ им. В. И. Вернадского, Исторический факультет, кафедра новой и новейшей истории.

Юрченко С.В. Кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет

Мусаева У.К. Аспирантка кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ганкевич В. Ю.</i>	
Санкт–Петербургская типография Ильяса Бораганского.....	3
<i>Дмитриев В. В.</i>	
Градона начальники юга Украины в XIX – начале XX вв.....	11
<i>Ирхин А.А.</i>	
США и роль армии в политической жизни Турции: история и современность	21
<i>Непомнящий А. А.</i>	
Крымоведение в научном наследии Юлиана Кулаковского: библиографические штудии.....	30
<i>Петрова Э. Б.</i>	
Культы богов–врачевателей в античных государствах Северного Причерноморья	40
<i>Спивак И. А.</i>	
Причины возникновения зороастризма: к методологии религиоведческого анализа.....	53
<i>Урсу Д. П.</i>	
Архивные поиски крымского француза – героя Мадагаскара.....	65
<i>Щеелеев С. С.</i>	
Палестино–израильский диалог в 1991 – 1993 годах (Мадрид – Осло – Вашингтон).....	71
<i>Юрченко С. В.</i>	
Соединенные Штаты и Западная Европа на пути к «равному партнерству»: этапы и проблемы.....	81
<i>Мусаева У.К.</i>	
Исследования в области этнографии Крыма Всеукраинской научной ассоциацией востоковедения (1926–1930 гг.).....	89
Аннотации	100
Сведения об авторах.....	103